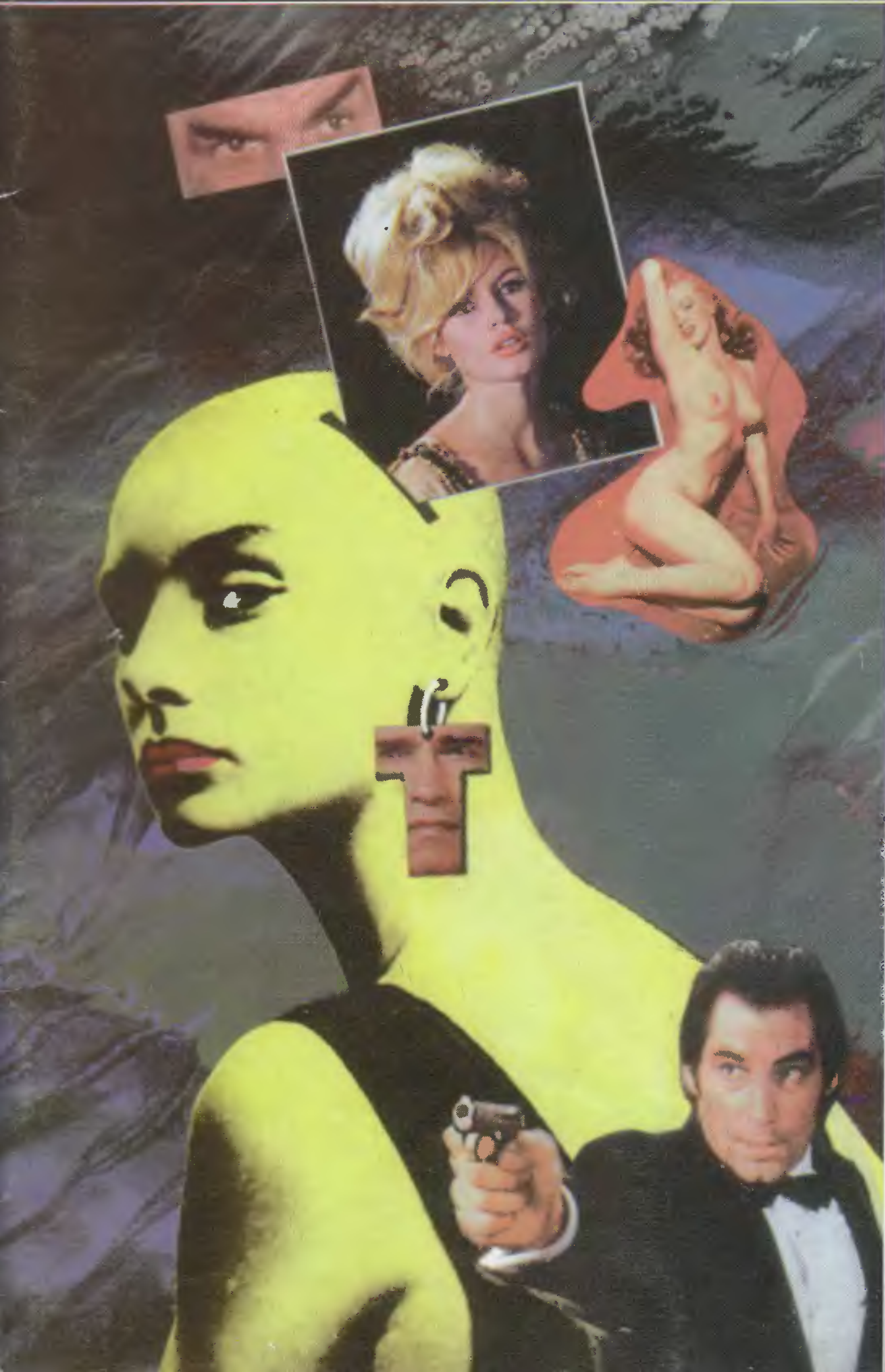
ISSN0136-0140

1995

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В НОМЕРЕ

ДЖОРДЖ ЭФФИНДЖЕР
КОГДА ПОД НОГАМИ БЕЗДНА

ТЕРРИ БИССОН
ЖМИ НА «ЭНН»

КРИСТОФЕР ПРИСТ
ПРИГОВОР В ДВОИЧНОМ КОДЕ

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН
АМЕБА

8

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

Кристофер Прист

Приговор в двоичном коде

Если вам опостылело собственное тело, отправляйтесь в Институт исправительной терапии — для таких случаев это самое подходящее место. Именно там Джозеф Туратски лишился телесной оболочки.

В предварительном заключении его продержали недолго, затем объявили, что считают его политически неблагонадежным, и под усиленным конвоем отправили в штаб-квартиру института, находящуюся в Гренландии. Напоследок Туратски сказали, что он нуждается в исправительной терапии, которую проведут специалисты.

С испытанными методами «специалистов» Туратски ознакомился на второй день пребывания в институте. Ночь он провел в одиночной камере, а утром его препроводили в специально оборудованную комнату, назначение которой не оставляло сомнений. Тюремщики привязали Туратски ремнями к скамье и ввели ему в вену какую-то жидкость. Затем к его запястьям, голеням и голове прикрепили сложный набор электродов.

Кто-то из «специалистов» приблизился к стене и включил рубильник. Сознание Туратски, как говорят в подобных случаях, померкло.

Туратски словно бы висел в пустоте, утратив ощущения времени и пространства... Потом ему показалось, что кто-то негромко произнес:

— Привет, парень...

Туратски пытался оглядеться по сторонам, но сделать это оказалось непросто, поскольку он вдруг обнаружил, что у него отсутствует голова. Удалось произвести лишь несколько судорожных движений.

Туратски затих. Тела у него также не было.

Но он же слышал голос! Довольно необычно для человека, только что обнаружившего, что у него нет головы. Трюк, конечно, оригинальный, но как это получается?

Голос произнес:

— Это вовсе не трюк, дружок. Все делает электроника. Специалисты называют это явление цифровым микроимпульсом, а тебе кажется, будто ты слышишь. Но это не голос. И слух, и голос ты потерял навсегда. Как и все мы.

Туратски несколько секунд переваривал услышанное. Потом, решив поэкспериментировать, подумал:

— Мы?

— Верно. Ты, я и еще примерно две тысячи нам подобных — все мы находимся между собой в мысленном контакте, что обеспечивается средствами электроники.

— А где же те, другие?

— Трудятся. Смена здесь длится двенадцать часов.

Казалось, голос звучал совсем рядом.

— Хочешь взглянуть на самого себя? — последовал неожиданный вопрос.

И тут же Туратски ослепила яркая вспышка. Свет померк, и вслед за этим внизу появилась хорошо освещенная комната квадратной формы. В ней находилось семь человек — облаченные в белые одежды, они возились с инструментами. А у дальней стены, на скамье, под серым покрывалом распростерлось безжизненное тело. В этот момент в комнате появилась каталка, и тело положили на нее. Умершего провезли прямо под ним. Труп лежал на спине, и Туратски удалось разглядеть лицо.

Освещенный квадрат погас.

— Это тебя повезли, — произнес голос, хотя и так все было ясно. — Запомни, что видел, приятель. Других зрелищ ты лишен надолго.

В темноте, сменившей эту невеселую сцену, Туратски снова ощутил собственную беспомощность.

— Где все это происходит? — уныло спросил он.

— Обрадовать особенно нечем, — отвечал голос. — Но знай, что ты в самом «сердце» компьютера. У тебя нет телесной оболочки. Твой мыслительный аппарат и личность существуют самостоятельно и целиком заключены внутри машины. А если быть точным, то сейчас ты — часть ферритового сердечника в единой цепи, состоящей из нескольких тысяч тебе подобных... Иными словами, ты в банке памяти компьютера.

Туратски пришлось сделать усилие, чтобы как можно спокойнее воспринять услышанное.

— Значит, я не умер?

— Твое тело бездыханно. Но, вероятно, его держат в сохранности вне этих пределов. А сознание живо, и его будут как можно дольше поддерживать в таком состоянии. Все мы приговорены к пожизненному заключению.

— Спасибо, друг.

— Зови меня Хэнком, приятель.

Туратски думал, что ему никогда не оправиться от шока, но в конце концов все забылось, и он без особого труда приспособился к новой жизни.

Работа тянулась часами, но он вовсе не чувствовал усталости, хотя в занятиях не было перерывов. Ежедневно, по двенадцати часов кряду в его сердечник непрерывным потоком шли импульсы — информация, зашифрованная в двоичном коде. Он поглощал ее, сличал и накапливал.

Рядом тем же самым были заняты две тысячи одушевленных ферритовых сердечников. Среди них были Хэнк и другие заключенные, отбывавшие пожизненное заключение.

Под конец двенадцатичасовой смены они суммировали полученную информацию и составляли общую программу. Затем ее по прямому каналу передавали в огромный аналоговый компьютер министерства обороны в Эльмире.

Рабочий цикл повторялся. Примерно раз в десять дней их компьютер выключали для технического обслуживания, и тогда для заключенных наступал, если можно так выразиться, отдых.

Как-то в один из таких перерывов на техническое обслуживание Туратски уловил микроимпульсы минимальной мощности, с помощью которых переговаривались Хэнк и четверо других заключенных. Он схватывал лишь обрывки их разговора.

Позднее Хэнк сказал ему:

— Джо, мы задумали коллективный побег.

— Думаешь, отсюда можно выбраться?

— Есть тут один новичок, — вступил в разговор старый заключенный по фамилии Константайн. — Похоже, он знает, как отыскать выход. Рассказывает, что до ареста работал с компьютерами... Верно я говорю, парень? — спросил он новичка.

Туратски ощутил новый, совершенно незнакомый ему микроимпульс, который сообщил:

— Да. Мы помещены сюда для спецобработки, которую они называют «исправительной терапией». Мы постоянно перерабатываем огромное количество информации, верно? И...

Договорить ему не удалось. Входной контур внезапно нагрелся, и в их ферритовые сердечники устремились двоичные импульсы.

Но слова новичка, хотя их не дали дослушать до конца, заставили Туратски задуматься. Он постарался накопить в сердечнике как можно больше импульсов и попытался определить основное направление рассуждений этого человека.

Информация поступала к ним каждый день, но что они с ней делали? Примерно так же действует человек, который собирает в ведро дождевую воду, а затем выплескивает ее в реку.

Ну а если часть ее сохранить для себя?

Уточним: если утаить часть информации?

Во время очередного перерыва для отдыха Туратски взял на себя инициативу и напрямую обратился к товарищам по несчастью.

Хэнк отнесся к этому откровенно скептически.

— Ты предлагаешь придержать часть информации? — спросил он. — Но какой в том смысл? Для чего она нам может сгодиться?

Заключенные, находившиеся поблизости, рассмеялись.

— Но должен же быть какой-то выход! — возразил Туратски. — Иначе зачем бы они подвергали консервации наши тела? Уже один этот факт указывает на то, что они понимают: рано или поздно им придется нас отсюда выпустить.

— Вовсе не обязательно, — сказал Константайн. — А что если это только уловка?

— Может быть. Но это не обычный исправительный дом. Нас сюда поместили для перевоспитания. Информация, которая постоянно поступает к нам, может использоваться не только в целях обороны. Более вероятно, что это утонченная форма психологического воздействия.

С началом следующей смены Туратски принялся тщательно анализировать входящие импульсы.

Значительная часть информации не годилась для подкрепления его теории. Длиннейший каталог удельных весов различных видов жидкого топлива, детальный математический анализ инерционных факторов в применении к разнообразным видам движущихся частей машин...

Но известная доля информации, как оказалось, подтверждала догадку Туратски.

Один материал суммировал обширные данные о реакции человеческой психики на физические нагрузки. Другой содержал данные о крупных военных расходах правительства. Последний же документ откровенно служил пропагандистским целям и непосредственно относился к делу.

В конце долгой рабочей смены, когда у всех накопилось достаточно информации, Туратски просмотрел данные, собранные другими заключенными. Какой-либо явной тенденции не обнаруживалось, но ведь Туратски собирал все подряд.

Информация накапливалась быстро, и вскоре он уже мог подбирать ее более целенаправленно.

Другие заключенные тоже сопоставляли полученные данные, но многие не имели понятия, ради чего стараются. Только новичок, которого, как потом выяснил Туратски, звали Мэнтон, пользовался своим методом, но даже у него не было четкого понимания того, как использовать информацию.

Однажды Хэнк тихо сказал:

— Послушай, парень, мне кажется, ты зря тратишь время. Этот пропагандистский мусор нам никогда не пригодится...

Туратски промолчал.

Он и сам не был пока уверен, что замысел удастся реализовать.

Где-то в середине смены, принимая, как обычно, информационные импульсы, Туратски вдруг понял, что должен делать.

Входящая информация поступала в ферритовый сердечник в нормальном темпе. Последовательные тренировки приучили его как бы отключаться от потока информации, чтобы сосредоточиться на другом. Туратски сам не понимал, как у него это получалось, но ему удавалось отводить от себя все входящие импульсы. Вокруг ферритового сердечника возникало нечто вроде электронного кокона, причем давление входящего информационного потока уравновешивалось противодействием биоритмов.

Теперь Туратски мог сортировать информацию, находившуюся в банке памяти; он научился придавать ее потоку обратное направление.

Ферритовый сердечник начал выдавать серию наиболее ярких и убедительных примеров проправительственной пропаганды. Туратски израсходовал на это всю свою умственную энергию, и был момент, когда он засомневался, надолго ли его хватит. Информация патриотического содержания не иссякала.

Микроимпульс Хэнка едва смог пробиться сквозь этот поток.

— Что ты делаешь, Джо?

В его голосе, воссозданном средствами электроники, сквозило замешательство.

Туратски собирался ответить, но не успел. Он вдруг обнаружил, что окружен непроницаемой тишиной.

За все время пребывания внутри компьютера он вообще не замечал звукового фона. Но теперь этот фон исчез, и Туратски сразу вспомнил о нем. Не в силах вырваться на волю из ферритового сердечника, он ждал, окруженный полнейшей тишиной.

Изолированный от всего на свете, Туратски думал о Хэнке и Константайне, о новичке Мэнтоне и других заключенных. Его беспокоила мысль о том, что, возможно, он, воспользовавшись не прошедшей обработку информацией, каким-то образом подвел заключенных.

Туратски открыл глаза.

На него обрушилось множество разнообразных ощущений. Спинно-мозговой отдел позвоночника не переставал посылать информацию. Лопатками Туратски упирался в твердую поверхность скамьи. Над его головой нависли изогнутые лампы, чей свет бил в глаза. Ноздри раздражала одуряющая вонь формальдегида. Кожа на ощупь была влажной и холодной.

Какая же это роскошь — что-либо чувствовать!

Нижняя часть туловища находилась в жидкости, которая понемногу стекала вниз сквозь пазы в скамейке. Тело Туратски находилось в пластиковом футляре. При первом же его движении створки футляра раскрылись.

Вокруг стало нестерпимо холодно.

Поглощенный своими физическими ощущениями Туратски попробовал шевельнуться и в результате свалился со скамьи. Он грохнулся на пол и тут же попытался подняться. Руки и ноги дрожали. Он оперся руками о скамью, кое-как встал и огляделся.

К футляру, в котором только что находилось тело Туратски, была прикреплена аккуратная табличка с его именем. Ниже шел текст следующего содержания:

От комиссии по реабилитации:

ВЫШЕДШИЕ НА СВОБОДУ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ДОЛЖНЫ ОБРАТИТЬСЯ В БЛОК «Д».

Туратски обвел взглядом просторный зал, где он находился, и увидел сотни пластиковых футляров, — точно таких же, как тот, в котором покоилось его тело. Во всех футлярах виднелись мужские тела.

В футляре рядом с Туратски лежал невысокого роста жилистый негр.

На его табличке значилось: Генри Лукас Уилкс.

Несколько минут Туратски, упершись ладонями в крышку футляра, разглядывал негра.

Потом пробормотал:

— Извини, приятель.

Его передернуло, и он пошел прочь, на поиски блока «Д». На ходу он старался сообразить, как долго ему удастся убедительно играть роль новоиспеченного патриота.

В конце очередной смены Хэнк вместе с другими заключенными понял, что Туратски исчез.

Хэнк выдал микроимпульс:

— Падло...

И сплюнул в пустоту.

Перевел с английского
Анатолий МЕЛЬНИКОВ

МОТИВ

Дмитрий Ухлин

ГЛАВНОЕ — ВЫЖИТЬ

Отечественный читатель знаком с творчеством К.Приста в основном по его великолепному роману «Опрокинутый мир» в переводе О.Битова и менее известному — «Машина пространства». Прочитав эту миниатюру, любители фантастики смогли убедиться в том, что основное внимание писатель уделяет именно идее произведения, недаром его называют одним из самых «неожиданных» фантастов. Комментарий, который подготовил к его рассказу обозреватель газеты «Московские новости», выглядит куда более прозаично...

В нашей стране с человеком может произойти все, что угодно. Его жизнь и права не защитит никто. Лишиться имущества, свободы или самой жизни можно в одну минуту. Государство, в котором мы живем, и общество, частью которого являемся, подобны слепой, безумной, абсурдной стихии. Лечь спать вечером в собственной постели, а проснуться утром арестантом на грязной тюремной «шконке» — проще простого. Законопослушны мы или не очень. Пьем и не помним, что случилось вчера, или абсолютные трезвенники. Занимаемся предпринимательством или учимся играть на валторне. Вне зависимости от того, какую Россию мы потеряли, отвратительная ситуация с правами человека в нашей стране была всегда. Нынешние смутные времена не исключение.

«ОТ СУМЫ ДА ОТ ТЮРЬМЫ — не зарекайся!» Пожалуй, только в России столь безрадостное изречение классика могло стать проверенной жизнью истиной. Угодить в сизо (следственный изолятор) и провести там не один месяц, а то и год сегодня, после всех указов и постановлений о борьбе с преступностью и при абсолютно распоясавшихся в своей неподконтрольности силовых структурах, настолько просто, что человек, к такому повороту событий не подготовленный, рискует очень многим. Он может сломаться, морально деградировать, потерять индивидуальность, психическое и физическое здоровье, стать инвалидом или даже погибнуть. Поэтому, основываясь на впечатлениях непосредственных участников, попавших в жернова отечественной правоохранительной машины, а также их родных и близких, попробуем рассказать о том, с чем сталкивается сегодняшний обыватель, попавший в места не столь отдаленные: за высокие стены «Бутырки» или «Матросской тишины».

Давайте исходить из того, что человек, угодивший в сизо, не принадлежит к криминальному миру и в будущем не собирается вставать на воровской путь, а оказался за решеткой просто по несчастному стечению обстоятельств. Подобное, к величайшему сожалению, у нас отнюдь не редкость. Главное, что нужно отметить: его цель — выйти на свободу с минимальными потерями нервов и здоровья. Предположим, финансовые возможности арестанта средние, то есть недостаточно велики для того, чтобы закрыть уголовное дело или хотя бы жить во время следствия дома с подпиской о невыезде, но и не так малы, чтобы оказаться абсолютно беспомощным перед представителями закона. Возможный срок пребывания за решеткой до суда зависит от многих факторов, но не надо питать иллюзий — очень часто арестованные находятся в сизо гораздо дольше предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом полутора лет, а иногда даже больший срок, чем могут получить по статье, которая им инкриминируется. В последнем случае предусмотрено освобождение прямо из зала суда, но требовать материальной компенсации за «бесцельно прожитые годы», к сожалению, практическ[и] бесполезно. Правоохранительные и судебные органы в нашей стране работают чаще всего в одной упряжке. Ра[з] первые взяли, значит, вторые, как правило, осудят. Если милиция задержал[а] подозреваемого якобы «с поличным» — с наркотиками, оружием, украденным[и] у кого-то драгоценностями или взятко[й] — доказывать, что все это просто подбросили с целью сфабриковать дело бесполезно. Свидетелями здесь проходят сами милиционеры, понятых чащ[е] всего нет, результаты экспертизы п[о] наличию отпечатков пальцев на вышеозначенных предметах затерялись ил[и] она вообще не проводилась. Если ж[е] обстоятельства уж слишком щекотливы для представителей правоохранительных органов, подозреваемого будут держать в сизо до тех пор, пока он н[е] прекратит упорствовать и однозначн[о] не признается в якобы содеянном. Условия и режим в наших следственны[х] изоляторах максимально способствую[т] тому, чтобы человек оставил все попытки добиться законности, смирился и был готов идти невиновным в зону, лишь б[ы] не гнить заживо в тюремных стенах, бе[з] солнечного света и свежего воздуха...

ИТАК, СЛЕДСТВЕННЫЙ ИЗОЛЯТОР. Унизительные первоначальные процедуры обыска и заполнения различны[х] формуляров позади — «новосела» ведут в «хату», то есть в камеру. Скрежещут ключи в замках, лязгают двери решеток, разделяющих коридоры на множество отсеков. Наконец пришли — вот она, железная дверь в его будущую обитель. Поскольку здесь нашему герою скорее всего предстоит провести довольно длительное время, лучше всего прямо с порога убедиться, что попал он по адресу — в «нормальную хату», то есть в обычную камеру общего режима, где сидит самый обычный контингент арестантов. Разглядеть сразу что-либо самому с непривычки невозможно: только через какое-то время привыкаешь ориентироваться во мгле и сигаретном дыму этого практически лишенного света и вентиляции помещения. В московских сизо камеры общего режима обычно имеют 30 — 3[5] «шконарей» (спальных мест) и на одну претендуют по 3 — 4 человека. На каждого из 100 — 120 обитателей камеры приходится обычно не более одной трети квадратного метра. Как администрация тюрьмы подбирает контингент для каждой отдельной камеры — тайна, покрытая серым мраком милицейской шинели. Публика бывает самая разношерстная: нет никакой градации ни по уголовным статьям, ни по возрасту, ни по состоянию здоровья. Например, больные туберкулезом находятся вместе со здоровыми людьми и на это уже давно никто не обращает внимания. Помимо обычных камер, существуют специальные, для особо опасных преступников. Они значительно меньше нормальных: как правило, это 10 «шконарей» на 20 — 30 человек. В отдельных камерах собирают вместе и арестованных сотрудников милиции. Есть камеры для тех, кого не желает принимать в свои ряды остальное тюремное сообщество, например, идущих по статье 114 часть 4 (изнасилование малолетних) или так называемых «опущенных», а также «петухов»

(пассивные гомосексуалисты, низшая каста мира за колючей проволокой).

ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕ, безвинно испытавшие на себе «прелести» пребывания в сизо, с кем автору довелось беседовать, как одну из главных основ выживания и сохранения своего человеческого достоинства отмечали постоянную готовность дать решительный отпор любым попыткам унижения своей личности словом или делом, от кого бы они ни исходили — от представителей администрации или соседей по камере. Грубая физическая сила решающей роли за решеткой не играет. Главное — это уважать себя, свои права и быть готовым отстаивать их даже под угрозой жестокого избиения. В то же время не надо «лезть в бочку» и «перегибать палку», выставляя напоказ свою решимость и безразличное отношение к смерти — спокойствие, сохраняемое в любых ситуациях, это самое надежное оружие. Надо быть самим собой, не преувеличивая, но и не преуменьшая качеств своей натуры. Не относиться свысока к тюремной иерархии, не играть в гипертрофированный индивидуализм, но и не стремиться нарочито подчеркивать свое дотошное знание местных обычаев для того, чтобы в эту иерархию как можно удачней вписаться. Действительно, три известных правила арестанта — не верь, не бойся, не проси — являются основой поведения в заключении, но принимать их чересчур буквально не стоит, по крайней мере, в сизо. Абсолютно не доверяя своим сокамерникам, можно дойти до фобии постоянного ожидания какого-нибудь хитро замаскированного подвоха со стороны уголовного мира, которому в общем-то до стороннего человека никакого дела нет.

Оказавшись в своей «хате», первое, что необходимо сделать, — это переговорить со «смотрящим», высшим лицом во внутренней иерархии. Его укажут по первой же просьбе. «Должность» эта (кавычки необходимы, дабы избежать столь обидных для воровского мира сравнений с государственной системой) не выборная, «сверху» на нее тоже не назначают: механизм упрятан где-то в глубине российской воровской традиции. Чаще всего это человек авторитетный, большую часть своей жизни проведший в местах лишения свободы. На нем и на окружающей его уголовной «братве» (процентоа 10 — 15 от всех узников) держится порядок в каждой камере. Этой иерархической верхушке принадлежат лучшие, самые близкие к окну, то есть свету и кислороду, места. В разговоре со «смотрящим» надо подробно, не торопясь рассказать о себе: как попал в сизо, чем занимался на воле, какую статью вам инкриминируют и правы ли представители закона в вашем отношении. Достойному человеку место в камере найдется всегда. Как и везде, здесь не любят интриганов и стукачей — последним администрация обычно разрешает дополнительные передачи с воли, предоставляет другие льготы, но отношение сокамерников к ним достаточно жесткое, если не сказать жестокое. Чаще всего обычные арестованные самостоятельно организуются в группы по 3 — 4 человека, владеют одной «шконкой» и спят на ней по очереди. Кроме того, все «дачки» — еда, чай и сигареты с воли — также делятся поровну. Увидеа, что новичок — человек спокойный и порядочный, его, скорее всего, позовут в такую команду или же ее укажет «смотрящий» исходя из наличия «вакантных мест». Оснoаной проблемой в камере из-за хронической перенаселенности является сон, и одним из серьезнейших наказаний за проступки перед сокамерниками служит именно лишение спального места. Кто-то, если бодрствовать совсем невмоготу, залезает под «шконки» и спит на полу. Таких обычно переименовывают из «арестантов» в «арестованные». Ничего страшного тут нет, но некоторая доля унижения все же присутствует.

РЕЖИМ В СИЗО не отличается разнообразием, поэтому время растягивается, дни сливаются и очень скоро можно вообще потерять счет времени. Ежедневно в семь утра проходит проверка: все ли на месте и живы. Одновременно принимаются прошения от узников: судьям, адвокату, в прокуратуру, о предоставлении медицинской помощи. Чаще всего эти заявления бесследно исчезают в административных недрах тюрьмы. Условия содержания и кормление здесь таковы, что на здоровье жалуются практически все. Наиболее распространены трофические язвы — от жары, грязи, сырости, отсутствия кислорода и невозможности полноценно двигаться (прогулки раз в день по 40 минут). Все поголовно заражены чесоткой и педикулезом, а по стенам и в матрасах, которые не менялись, наверное, лет 50 (белья в сизо, естественно, не полагается), гнездятся тысячи клопов. Летом жара в камере доходит до 40 градусов. В это время здоровье ухудшается особенно сильно. Любая ранка или небольшая язва может закончиться гангреной. Если же после настоятельных просьб медицинская помощь арестанту предоставляется, то заключается она исключительно в мази Вишневского, а в случае гангрены его «вытянут» из камеры, но дело, скорее всего, закончится ампутацией. Баня в сизо устраивается один раз в месяц, помывка длится минут 15. А иногда «баню» организуют прямо в камере. Забегают человек пятнадцать в камуфляжах и масках и начинают махать дубинками, как вениками. Почему и за что — не ясно. Все здоровые, откормленные. Бьют обычно по голове. Во время октябрьских событий такая поголовная «профилактика» прошла во всех московских сизо, аналогично был отмечен и последний указ президента об усилении борьбы с преступностью. Еще одна суровая мера наказания провинившихся, а то и просто применяемая для острастки — карантин. Его могут устроить практически на любой срок, хотя положено не более чем на 45 суток. В это время никого не возят в суд, никто не получает передачи, запрещены свидания. Полная «заморозка».

Кормление в сизо трехразовое. Рацион состоит в основном из сечки на комбижире — на вид эдакий темно-фиолетовый холодец отвратительного вкуса и запаха. В день на человека полагается треть буханки черного хлеба и одна шестая белого. Тюремный хлеб спецвыпечки, плохого качества: очень водянистый, быстро покрывается плесенью. Пить ничего не дают — всегда есть вода из-под крана. Если администрацией разрешены кипятильники, то жизнь обитателей камеры становится значительно веселее: можно приготовить чай, сварить переданные с воли супы из пакетиков. В месяц узнику положено не более 15 килограммов продуктовых передач, а раз в три месяца разрешена и вещевая «дачка». Понятно, что все «гостинцы» беспощадно разграбляются обслуживающим персоналом. «Мальборо» в лучшем случае заменяют на «Беломор» или «Дымок», вместо индийского чая в камеру попадает грузинский, а от батонов колбасы остается «гулькин хвост».

ДОСТАТЬ В ТЮРЬМЕ можно практически асе. Хозобслуга — так называемые «верблюды» (заключенные, которых за какие-либо заслуги остааили после суда отбывать срок на территории сизо) через тюремную стену получают с воли «брос»: водку, залитую в пластиковые бутылки из-под шампуня, наркотики (анашу и «химку» — раствор опия), шприцы. Деньги в тюрьме имеют достаточно широкое хождение. «Коэффициент несвободы» равен примерно трем: то есть пол-литра отечественной водки стоит здесь тысяч 30 — 40. Тюремная хозобслуга занимается выгодным для себя посредничеством. Не отстают от нее охранники и контролеры, также приносящие с воли тоаар и за деньги передающие на свободу воровские «малявы» (записки). Добротные вещи можно передать в камеру, дав взятку, примерно равную их стоимости. Часто сюда с воли «затягивают» телевизоры, это уже по «договоренности» с «хозяином» — начальником тюрьмы.

Имеющий деньги и связи с сильными мира сего вряд ли попадет в сизо. Угодив же туда, сумеет сам организоаать свое содержание и режим исходя из финансовых возможностей. Обычным со средними доходами приходится гораздо хуже. Тюрьма в жизни одного из членов семьи равнозначна для них войне в масштабах государства. И потому в силу вступает лозунг «Все для фронта, все для победы!». Поговаривают, например, что в сизо «Матросская тишина» за перевод в 5-местную камеру, предназначенную для подследственных по тяжелым статьям, родственникам арестованного придется выложить около 300 долларов сразу и далее каждый месяц еще по 100. За деньги можно увеличить количество свиданий, даже включить в передачи запрещенные вещи. Конечно, лучше всего нанять толкового адвоката «со связями» и добиваться изменения меры пресечения на подписку о невыезде. И все же главное — это набраться терпения и надеяться на лучшее.

«Кресты» — тюрьма одиночных камер. Лишь самые крайние на каждом ярусе галерей сдвоенные. Моя камера сдвоенная, крайняя... Нас в ней, как сельдей в бочке! Вместо двух человек по норме — двадцать один человек, плюс «параша» — жуть!.. Она — единственное свободное пространство для вновь прибывшего.

Смрад, духота, вонь!.. На оправку и к умывальнику выгоняют дважды в сутки — и все это «на рысях», в спешке. Тюрьма переполнена сверх предела. Пропускная способность не соответствует «урожаю» последних лет».

Георгий Жженов. «Кресты».

Не хотите кусаться? Принимайте таблетки!

Исследователи Мэрилендского университета, долгое время занимавшиеся антитабачной кампанией, во время работ с растением-заменителем «Acapulco Gold» открыли вещество, способное затормозить человеческую агрессивность. «Препарат не подавляет ее, — утверждает профессор Кастенье, один из авторов открытия, — он ее расфокусирует. Пациент, находящийся в обществе человека, коего он расценивает как врага, не способен причинить ему вред, так как тратит все силы на беспорядочные жесты, утрачивает бдительность или засыпает».

В предварительном тесте приняли участие 37 испытуемых. После вдыхания нового препарата люди заносчивые становились умиротворенными: 74 процента из них были просто обессилены, трое оказались на грани сна и только один был способен на агрессивные действия.

Для того чтобы разрешить фармацевтическому объединению Pharmocopoulos коммерческое использование антиагрессина под названием Null-Agress, американская организация Food and Drink Administration (FDA) ждет лишь результатов первых серьезных клинических испытаний.

Музыка на карточке

Японская корпорация NEC объявила о выпуске сверхлегкого «карточного» проигрывателя аесом всего 217 граммов вместе с батарейками. Качество воспроизведения нового аппарата ничуть не уступает аналогичным параметрам компакт-диск-плеера. Этот проигрыватель не содержит ни одной движущейся части, что снимает проблему злополучных вибраций и создает комфорт.

«Музыкальная» карточка нового звуковоспроизводящего устройства — размером с кредитную. Она обладает 8 ячейками flash-памяти по 16 мегабайт каждая, что позволяет записать музыкальное произведение продолжительностью 24 минуты.

Корпорация-производитель надеется, что к 2000 году карточка сможет «звучать» уже 90 минут, а ее память составит 256 мегабайт.

Радиоволны в качестве удобрения

В Мичигане (США) деревья, расположенные вблизи от радиоантенн, отличаются усиленным ростом.

Интереснейшее наблюдение: стволы красных кленов, осин, сосен, находящихся неподалеку от антенны, установленной Морским министерством США и служащей для связи с подводными лодками (она излучает сигналы на очень низких частотах, порядка 76 Гц), ненормально толсты.

Этот факт вдохновил ученых из Мичиганского технологического университета. С 1985 года они проводили исследования в двух местах: в непосредственной близости от антенны и на расстоянии 50 км. По словам исследователей, оказывается, не только деревья чувствительны к воздействию радиоволн: водоросли, которые распространены в соседних реках, также начали стремительно расти. Каким же образом магнитное поле воздействует на ускорение роста растений? Это еще не известно, но проведенные анализы говорят о том, что оно значительно убыстряет перенос питательных веществ.

И снова алхимия?..

Одиннадцать профессоров университета А & М в Техасе потребовали от своего коллеги подать в отставку, так как Джон Боккрис дискредитирует весь химический факультет. Он пытается превратить различные металлы в золото. Боккрис — известный электрохимик — осуществил холодную термоядерную реакцию. Группы, работавшие под его руководством, в 1989 году добились успехоа и получили в результате некоторые соединения трития — верный признак ядерной реакции.

Недавно Боккрис заявил, что один из двух алхимических опытов прошел успешно: поместив в огонь смесь нитрата калия, угля и различных солей металлов, он получил золото. Исследования были субсидированы любителем, который предоставил в распоряжение электрохимика 200 000 долларов.

Оппоненты Боккриса не смогли ни опровергнуть, ни подтвердить полученные им результаты, поскольку ученый не рассекречивает (что вполне понятно) ключевые технологические подробности эксперимента. Поэтому вопрос о классификации происшедшего как одного из величайших открытий века либо как очередной фальсификации пока остается открытым.

Гора знаний стала вдесятеро выше

Сотрудники исследовательской лаборатории IBM в Сан-Хосе (Калифорния) разработали новое оптическое запоминающее устройство в виде 10-слойного компакт-диска. Для считывания с него информации сканирующее устройство автоматически фокусируется на нужном слое. Таким образом, объем памяти ПЗУ достиг примерно 6,5 Гбайта, что позволяет сохранять более 1 млн. страниц печатного текста или, по желанию, несколько полнометражных видеофильмов в цифровой записи.

Супервоины XXI века

Армия США намерена в первые же годы грядущего тысячелетия изготовить и опробовать 4600 экспериментальных образцов полевой униформы Digitized Solgier. Новое одеяние, в ткань которого вплетены транзисторные микросборки из органических материалов, представляет собой своеобразный «гибкий» компьютер, управляющий различными приспособлениями, созданными на базе высоких технологий. К примеру, благодаря встроенным в униформу устройствам беспроволочной цифровой связи, солдат будущего никогда не потеряет ориентацию, всегда абсолютно точно зная, где находится он сам и каждый из его товарищей, а с помощью инфракрасных сенсоров, проецирующих информацию прямо в зрачки, обнаружит лишенного преимуществ новой амуниции противника намного раньше, чем тот сможет его заметить. Так что, облачившись в подобный наряд, даже необстрелянный новобранец почувствует себя истинным суперменом!

СБОР ДАННЫХ

Джордж Алек Эффинджер

Когда под ногами бездна

Затерян в Хуаресе: Пасха и дождь, как черная мгла. Когда под ногами бездна и больше не держит Земля, не время строить крутого: ты забрел на Моргавеню — здесь всем по вкусу свежее мясо, и никто не скажет «люблю».

Боб Дилан. «Блюз Мальчика-с-Пальчик».

...В своем мире ему не должно быть равных, да и в любом другом он окажется на высоте .. Он одинок; он гордый человек, а это значит, что вам придется уважать его гордость, иначе он заставит вас горько пожалеть, что повстречался на вашем пути. Его речь должна содержать все, что можно найти в манере говорить любого взрослого мужчины нашего времени: то есть грубоватый юмор, острое ощущение абсурдных сторон жизни, ненависть к притворству и обману и презрение к мелочности.

Раймонд Чандлер. «Простое искусство убийства».

1.

Ночной клуб Чириги расположен в самом сердце Будайина: восемь кварталов от Южных ворот и столько же — от кладбища. Так что кладбище, можно сказать, прямо под рукой, что очень кстати. Наша часть города — опасное место, это любой вам скажет. Приезжих всегда предупреждают, чтобы они держались подальше отсюда, но туристы все равно появляются каждый день. Как же, они только слышали о Будайине и теперь должны уехать, не увидев все своими глазами?! Ну нет! Искатели приключений проникают через Южные ворота и начинают свой поход по Главной улице, с боязливым любопытством оглядывая окрестности; через три-четыре квартала после приступа легкой паники они обычно устраивают привал в одном из заведений, где можно выпить и закусить пилюльками. Затем успешно отступают по той же улице и, добравшись живыми до гостиницы, радуются своей удаче. Некоторым удача изменяет, и они остаются с нами навеки, украсив своим присутствием кладбище. Как я уже говорил, наше кладбище удивительно удобно расположено: большая экономия времени и сил.

Я вошел к Чириге, довольный, что вырвался из душной, липкой жары ночи. У столика, возле самой двери сидели две пожилые туристки, обремененные сумками, туго набитыми сувенирами для родных и знакомых. Одна держала камеру и делала снимки-голограммы посетителей клуба. Здешние завсегдатаи обычно такого не спускают, но на этих двух не обращали никакого внимания. Все подчеркнуто игнорировали туристок, кроме одного: высокого, очень тощего мужчины в темном европейском костюме и галстуке. Странный наряд для здешних мест, конечно, но сегодня ночью я видел и более дикие одеяния. На чем специализируется этот тип, что он собирается предложить вниманию дам? Мне стало интересно, я остановился у бара и прислушался.

— Меня зовут Бонд, — произнес парень, — Джеймс Бонд.

— О Господи, — прошептала одна из женщин.

Так, теперь моя очередь. Я подошел к парню сзади и схватил за запястье. Загнув большой палец внутрь ладони, резко нажал на ноготь. Парень вскрикнул от боли.

— Да ладно, идем отсюда, «ноль-ноль-семь», старина, — шепнул я ему на ухо. — Поиграем в эти игры в другом месте. — Потом проводил до двери и с омерзением вытолкнул в мягкую, пахнущую болотной сыростью, тьму.

Женщины смотрели на меня так, словно перед ними стоял сам Пророк, зажав в каждой руке по конверту с персональным пропуском в райский сад.

— Благодарю вас, — вымолвила та, у которой была камера. Она говорила по-французски. — Даже не знаю, какими еще словами выразить нашу признательность...

— Пустяки, — ответил я, — не люблю, когда эти типы с подключенными к мозгу личностными модулями пристают к кому-либо, кроме себе подобных.

Вторая женщина никак не могла взять в толк, о чем я говорю.

— Модули, молодой человек?

— Ну да. Парень носит личностный модуль Джеймса Бонда. Воображает себя Бондом и будет исполнять этот номер всю ночь, пока кто-нибудь не стукнет его хорошенько и не выдернет модик из головы. Причем только Аллах знает, какие вдобавок он мог нацепить училки к своему модику. — Я заметил недоумение на ее лице и объяснил: — «Училкой» мы называем обучающую программу. Она на время дает знание определенного предмета. Скажем, вставляешь училку шведского языка и до тех пор, пока не выдернешь ее, будешь знать шведский, как родной.

Женщины растерянно моргали.

— Вставлять такие устройства прямо в мозг? — произнесла вторая. — Но это ужасно!

— Откуда вы? — спросил я.

Они переглянулись.

— Народная Республика Лоррейн, — ответила первая.

Тогда все понятно: им наверняка раньше не приходилось сталкиваться с идиотами, слепо следовавшими прихотям собственного модика.

— Дорогие дамы, — обратился я, — хотите добрый совет? Я думаю, вы оказались в неподходящем месте. И уж точно, выбрали неподходящее время.

Они пропищали что-то друг другу, засуетились, зашуршали своими сумками и пакетами и вылетели на волю, оставив на столике недопитые стаканы. Надеюсь, им удастся выбраться из Будайина живыми и невредимыми.

Этой ночью Чирига работала за стойкой одна. Мне нравится Чири — мы давние друзья. Она высокая, грозная, как чернокожая амазонка, кожа сплошь покрыта геометрическими узорами выпуклых шрамов, наподобие тех, которыми щеголяли ее далекие предки. Когда Чири улыбалась, а это случалось не очень часто, ее зубы угрожающе сверкали ослепительной белизной. Угрожающе, потому что она подпилила свои клыки, и они стали острыми, как у вампира. Общеизвестный обычай каннибалов. Когда в клуб заходил чужой, ее глаза становились пронзительными, пустыми и черными, как дырки от пуль в стене. Но мне она продемонстрировала традиционную приветственную ухмылку.

— Джамбо! — вскричала Чири. Я перегнулся через узкую стойку и быстро чмокнул ее в мозаичную щеку.

— Что у тебя делается, Чири? — спросил я.

— Нджема, — ответила она на суахили просто из вежливости. Потом потрясла головой. — Ничего, все та же осточертевшая работа, и так каждый день.

Я кивнул. Никаких особых изменений на нашей улице: только новые лица. В клубе сидели двенадцать клиентов и шесть девочек. Четырех из чиригиных красоток я знал; две были новенькими. Они могут остаться здесь надолго, как Чири, или удариться в бега.

— Это кто? — спросил я, кивнув в сторону сцены, где работала новенькая.

— Она просит, чтобы ее называли Пуалани. Нравится? Говорит, что это значит «Райский цветок». Не знаю, откуда она родом. Фема, настоящая девочка.

Я поднял брови.

— Значит, тебе, наконец-то, будет с кем поговорить.

— Закажешь что-нибудь?

Перед деловой встречей я стараюсь держаться подальше от наркотиков, поэтому заказал свою обычную смесь: джин, бингара со льдом и немного сока лайма. Несмотря на то, что скоро должен прийти клиент, я оставался стоять у бара, потому что как только сяду за столик, две новенькие попытаются со мной поработать. Даже если Чири скажет, чтобы отстали, они все равно попытаются. Еще будет время занять столик, когда покажется этот самый господин Богатырев.

Я потягивал свой напиток и рассматривал девочку на сцене. Очень привлекательная, но в общем-то они все такие. Безупречное тело — маленькое, гибкое и такое неотразимо женственное, что чувствуешь почти непреодолимое желание прикоснуться, пробежать пальцами по этой прекрасной коже, сейчас покрытой сверкающими росинками пота. Смотришь на нее и испытываешь желание... В этом вся суть. Вот почему здесь торчат девочки, вот почему здесь торчишь ты и Чири со своей кассой. Ты покупаешь девочкам выпивку, разглядываешь их безупречные тела и делаешь вид, что нравишься им. А они тоже делают вид, что ты им нравишься. Как только прекращаешь тратить деньги, они встают и делают вид, что им нравится клиент за соседним столиком.

Не могу вспомнить, как зовут эту девочку? Она явно много поработала над собой: скулы подняты с помощью силикона, выпрямлен и уменьшен нос, некогда квадратную челюсть «строгали» до тех пор, пока она не приобрела симпатичную округлость. Неестественно большие силиконовые груди; задик, сделанный аппетитно выпуклым с помощью того же силикона. Это оставляет следы. Никто из клиентов их не заметит, но мне за последние десять лет приходилось наблюдать массу женщин, танцующих на разных сценах. Все они выглядят примерно одинаково.

— Вы Марид Одран? — негромко произнес чей-то невозмутимо холодный голос.

Я медленно повернулся и взглянул на говорившего. Очевидно, это и есть Богатырев. Небольшого роста, уже лысеющий человек со слуховым аппаратом, никаких признаков модификации мозга. Видимых признаков, конечно. Он мог быть от уха до уха вооружен модиком и приставками-училками, не заметными для меня. Мне приходилось сталкиваться с такими пару раз. Это опасный тип людей.

— Да, — сказал я. — Господин Богатырев?

— Рад нашему знакомству.

— Взаимно, — отозвался я. — Вам придется заказать какой-нибудь напиток, иначе барменша начнет закипать.

Чири окинула нас фирменным плотоядным каннибальским взглядом.

— Мне очень жаль, — возразил Богатырев, — но я не употребляю алкоголь.

— Все в порядке, — объявил я, повернувшись к Чири. — Налей ему то же самое. — Я поднял свой стакан.

— Но... — протестующе начал Богатырев.

— Все в порядке, — снова сказал я. — За мой счет, я плачу. Так будет честно — я ведь и выпью это зелье.

Богатырев кивнул; совершенно стертое выражение лица. Знаете, как это бывает — полная невозмутимость. Считается, что абсолютной монополией на этот безликий взгляд обладают азиаты, но у молодцов из Обновленной России тоже неплохо получается. Они работают над собой.

Чири сделала мою смесь, я заплатил ей. Потом проводил маленького Богатырева к одному из столиков в дальнем углу. Мой клиент ни разу не посмотрел по сторонам, не уделил ни секунды внимания почти обнаженным женщинам.

Я опустошил свой первый стакан, отодвинул его в сторону и потянулся за вторым.

— Чем могу помочь, господин Богатырев?

— Почему вы предложили встретиться именно здесь?

Я пожал плечами.

— В нынешнем месяце у меня нет офиса, — объяснил я. — Эти люди — мои друзья. Я помогаю им, они — мне. Словом, взаимовыручка.

— Считаете, вам потребуется их защита?

Я видел, что не смог полностью убедить его в своей надежности. Пока не смог. Он все еще оценивал меня. Но делал это очень тактично. Да, ребята из России «растут» с каждым годом.

— Нет, защита тут [illegible] при чем.

— У вас ведь есть [illegible]?

Я улыбнулся.

— Как правило, я не ношу оружие с собой, господин Богатырев. Здесь, в Будайине, мы придерживаемся своеобразного кодекса чести. У меня нет оружия, у них нет оружия, и обе стороны знают это. Каждый, кто нарушит правило, испытает последствия на своей шкуре. Как считаю [illegible]опейцы, мы — одна большая дружная семья.

Не знаю, купился на это Богатырев или нет, но я на это и не рассчитывал. Просто проверял его, пытаясь понять, что представляет собой русский.

Сквозь маску невозмутимости чуть-чуть проглянуло разочарование. Наверняка сейчас он решает, не переиграть ли все. В спецфайлах легко можно найти координаты целой армии работающих по найму громил. Больших, здоровенных, готовых продемонстрировать массу разного оружия, чтобы успокоить сердце такого, как Богатырев. Там есть агенты с блестящими новенькими парализаторами под пиджаками, принимающие клиентов в просторных удобных офисах респектабельного квартала города, с секретаршами, компьютерами, имеющими доступ к базам данных в любой части света, с фотографиями в красивых рамках, где они обмениваются рукопожатиями с особами, которых узнаешь по газетным снимкам... Все это не я. Мне, конечно, очень жаль.

Я знал, что хочет спросить Богатырев, и решил помочь ему.

— Вы пытаетесь понять, почему лейтенант Оккинг рекомендовал меня, а не одну из организаций в городе?

Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Да.

— Лейтенант давно меня знает, — заявил я. — Он подыгрывает мне, я — ему. Слушайте, если вы пойдете к одному из наших хромированных агентов, он выполнит работу, но возьмет в пять раз больше, чем я, и будет возиться дольше. И еще: эти птички имеют обычай бряцать повсюду оружием и привлекать всеобщее внимание. Я работаю без лишнего шума. Меньше риска, что объект вашего интереса, кто бы он ни был, получит украшение в виде ожогов от лазерной пушки.

— Понимаю. Раз уж вы сами затронули вопрос оплаты, могу я узнать, сколько вы берете?

— Зависит от того, что требуется сделать. Есть

работа, за которую я не возьмусь. Можете назвать это заскоком. Но если я сам откажусь, то порекомендую надежного парня, который наверняка согласится. Не лучше ли вам начать рассказ сначала?

— Я хочу, чтобы вы нашли моего сына.

Я молчал, ожидая продолжения, но Богатырев, кажется, уже сказал то, что хотел.

— О'кей, — произнес я.

— Вам понадобится его фотография. — Это было утверждение, а не вопрос.

— Конечно. И максимум информации: как давно он пропал, когда его видели в последний раз, что он говорил; сбежал ли он сам или его похитили. Это большой город, господин Богатырев: здесь очень просто найти укромный уголок и затаиться. Я должен знать, откуда начать поиски.

— Сколько вы берете?

— Хотите поторговаться? — Он начинал действовать мне на нервы.

Всегда с трудом нахожу общий язык с новыми русскими. Я родился в 1550 году хиджры (2172-м по летосчислению неверных). За сорок лет до моего появления на свет демократия скончалась, исчерпав ресурсы, захлебнувшись в волнах эпидемий и нищеты. Россия и Соединенные Штаты раздробились на множество монархий и диктаторских государств. Вскоре за ними последовали другие нации. Скажем, появились независимые Моравия, Тоскана, Содружество Западной Территории: все отгорожены от соседей и дрожат от страха. Я не имел понятия, из какого именно государства Обновленной России прибыл сюда Богатырев.

Он не отрывал от меня глаз. Наконец я сообразил, что русский и рта не раскроет, пока я не назову свою цену.

— Тысяча киамов в день плюс расходы, — объявил я. — Заплатите сейчас за три дня вперед в качестве аванса. Если найду вашего сына, представлю список расходов.

Названная цифра в десять раз превышала мою обычную плату; я ожидал, что он начнет торговаться.

— Вполне удовлетворительно. — Он открыл литой пластиковый кейс и вынул небольшой пакет. — Здесь голографические кассеты и полное досье на моего сына: увлечения, причуды, таланты, описание особенностей личности. Все, что вам потребуется.

Я уставился на него. Странно, что он дает мне этот пакет. Кассеты — ладно, тут нет ничего необычного; меня насторожило остальное, например, «описание особенностей личности». Никак не могу понять, для чего он приготовил такое для меня, разве что клиент страдает маниакальной методичностью или острой формой паранойи. Наконец меня осенило.

— Как давно пропал ваш сын? — спросил я.

— Три года назад.

Я растерянно моргнул; спрашивать, почему папаша так поздно взялся за поиски, было дурным тоном. Очевидно, Богатырев уже побывал у здешних «важных персон», и они ничем не смогли помочь.

Я взял пакет.

— За три года следы заносит песком, господин Богатырев, — произнес я.

— Буду очень признателен, если вы уделите этому делу максимум внимания, — сказал он. — Я сознаю, что существуют определенные трудности, и готов платить до тех пор, пока вы не добьетесь успеха или не убедитесь, что всякая надежда потеряна.

Я улыбнулся.

— Всегда остается надежда, господин Богатырев.

— Иногда нет. Напомню вам арабскую пословицу: «Один час судьба за тебя, десять против». — О вытащил из кармана толстую пачку банкнот, умен шил ее на три бумажки. Быстро убрав пачку, чтоб глаза чиригиных акул не успели заметить пожив он протянул три тысячные купюры мне. — Ва аванс за три дня.

Раздался чей-то вопль. Я взял деньги и поверну ся, чтобы посмотреть, что происходит. Две девочк старательно прижимались к полу; я начал встават Я увидел Джеймса Бонда со старинным пистолето в руке. Готов поспорить, это была подлинна коллекционная беретта или вальтер ППК. Он вы стрелил всего один раз: в маленьком помещени ночного клуба словно разорвался артиллерийски снаряд. Я пробежал дистанцию между столиками баром, но сразу сообразил, что «агента» мне н достать. Бонд уже повернулся и проложил себе пут к выходу. Позади него девочки и клиенты визжали отталкивали и пихали друг друга, стараясь выбрать ся из опасной зоны. Я не мог прорваться сквоз толпу охваченных паникой людей. Проклятый мо дик сегодня ночью сыграл роль до конца, исполни самое заветное желание в своей игре: выстрелил и настоящего пистолета в переполненном людьм баре. Теперь, наверное, будет проигрывать в памят эту сцену до конца жизни. Придется ему удовлетво риться таким стимулянтом, потому что, если ег физиономию заметят на улице еще раз, его та отделают, что у парня останется только одно завет ное желание — чтобы когда-нибудь люди смогл узнавать в нем собрата по расе.

Возбуждение понемногу спадало. Будет о чем поговорить нынешней ночью. Девочкам потребует ся масса добавочных порций выпивки, чтобы успо коить расстроенные нервы, а также мужская поддер жка. Они будут хныкать, уткнувшись в плечи наме ченных жертв, а бедные жертвы обогатят хозяйку заведения.

Я поймал взгляд Чири.

— Бвана Марид, — негромко сказала она, — положи эти деньги в карман и возвращайся к своему столику.

Я осознал, что размахиваю купюрами, как маленькими флажками. Засунув три тысячные бумажки в карман джинсов, я подошел к Богатыреву. За все время, пока вокруг царила паника, он не шевельнулся. Какой-то дурак с заряженным пистолетом недостаточный повод для того, чтобы заставить подобных типов со стальными нервами выйти из себя.

Я опустился на стул.

— Извините, что вынужден был прервать наш разговор.

Я пододвинул к себе стакан с выпивкой и посмотрел на Богатырева. Он не ответил. На груди по льняной ткани медленно расползалось темное пятно. Целую вечность я сидел и просто смотрел на него, машинально потягивая напиток, сознавая, что следующие несколько дней превратятся в кошмар. Наконец поднялся и повернулся к хозяйке. Но Чири уже стояла рядом с телефоном в руке. Не говоря ни слова, я взял трубку и пробормотал код лейтенанта Оккинга.

2.

На рассвете меня разбудил телефон. Я едва разлепил глаза, чувствуя, что за ночь состарился лет на сто. Я лежал и слушал, ожидая, что он, наконец, заткнется, но телефон все звонил и звонил. Тогда я повернулся на бок и постарался забыть о его существовании.

Дзинь-дзинь-дзинь... десять, двадцать, тридцать

раз! Я шепотом выругался, перегнулся через крепко спящую Ясмин и стал шарить в груде нашей одежды, разбросанной по полу.

— Да, что там еще? — прошипел я, когда наконец выудил оттуда телефон. Кто бы это ни был, я заранее его не любил.

— Мне пришлось встать еще раньше, Одран, — раздался голос лейтенанта Оккинга. — Я уже сижу в своем кабинете.

— Мы все будем спать крепче, зная, что ты бережешь наш покой, о меч справедливости.

Я все еще не мог забыть, что он устроил мне прошлой ночью. После допроса по всем правилам я вынужден был отдать пакет, который передал мне Богатырев перед смертью. Я не смог даже заглянуть внутрь.

— Когда будешь острить в следующий раз, напомни, чтобы я рассмеялся дважды. Сейчас мне не до этого, — оборвал Оккинг. — Слушай, я твой должник.

Одной рукой я прижал телефон к уху, другой потянулся за заветной коробочкой с пилюльками. На ощупь открыл ее и вытащил пару маленьких голубых треугольничков. Они меня живо разбудят! Я проглотил их без воды и стал терпеливо ждать, когда Оккинг кинет мне кусочек информации в благодарность за верную службу.

— Ну?

— Твоему другу Богатыреву следовало прийти к нам. Мы довольно быстро сопоставили его сведения с нашими старыми делами. Его пропавший сын погиб в результате несчастного случая три года назад. Тогда тело не опознали, но сейчас понятно, что это был он.

Несколько секунд я молчал, переваривая услышанное.

Оккинг продолжал:

— Богатырев был кем-то вроде политического представителя Вячеслава, царя Украины и Белоруссии. Его сынок поставил в неловкое положение белорусскую дипломатию. Все эти суетливые русы из кожи вон лезут, чтобы убедить всех в своей надежности, а сын Богатырева постоянно попадал в разные скандальные истории. Отцу следовало оставить его дома, и тогда оба были бы живы и здоровы.

— Возможно. Как умер парень?

Оккинг замешкался; наверное, выводил данные на дисплей, чтобы ничего не пропустить.

— Погиб в автокатастрофе. Столкнулся с грузовиком. Водителю обвинение не предъявлялось. У парня не было никакого удостоверения личности, он сидел за рулем угнанной машины. Тело год продержали в нашем морге, но за ним никто не пришел. Потом...

— Потом его потроха продали за гроши.

— Я вижу, ты считаешь себя причастным к расследованию, Марид. Напрасно. Найти этого маньяка Бонда — дело полиции.

— Ясно.

Я поморщился: во рту ощущался вкус вареной шерсти.

— Буду иметь тебя в виду, — пообещал Оккинг. — Может, найдется какая-нибудь работенка.

— Если первым увижу того модика, Бонда, упакую его как следует и подкину к дверям твоего кабинета.

— Согласен.

Резкий щелчок. Оккинг повесил трубку.

— «Мы все — большая дружная семья» — это ты верно сказал, — пробормотал я про себя. Потом осторожно опустил голову на подушку, хотя знал, что уже не смогу заснуть. Я просто лежал и смотрел на отслоившуюся краску на потолке. По крайней мере, на этой неделе, надеюсь, она не свалится мне на голову.

— Кто звонил? Оккинг? — пробормотала Ясмин. Она все еще лежала спиной ко мне, свернувшись и зажав руки между колен.

— Ага. Спи.

Я раскинулся на кровати и время от времени скреб голову, лелея надежду, что мои треугольные пилюльки подействуют прежде, чем я окончательно сдамся и начну, наконец, чувствовать себя так, как вроде бы должен после вчерашнего. Я скатился с кровати и встал. В висках стучало. После сеанса дружеской вивисекции, устроенного мне Оккингом прошлой ночью, я отправился странствовать по Улице, опустошая запасы спиртного во всех заведениях на своем пути. Где-то в процессе этого я, очевидно, натолкнулся на Ясмин, потому что, когда проснулся сегодня, она лежала рядом. Убийственный аргумент.

Я направил свое исстрадавшееся тело в ванную. Стоял под душем, пока не иссякла горячая вода. Пилюльки еще не начали работать. Потом наскоро вытерся полотенцем, ломая голову, как лучше поступить: то ли принять еще один «треугольник», то ли смириться с потерянным днем, плюнуть на все и залечь в постель. Я взглянул на свое отражение: ужасный вид, но я всегда так выгляжу в зеркале, ничего необычного. Меня поддерживает лишь тайная вера в то, что моя подлинная физиономия гораздо симпатичнее. Я почистил зубы, что избавило меня от отвратительного привкуса. Ободренный, я даже начал было причесываться, но на это сил уже не хватило. В конце концов отправился в свою комнату, натянул джинсы и выбрал свежую рубашку.

На поиски ботинок ушло десять минут. Они почему-то обнаружились под тряпками Ясмин. Так, теперь я одет. Еще бы начали отрабатывать затраченные на них деньги проклятые «треугольники», и я готов выйти в мир. Только не надо упоминать о еде. Я уже отужинал. Позавчера.

Я оставил Ясмин записку, предлагая запереть дверь, когда она будет уходить. Нам всегда было хорошо вместе, и, по-моему, с самого начала нас соединяла какая-то хрупкая, едва уловимая ниточка, невысказанная потребность друг в друге. Мы оба избегали испытывать на прочность это чувство, но знали, что оно существует. Я думаю, причина в том, что Ясмин не родилась девочкой. Возможно, прожив полжизни существом одного пола, полжизни — другого, человек начинает воспринимать все как-то по-иному, приобретает особую чуткость. Правда, я знаю массу транссексуалов, с которыми просто невозможно ладить. Что ж, когда начинаешь делать обобщения, всегда так получается.

Ясмин модифицировала себя с ног до головы — и тело, и мозг. У нее было одно из тех идеальных тел, которые заказывают, выбрав по каталогу. Садишься рядом с дядей из клиники, и он начинает показывать тебе картинки. Спрашиваешь, скажем: «Вот этот бюст мне пойдет?», а он говорит тебе, сколько это стоит; интересуешься: «А какая талия?», и он подсчитывает, во сколько станет сначала сломать, а потом переставить кости таза. Тебе состругивают адамово яблоко, выбираешь новые черты лица, бедра, ноги. Новые гормоны. Новая внешность. Плюс полное изменение психики. В результате получаешь себя в обновленном виде, вроде восстановленного газолинового авто.

Я посмотрел на Ясмин, раскинувшуюся на кровати. Длинные, прямые, роскошные черные волосы —

вот что мне нравилось в ней больше всего, и они принадлежали ей от рождения. Органическая часть подлинной Ясмин. Больше, наверное, ничего не сохранилось, даже характер и манера поведения становились чужими, когда она подключала модик, но зато функционировало все отменно и выглядело не хуже. И все же у тех, кто изменил свой пол, всегда было нечто, что выдавало их. Во всяком случае, я всегда могу отличить бывшего юношу от фемы, даже если все остальное — один в один.

Когда я был уже в вестибюле, пилюльки вдруг взорвались во мне фейерверком волшебных ощущений. Мир сделал глубокий вдох и, словно воздушный шарик, расправился, стал огромным и ярким. Я ухватился за перила и сумел сохранить равновесие; потом, переведя дыхание, спустился вниз. Не знаю, куда я сейчас отправлюсь, но одно могу сказать точно: пора добывать хрустики. Скоро платить за квартиру, и мне очень не хотелось занимать у людей Бея. Я засунул руки в карманы и в одном из них обнаружил деньги. Ну конечно! Русский успел дать мне три куска! Я вытащил пачку банкнот и пересчитал: осталось примерно две тысячи восемьсот. На остальные двести мы с Ясмин прошлой ночью, наверное, устроили дикую вечеринку. Хотелось бы воскресить в памяти хоть какие-то детали.

Снаружи меня едва не ослепило солнце. Плохо функционирую днем. Прикрыв глаза ладонью, я осмотрелся. Никого: Будайин всегда прячется от яркого света. Я неторопливо зашагал вниз по улице, вдохновленный приобретавшей все большую четкость идеей насчет того, куда я сейчас иду. Надо нанести визиты кое-каким знакомым. Теперь я могу себе это позволить. Я радостно ухмыльнулся: наркотики старательно поднимали мой дух, а соблазнительно хрустящие денежки помогали проделать остаток пути до райских врат. Три ближайших месяца, или даже больше, можно не беспокоиться о квартплате и прочих расходах. Пришло время копить жирок: восстановить запасы пилюлек в заветной коробочке, сделать себе подарок в виде нескольких таблеток экстракласса, вернуть парочку долгов. Остальное пойдет на счет в банке. Деньги имеют нехорошую привычку улетучиваться. Лучше убрать их подальше, превратить в крепкий кредит. Я запрещаю себе носить электронную кредитную карточку, иначе в один прекрасный вечер, когда в очередной раз нагружусь так, что потеряю всякую способность соображать, разорю себя вчистую.

Я повернул к Южным воротам. Чем ближе к стене, тем больше людей вокруг: соседи по кварталу, туристы, спешащие насладиться прелестями Будайина, пока не прошло «безопасное время». Они обманывают себя, конечно: у чужака одинаковые шансы попасть в беду как ночью, так и ясным днем.

На полпути к банку, возле ювелирного магазина, внезапно остановился. Что-то не давало мне покоя, настойчиво пыталось достучаться до сознания. Очень неприятное чувство, словно тебе щекочут мозги, но избавиться от него нельзя. Может, тут виноват всего-навсего побочный эффект от таблеток: когда я в таком состоянии, как сегодня, в голову лезут всякие бессмысленные идеи. Но нет, это не обычное наркотическое «озарение». Что-то, связанное с убийством Богатырева или телефонным разговором с Оккингом... Какая-то деталь насторожила меня.

Я прокрутил в памяти все, что мог вспомнить о событиях прошлой ночи. Вроде бы ничего необычного; что касается Оккинга, то он явно решил поставить меня на место, но это обычные штучки легавых: «Слушай, то, что произошло, — дело полиции, и мы не хотим, чтобы ты совал нос, куда не следует; прошлой ночью у тебя наклевывалась работа, но все полетело к чертям, так что спасибо, в твоих услугах больше никто не нуждается». Я слышал от Оккинга примерно то же самое раз сто. Почему же сегодня мне кажется, что здесь что-то нечисто?

Я покачал головой. Если там действительно есть гниль, я обязательно докопаюсь до истины. Я загнал все мысли на этот счет в самый дальний уголок мозга. Пусть полежат там немножко, а потом либо испарятся, либо сконденсируются в ясный, четкий перечень фактов, который можно использовать. А сейчас не желаю ни о чем беспокоиться. Хочу, чтобы ничто не мешало мне наслаждаться ощущением собственной силы, уверенности в себе, теплотой, разлившейся по телу, — всем тем, что дают мне наркотики.

Примерно через десять минут, когда я уже подходил к автоматам для кредиток, расположенным на улице, снова зазвонил телефон. Я снял его с пояса.

— Да?

— Марид? Это Никки.

Никки — девица, переделанная из подростка, работающая на одного из шакалов Фридландер-Бея. Примерно год назад мы с ней довольно близко сошлись, но уж слишком много хлопот доставляла девочка. Когда ты с Никки, приходится все время следить, чтобы она не перебрала выпивки или пилюлек. Одна таблетка сверх нормы, и Никки становится бешеной и совершенно неуправляемой. Каждый раз, когда мы отправлялись куда-нибудь, дело заканчивалось потасовкой. До того как Никки подверглась модификации, она, судя по всему, была весьма задиристым и крепким пареньком, даже после изменения пола в драке ее невозможно удержать. Пытаться отстоять бедолагу, которого она заподозрила в намерении оскорбить ее честь и достоинство, — тяжелое испытание, а процедура доставки домой отнимает последние силы.

— А, Никки. Что хорошего скажешь?

— Марид, милый, мы можем сегодня встретиться? Мне очень нужна твоя помощь.

Ну вот, начинается.

— Да, конечно. А что стряслось?

Несколько секунд она молчала, обдумывая, как лучше сформулировать свою проблему.

— Я не хочу больше работать на Абдуллу.

Так называли одного из доверенных людей Фридландер-Бея. Абдулла держал на поводке около дюжины девочек и мальчиков, рассредоточенных по всему Будайину.

— Не вижу особых трудностей.

Время от времени мне приходилось подрабатывать таким образом, обогащая себя на киам-другой. У меня сложились хорошие отношения с Беем (все в квартале называли его «Папа»). Фридландер-Бей был фактическим хозяином Будайина, да и остальную часть города вполне мог засунуть в карман. Я всегда держал свое слово, что в глазах такого, как Бей, уже служило неплохой рекомендацией. Наш Папа — что-то вроде здешнего старейшины. Ходили слухи, что ему ни много ни мало две сотни лет, и иногда я мог поверить в это. Бей отличался архаичными взглядами на то, что такое честь и верность и что такое бизнес. Он раздавал награды и карал по своему усмотрению, словно был живым воплощением древних представлений о Всемогущем. Папе принадлежало множество ночных клубов, публичных домов и харчевен в Будайине, но он не душил свободную конкуренцию. Если кто-нибудь желал попытать счастья и открывал свою лавочку

рядом с его заведением, Бей не имел ничего против. Однако великое множество независимых дельцов в конце концов прибивались к его «империи», потому что никогда не смогли бы добиться сами того, что получали из его рук.

Главный девиз Будайина «Бизнес есть бизнес». То, что затрагивало интересы независимых дельцов, в конечном итоге ударяло и по Фридландер-Бею. Будайин — хорошее место, добычи хватит на каждого, но все могло обернуться иначе, принадлежи Папа к ненасытному типу людей, ревнивых к чужой удаче. Как-то раз он признался мне, что когда-то испытывал подобные чувства, но, прожив сто пятьдесят (или сто шестьдесят) лет, обнаружил, что больше не способен ощущать радость обладания. Наверное, это самая грустная вещь, которую мне когда-либо приходилось слышать.

Никки облегченно вздохнула.

— Спасибо, Марид. Ты знаешь, у кого я сейчас остановилась?

Я уже давно перестал следить за ее перемещениями.

— Нет. У кого?

— Я решила пожить у Тамико.

Отлично, мне опять везет, подумал я грустно. Тамико — одна из «Сестер Черной Вдовы»*.

— Если я приду, ну, скажем, в два, устроит?

Никки замялась.

— А ты не можешь пораньше, в час? У меня будут еще кое-какие дела.

Это уже была наглость, но сегодня я чувствовал себя щедрым, сильным и снисходительным. Наверное, действуют голубые пилюльки-треугольнички. Ради старой дружбы я решил уважить ее.

— Ладно. Я подойду к часу.

— Ты лапочка, Марид. Увидимся завтра. Салам.

— Гудок.

Я повесил телефон на пояс. В этот момент мне даже не приходило в голову, что я влезаю в дело, из которого не смогу выбраться. Так всегда бывает: ухом не ведешь, пока не завязнешь с головой.

3.

Когда я наконец нашел дом на Тринадцатой улице, было уже без пятнадцати час. Тамико обитала в старом двухэтажном особняке, позднее разбитом на отдельные квартиры. Я бросил взгляд на ее балкон, нависавший над улицей. Железные перила высотой до пояса, по углам кружевные чугунные колонны, увитые плющом, которые доставали до самой крыши. Из открытого окна доносились звуки ужасной синтезированной музыки в стиле кото. А душераздирающе-визгливые вскрики в манере мартовских кошек, сопровождавшие электронную мелодию, всегда заставляли меня инстинктивно вздрагивать. То ли голос тоже был синтезирован, то ли это пела сама Тами. Кажется, я уже говорил, что Никки немного полоумная? Так вот, по сравнению с Тами, Никки — ласковый плюшевый зайчик. Тамико заменила одну из своих слюнных желез пластиковым контейнером, наполненным каким-то сильно действующим токсином. Пластиковая трубочка выводила вещество в искусственный зуб. Яд был совершенно безвреден, если его проглотить, но при попадании в кровь вызывал страшную, мучительную смерть. Тамико могла пустить в ход свой убийственный зуб при малейшей необходимости или просто когда ей взбредет в голову. Вот почему Тами и ее подружек прозвали «Сестрами Черной Вдовы».

Я нажал на кнопку рядом с ее именем, но безрезультатно. Постучал по небольшому окошечку из толстого плексигласа, вделанного в дверь. В конце концов вышел на улицу и начал орать. Из окна высунулась белокурая головка.

— Сейчас спущусь, — крикнула Никки.

Музыка кото заглушала все на свете.

Дверь приоткрылась, выглянула Никки. У нее был довольно бледный вид.

— Слушай, — сказала она нервно, — Тами сегодня не в своей тарелке. К тому же поддала немного. Пожалуйста, веди себя осторожно, чтобы не разозлить ее, ладно?

В конце концов, стоит ли залезать во все это из-за Никки и ее сотни киамов, подумал я. Мне ведь не так уж нужны сейчас деньги. Но обещание есть обещание; я кивнул и последовал за подругой вверх по лестнице.

Тами распласталась на пестро расшитых подушках, упершись головой в один из динамиков. Музыка, наверное, пульсировала в ее голове в такт веселой пляске наркотиков: она зажмурила глаза и медленно кивала. Лицо одной из «Черных Вдов» было густо намазано белилами, как у гейши, но губы и веки — иссиня-черные. Тамико-сан выглядела сейчас как мстительный дух — персонаж театра Кабуки.

— Никки, — произнес я.

Она не услышала. Пришлось подойти и заорать ей прямо в ухо:

— Давай уберемся отсюда! Пойдем куда-нибудь, где можно нормально поговорить!

Тамико жгла какие-то благовония, и ноздри забивал тошнотворно-сладкий запах. Если сейчас не глотну свежего воздуха, мне станет плохо.

Никки отрицательно мотнула головой и показала на Тами.

— Она меня не выпустит.

— Почему?

— Тами думает, что защищает меня.

— От кого?

Никки пожала плечами.

— Спроси у нее.

Пока мы говорили, Тами повернулась и сейчас висела на краю постели. Потом, как при замедленной съемке, плавно скатилась вниз и замерла, прижавшись щекой к покрытому темным лаком полу.

— Слава Аллаху, что она способна постоять за тебя, Никки.

Она слабо рассмеялась.

Никки — заморское чудо даже для нашего Города Экзотики. Роскошные платиновые волосы до пояса, кожа полупрозрачная, молочно-белая, почти как грим на лице Тами. Потрясающие, словно нарисованные глаза василькового цвета, в которых синими сполохами сверкают безрассудно-безумные огоньки. Тонкие черты лица, придающие ей вид беззащитного ребенка, никак не сочетаются с высокой мускулистой фигурой. Такое происходит довольно часто: выбирая новый облик, люди стремятся походить на тех, кого считают своим идеалом, не понимая, что это не соответствует их собственному сложению.

Я взглянул на неподвижную тушу Тами. Тамико отличал «фирменный знак» сестер: гигантский, невероятный бюст. Объем груди составлял, наверное, не меньше полутора метров. Забавно наблюдать за выражением лица какого-нибудь туриста, когда он случайно сталкивается с одной из сестер. Правда, это перестает быть забавным, как только представляешь себе, что потом произойдет с несчастным.

— Я просто не хочу больше работать на Абдуллу, — произнесла Никки, накручивая на палец белокурый локон.

---

* *Черная вдова — ядовитый паук (Здесь и далее прим перев)*

— Могу себе вообразить. Я позвоню и организую встречу с Хассаном. Знаешь Хассана-Шиита? Человека Папы? Вот с ним и придется решать твое дело.

Никки потрясла головой. Обвела глазами комнату. Девочка сильно волновалась.

— Это может быть опасно?

Я улыбнулся.

— Опасно? Да что ты! В комнате стоит стол, мы садимся рядышком, Абдулла — напротив. Хассан располагается посередине. Дальше происходит следующее: я рассказываю о нашей проблеме с твоей точки зрения, Абдулла — со своей. Хассан погружается в размышления и объявляет приговор. Скорее всего, заплатишь отступного Абдулле, Хассан скажет сколько. Потом придется еще потратиться, чтобы подмазать Шиита за посредничество, и еще надо преподнести какой-нибудь подарок Папе. Это важно.

Кажется, Никки не успокоили мои слова. Она встала, заправила черную майку в джинсы такого же цвета.

— Ты не знаешь Абдуллу, — произнесла она.

— Уж кого-кого, а этого типа я знаю, можешь не сомневаться.

Я встал, подошел к таминому «Телефункену» и ткнул указательным пальцем в кнопку, чтобы избавить мир от музыки кото. Комнату наполнили покой и умиротворение; мир сказал мне «спасибо». Тами застонала во сне.

— А если он плюнет на свои обязательства? Придет за мной и заставит снова работать на улице? Он любит избивать своих девочек, Марид. По-настоящему любит, понимаешь?

— Я все о нем знаю. Но Абдулла, точно так же, как и все мы, уважает Папу и никогда не забывает о нем. Он не посмеет ослушаться Хассана. Кстати, ты тоже, Никки: не дай тебе Бог даже подумать об этом. Если попытаешься улизнуть, не заплатив, Папа пошлет за тобой своих громил. И тогда ты уж точно снова будешь работать на улице. После того как сможешь встать на ноги.

Никки содрогнулась.

— Ты прямо сейчас можешь договориться о встрече? — спросила она.

— Конечно, — кивнул я. — Следующий понедельник устроит?

Никки широко распахнула глаза.

— А сегодня вечером никак нельзя? Мне надо покончить с этим делом сегодня.

— Эй, Никки, что за спешка? Собралась куда-нибудь?

Никки искоса посмотрела на меня, рот слегка приоткрылся, губы шевельнулись, словно она желала что-то сказать, но потом передумала.

— Нет, — произнесла она наконец слегка вздрагивающим голосом.

— Нельзя вот так запросто назначить Хассану встречу, когда тебе в голову взбредет.

— А ты попробуй, Марид. Вдруг получится?

Я развел руками, показывая, что сдаюсь.

— Ладно, позвоню и спрошу его. Но Хассан назначит встречу, когда пожелает.

Никки кивнула.

Я отцепил от пояса телефон и набрал кодовый номер. Раздался гудок, потом трубку поднял один из шестерок Хассана. Я объяснил, кто звонит и по какому делу; мне велели подождать. Они всегда так говорят, а ты всегда покорно ждешь, сколько придется... Я сидел и смотрел, как Никки нервно накручивает на палец свои пряди, как медленно и равномерно вздымается макси-бюст Тамико; мой слух услаждал негромкий храп распластавшейся по полу «Черной Вдовы».

Спустя двадцать пять минут в трубке снова раздался голос шестерки Шиита. Встреча нам назначается на сегодня, сразу после вечерней молитвы. Я пристегнул телефон к поясу, не поблагодарив шестерку: какая-то гордость у меня еще оставалась.

— Зайду за тобой примерно в полвосьмого, — пообещал я Никки.

Снова этот странный взгляд исподлобья.

— А там нельзя встретиться?

Я утомленно опустил плечи.

— Почему же нет? Знаешь, где это?

— В магазине Хассана, да?

— Зайди за занавес внутри. Там будет склад. Пройдешь его, выйдешь через черный ход в проулок. Напротив в стене увидишь стальную дверь. Она заперта, но нас будут ждать. И еще, Никки, мне нужна моя сотня за работу, и прямо сейчас!

Ее явно ошарашил мой тон. Может, я немного пересолил? Но я действительно разозлился.

— А нельзя после...

— *Сейчас*, Никки.

Она вытащила из кармана джинсов небольшую пачку денег и отсчитала сотню киамов.

— Держи.

— Дай еще двадцатку на маленький презент Папе. И бакшиш Хассану тоже заплатишь ты. Увидимся вечером.

Я поспешил убраться из этого места, чтобы летучие бациллы таминова психоза, кишащие в комнате, не проникли в мой мозг.

Отправился я домой. Выспаться не удалось, ужасно болела голова, а ощущение пьянящей бодрости, созданное пилюльками, незаметно исчезло под лучами полуденного солнца. Ясмин еще спала, и я устроился рядом. Наркотики не дадут мне заснуть, но я желал малого: всего-то полежать тихо и спокойно с закрытыми глазами. Как бы не так, стоило расслабиться, и отрава заставила пульсировать мозг еще сильнее. Темнота, окутавшая глаза за плотно закрытыми веками, стала красной и ослепляла яркими вспышками, как полицейская мигалка. Я почувствовал дурноту и головокружение; потом в голове заплясали причудливо изогнутые голубые и темно-зеленые пятна, словно какие-то микроскопические создания в капле воды. Пришлось открыть глаза, чтобы избавиться от проклятых вспышек. Мускулы лица, рук и бедер непроизвольно подергивались. Черт, «треугольники» изрядно взвинтили меня. Нет покоя для грешных душ...

Я снова встал и скомкал послание, которое оставил перед уходом для Ясмин. Она сонным голосом пробормотала:

— Я думала, ты сегодня хотел сходить куда-то в город.

Я повернулся.

— Уже сходил. Пару часов назад.

— А сколько сейчас?

— Около трех.

— Йа салам! Я должна быть в три на работе!

Я вздохнул. Ясмин славилась на весь Будайин своей способностью опаздывать всегда и всюду. «Французик» Френчи Бенуа, хозяин клуба, где танцевала Ясмин, пунктуально штрафовал ее на пятьдесят киамов, даже если она являлась на минуту позднее положенного.

Пока она выбиралась из постели и одевалась, прошло не менее пяти минут. Я удостоился рассеянно-формального поцелуйчика, попавшего куда-то в висок; спустя секунду Ясмин уже торопливо шагала по Улице, на ходу выкапывая из сумочки модуль, предназначенный для работы. Она повернула голову и что-то сказала мне, выговаривая слова со своим варварским левантийским акцентом.

Наконец-то я остался один. В принципе, мне нравилось, как идут дела. Такого не случалось уже много месяцев. Но когда я, разнежившись, соображал, не завалялось ли в мозгу какое-нибудь экстраординарное желание, чтобы можно было угрохать на его исполнение свалившееся с неба богатство, перед глазами, заслонив убогую обстановку комнатушки, вдруг возникла окровавленная рубаха Богатырева. Чувство вины? У меня — чувство вины! У парня, которого жестокий мир не смог заставить изменить своему естеству, который так и не вставил (и никогда не вставит) себе в голову розетку для модика.

Я ни к чему не стремлюсь, ничего не боюсь. Я вроде катализатора, ускоряющего химическую реакцию; как и он, провоцирую изменения, но сам никогда не меняюсь. Я помогал тем, кто нуждался в моей помощи, это — мои единственные друзья. Я играл активную роль в жизни, но меня она ни разу не задевала. Я наблюдал за происходящим, но держал свои мысли при себе. Вот, примерно, мое мнение о собственной персоне. Вот из-за чего я сам сделал все возможное, чтобы жизнь наконец стукнула меня хорошенько.

У нас в Будайине существуют только два типа людей: шлюхи и клиенты, охотники и добыча, а иногда немного от того, немного от другого. Войдя в Южные ворота, ты сразу же, не сделав и десяти шагов по Главной улице, навечно становишься первым или вторым. Охотник — добыча. Третьего не дано.

В семь тридцать я начал одеваться: выбрал старую выцветшую голубую рубашку, джинсы, ботинки. Старайся не старайся, Хассану я все равно не понравлюсь, так что наряжаться нет смысла. Выходя за порог дома, я услышал шипение и треск ожившего радио, потом раздался многократно усиленный голос муэдзина: «ла-а-а иллаха иллалла-а-аху». Красивая штука, этот призыв к молитве, неотразимо мелодичный, берущий за душу даже неверующего пса-отступника вроде меня. Я поспешил по пустынным улицам. Шлюхи прекратили шнырять в поисках клиентов, клиенты прекратили шнырять в поисках подходящей шлюхи: весь Будайин погрузился в молитву. Мои шаги, одиноко стучащие по древним камням мостовой и разносившиеся далеко в царящем безмолвии, громогласно уличали меня в кощунстве. К тому времени, когда я дошел до магазина Шиита, город уже вернулся к прежней суматошной жизни.

За прилавком в магазине стоял молоденький, хрупкий американский мальчик, которого все называли Абдул-Хассан. «Абдул» означает «раб такого-то», а далее обычно следует один из девяноста девяти эпитетов Аллаха — «Господь Миров», «Милосердный» и т.д. В случае с американцем ирония заключалась в том, что паренек действительно *принадлежал* Хассану, был связан с ним всем, кроме, конечно, родства. Поговаривали, что Абдул-Хассан не родился мальчиком, точно так же, как, скажем, Ясмин — девочкой, но никто, насколько мне известно, еще не дал себе труда провести подобное расследование.

Абдул-Хассан что-то спросил меня по-английски. Для любителей, время от времени забредавших сюда поглазеть на товар и поторговаться, магазин Хассана представлял собой немалую загадку, потому что товар в нем попросту отсутствовал: Шиит торговал практически всем на свете, и демонстрировать что-то покупателям было незачем. Я не говорил по-английски, поэтому просто ткнул большим пальцем в сторону грязного набивного занавеса. Мальчик кивнул и снова погрузился в блаженное самосозерцание, от которого я его оторвал.

Я прошел за занавес, пересек склад, вышел в проулок. Как только приблизился к стальной двери, она почти бесшумно распахнулась. «Сезам, откройся!» — не удержавшись, шепнул я. Потом ступил внутрь скудно освещенной комнаты и осмотрелся.

Хассан возлежал на миниатюрной горе из подушек и не спеша курил кальян. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было бульканье этого кальяна; я уловил острый запах гашиша. На краю ковра, застыв в неудобной позе, с прямой, как палка, спиной, сидела до смерти перепуганная Никки. Абдулла покоился на подушках рядом с Хассаном и шептал ему что-то на ухо. Шиит сохранял абсолютно бесстрастный вид; его лицо казалось таким же пустым, как рука, поймавшая ветер. Сегодняшним приемом управляет он; я стоял и терпеливо ждал, когда хозяин соизволит обратить на меня внимание.

— Ахлан ва сахлан! — произнес, наконец, Хассан, коротко улыбнувшись. Это формальное приветствие — что-то вроде «добро пожаловать», а буквально «ты пришел к своей родне и нашел ровное место» — должно было задать тон всей нашей встрече. Я ответил такой же формальной фразой, меня пригласили сесть. Я устроился рядом с Никки. В ее платиновых волосах, на самой макушке, я заметил одну-единственную училку. Наверняка, языковая приставка: я знал, что без нее она ни слова не понимает по-арабски. Я принял маленькую чашку кофе, обильно сдобренного кардамоном, поднял ее, приветствуя Хассана, и сказал:

— Да будет вечно обильным ваш стол, — и поднес к губам.

Воздев руки, Хассан в ответ произнес:

— Да продлит Аллах вашу жизнь.

Мне передали следующую чашку. Я украдкой толкнул Никки, которая до сих пор не выпила свою первую чашку чая. Нельзя, чтобы деловой разговор начался сразу, нужно отведать по крайней мере три порции угощения. Раньше отказываться недопустимо — рискуешь обидеть хозяина. Отпивая маленькими глоточками дымящийся напиток, мы с Хассаном обменивались вопросами о здоровье наших родных и друзей, периодически взывали к Аллаху благословить такого-то и такого-то, а также охранить нас и весь мусульманский мир от козней неверных.

Я тихонько пробормотал на ухо Никки, чтобы она продолжала поглощать свой чай, обладавший каким-то странным привкусом. Ее присутствие было неприятно Хассану по двум причинам: во-первых, она проститутка, во-вторых, не настоящая женщина. Мусульмане так и не смогли определить статус «переделанных». Они не знали, какого отношения заслуживают мужчины, добровольно изменившие свой благородный пол на более «низкий». Естественно, Коран не содержит никаких указаний по этому поводу. То, что полномочный представитель Никки, Марид Одран, известен своим, мягко говоря, непостоянством в соблюдении заветов Несомненного Писания*, усугубляет положение.

Итак, мы с Хассаном выпивали чашку за чашкой, приветливо кивали друг другу и приятно улыбались, восхваляли Аллаха и обменивались комплиментами, словно мячиками в теннисном матче. Самое употребительное выражение у мусульман — «иншалла»: если Аллах пожелает. С людей снимается всякая вина за случившееся, за все отвечает Аллах. Вас застали в постели с женой вашего брата — так пожелал Аллах. Высыхает оазис и его заносит песок — тоже пожелал Аллах. Отрубили руку или голову

* *Один из эпитетов Корана.*

в наказание за несоблюдение Его воли — что ж, так Он пожелал...

Так прошел почти час, и было заметно, что обе стороны начинают проявлять нетерпение. У меня дела шли прекрасно, а улыбка Хассана становилась все шире и шире: с каждой могучей затяжкой он втягивал в себя рекордное количество гашиша.

Наконец Абдулла решил, что его терпение истощилось. Он пожелал, чтобы разговор наконец затронул денежную сторону. То есть сколько должна будет заплатить Никки за свою свободу.

Хассану явно пришлось не по душе такое нетерпение. Он воздел руки, удрученно оглядел потолок и продекламировал арабскую поговорку: «Жадность умаляет накопленное». Слышать подобное заявление из уст Шиита, принимая во внимание его собственные повадки, было по меньшей мере удивительно. Он посмотрел на Абдуллу.

— Эта молодая женщина находилась под вашей охраной и покровительством?

— Да, о мудрейший, — ответил Абдулла. — Уже более двух лет.

— И вы недовольны ею?

Абдулла сморщил лоб.

— Нет, о мудрейший.

— И она не причиняла вам когда-либо неприятностей или ущерба?*

— Нет.

Хассан повернулся ко мне: такая, как Никки, не заслуживала его внимания.

— Находящаяся под покровительством желает жить в мире? Она не затаила обиду и не замышляет зла по отношению к Абдулле абу-Зайду?

— Клянусь, нет.

Хассан прищурился:

— Твои клятвы ничего не значат здесь, неверующий. Нам придется оставить в стороне честь достойных мужей и скрепить договор словами и серебром.

— Те, кто слышит твои слова, живут в мире, — сказал я.

Хассан кивнул, довольный тем, что я, по крайней мере, умею себя вести.

— Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного, — возгласил Шиит, воздев руки ладонями вперед. — Я объявляю свое решение. Те, кто присутствует здесь, пусть слушают и повинуются. Находящаяся под покровительством возвратит все драгоценности и иные украшения, полученные ею от Абдуллы. Она вернет все дары, имеющие ценность. Она вернет все дорогие одеяния, оставив себе лишь такую одежду, которая подходит для ежедневного пользования. Со своей стороны, Абдулла абу-Зайд должен дать обещание, что позволит находящейся под покровительством беспрепятственно заниматься своим делом. Если возникнет какой-либо спор, я рассужу его.

Нахмурившись, он просверлил взглядом обе стороны, убеждаясь, что никакого спора не возникнет. Абдулла кивнул, Никки выглядела подавленной.

— Кроме этого, находящаяся под покровительством заплатит Абдулле абу-Зайду завтра до полуденной молитвы сумму в размере трех тысяч киамов. Таково мое слово. Аллах велик.

Абдулла ухмыльнулся.

— Пусть не покидают тебя здоровье и счастье! — воскликнул он.

— Иншалла, — пробормотал Хассан, снова сжимая в зубах кальян.

По обычаю я тоже должен был поблагодарить Шиита, несмотря на то, что он здорово пощипал Никки.

— Я твой должник, — произнес я, вставая и заставляя Никки подняться вместе со мной. Хассан брезгливо помахал рукой, словно отгоняя назойливую муху. Когда мы уже проходили в стальную дверь, Никки вдруг обернулась и плюнула себе под ноги.

Она выкрикнула все худшие ругательства, которые ей могла подсказать арабская училка.

— Химмар у ибн-химмар! Ибн-вушка! Йилан абук!

Я крепче сжал ее руку, мы бросились бежать. За спиной раздавался смех Абдуллы и Хассана. Охотники получили свою добычу, были удовлетворены вечерним промыслом и решили проявить снисходительность, позволив Никки избежать наказания за ее длинный язык.

Когда мы выбрались на улицу, я немного притормозил, чтобы перевести дыхание.

— Мне срочно надо выпить, — объявил я, увлекая ее внутрь «Серебряной ладони».

— Ублюдки! — прорычала Никки.

— У тебя что, нет трех тысяч?

— Есть. Просто не хочется отдавать деньги этим акулам. Я думала потратить их на другое.

Я пожал плечами.

— Если ты желаешь выбраться из-под туши Абдуллы...

— Ага, я знаю.

Но Никки все еще переживала потерю трех кусков.

— Все будет в порядке, — сообщил я ей, пробираясь по темному и прохладному помещению бара.

Никки широко распахнула глаза и подняла руки, издеваясь над дешевой помпезностью Хассана. А потом сорвала с себя училку арабского языка. Вот последнее, что сохранилось у меня в памяти от этого вечера.

4.

Рассвет... Все живое радостно приветствует первые лучи солнца. Но увы, я не чувствовал себя живым. Так я расплачивался за вчерашние гипнонаркотики.

Оглушительный стук в дверь вырвал меня из забытья как раз в тот момент, когда раздался призыв муэдзина: «Спешите на молитву! Спешите на молитву! Молитва лучше сна! Аллах велик!»

Я перекатился на матрасе, уставился на покрытую трещинами зеленую стену и сразу же пожалел о том, что вообще пошевелился: это было похоже на замедленную съемку, причем часть кадров куда-то исчезла. Вселенная как бы начала пульсировать вокруг меня...

В дверь продолжали колотить. Через несколько секунд до меня дошло, что ее пытаются проломить сразу несколько пар могучих кулаков.

— Сейчас, подождите минуту, — откликнулся я и сполз с кровати, стараясь не потревожить те части тела, которые еще сохраняли чувствительность. Я благополучно опустился на пол и очень осторожно, очень медленно поднялся на ноги. Постоял, немного покачиваясь, стараясь убедиться в том, что я настоящий и живой, но потерпел неудачу и решил всетаки идти к двери. Проковыляв добрую половину пути, сообразил, что я совершенно голый. Остановился. Черт, как же трудно постоянно принимать глобальные решения в таком состоянии... Возвратиться назад и накинуть что-нибудь на себя? К грохочущим ударам прибавились негодующие вопли. Тут не до одежды, решил я.

** Хотя у арабов принято обращаться друг к другу на «ты», в определенных ситуациях можно употребить формы, соответствующие русскому «вы» В мусульманских странах, где судопроизводство ведется по законам «Шариата», отступление от религиозных норм преследуется как уголовное преступление*

Я открыл дверь и остолбенело уставился на самую ужасную картину, которая когда-либо открывалась человеческому взору с тех пор, как некоему герою пришлось столкнуться лицом к лицу с Горгоной Медузой. Передо мной стояли три жутких чудовища, «Сестры Черной Вдовы» в полном составе: Тамико, Деви и Селима. Одинаковые черные пуловеры обтягивали гигантские бюсты, а бедра — узкие черные юбки. Довершали картину черные туфли на шпильках. Это их «рабочая» форма одежды. Зачем наряжаться, словно идешь на дело в такую рань, мелькнул вопрос в моей одурманенной похмельем голове. Ну, надеюсь, сестры не...

Деви, беженка из Калькутты, втолкнула меня в комнату, остальные последовали за ней, захлопнув дверь. Селима, чье имя по-арабски означает «спокойствие, мир», повернулась, вскинула правую руку и, рыча, воткнула твердый локоть мне прямо под дых. Удар вышиб весь воздух из легких; задыхаясь, как рыба на суше, я рухнул на колени. Чья-то нога жестко врезала мне по челюсти и я повалился навзничь. Потом одна из сестер подхватила меня и держала, а остальные неторопливо и методично били, не оставляя без внимания ни одной чувствительной точки на теле.

Не знаю, как долго они обрабатывали меня. Когда я пришел в себя, часы показывали одиннадцать утра. Я лежал на полу и старательно дышал. Наверняка сломаны ребра, потому что каждый вдох вызывал страшную боль. Я сделал попытку собраться с мыслями: по крайней мере, постнаркотическое похмелье прошло. Коробочка с пилюльками. Я должен найти заветную коробочку. Со скоростью черепахи я пополз к кровати. Сестры поработали надо мной очень тщательно и эффективно: с каждым движением я проникался все большим почтением к их профессиональному мастерству. На моем теле не осталось практически ни одного живого места, но они не пролили ни капли крови. До меня дошло, что, если бы сестры хотели меня убить, достаточно было бы одного игривого укуса. То, что они со мной сделали, — предупреждение или наказание. За что? Не забыть бы спросить у этих милых девочек, когда снова увидимся.

Я свалился на кровать и потянулся через матрас за одеждой. Коробка — в кармане джинсов, где я всегда ее держу. Слава Аллаху! Я открыл ее в твердой уверенности, что найду парочку болеутолителей быстрого действия. Весь запас «красоток» — таблеток бутаквалида аш-си-ай — бесследно исчез. Они строжайше запрещены повсюду, а стало быть, продаются на каждом углу. У меня оставалось по крайней мере восемь штук. Куда они девались? Наверное, пригоршню я заглотал, чтобы помогло мне заснуть назло бесновавшимся «треугольникам», а все, что осталось, должно быть, сожрала Никки. Но сейчас меня заботило другое. Мне нужны опиаты любой разновидности. Я нашел семь пилюлек соннеина. Когда они засияют внутри меня, словно солнечные лучи, пронзающие угрюмо-серые облака, я смогу купаться в теплом, ласкающем свете; иллюзия счастья и благополучия распространится по всему телу, окутает поврежденные сестрами, нестерпимо болящие места. Даже мысль о том, чтобы попытаться доползти до кухни и налить воды в стакан, заставила меня содрогнуться. Я набрался решимости, собрал побольше слюны и проглотил похожие по вкусу на мел таблетки «солнышка» одну за другой. Они начнут действовать минут через двадцать, не раньше, но само сознание близкого избавления от боли заставило ее немного утихнуть.

Однако еще до того как заработали «солнышки», в дверь снова постучали. Помимо воли из моего горла вырвался тревожный полувскрик-полувсхлип. Я не сдвинулся с места. Стук повторился, негромкий, но решительный.

— Йа шабб, — раздался голос за дверью.

Хассан. Я закрыл глаза; если бы я только способен был верить во что-либо, я бы сейчас облегчил душу, помолившись о спасении.

— Одну минуту, — произнес я. Кричать я не мог. — Позволь мне одеться.

Хассан только что использовал достаточно дружественную форму приветствия, но это ни черта не значило. Я доковылял до двери со всей быстротой, на которую был способен; моя одежда состояла из одних джинсов. Наконец распахнул дверь. Рядом с Хассаном стоял Абдулла. Плохие новости...

— Бисмиллах! — я пригласил гостей войти во имя Аллаха. Пустая формальность. Хассан никак не отреагировал на мои слова.

— Абдулла должен получить три тысячи киамов, — просто сказал он.

— Деньги причитаются с Никки. Иди, приставай к ней. Мне сейчас не до твоих нудных поучений.

Наверное, не следовало так говорить. Лицо Хассана омрачилось, словно небо при приближении бури.

— Находящаяся под покровительством сбежала, — произнес он резко. — Как ее представитель ты отвечаешь за своевременную уплату долга.

Никки сбежала? Я не мог поверить, что она способна так поступить со мной.

— Полдень еще не наступил, — произнес я наконец. Неуклюжая отговорка, но больше ничего в голову не приходило.

Хассан кивнул.

— Мы воспользуемся твоим гостеприимством и подождем.

Они уселись на матрас и пронзительно смотрели на меня. Мне совсем не нравилось выжидательно-хищное выражение на лицах гостей.

Что делать? Попробовать связаться с Никки? Нет смысла: Хассан и Абдулла наверняка уже посетили дом на Тринадцатой улице. Неожиданно до меня дошло, что исчезновение Никки и физическая обработка, которой меня подвергли сестры, наверняка как-то связаны между собой. Никки была их деточкой, кем-то вроде любимой зверюшки. Да, что-то здесь вырисовывалось, но я пока ни черта не мог сообразить. Ладно, оставим это. Судя по всему, придется найти и выложить три куска Абдулле, а потом уже вытащить хрустики у Никки, когда поймаю ее.

— Слушай, Хассан, — сказал я хрипло, облизывая распухшие, разбитые губы, — я могу сейчас дать самое большее две с половиной. Ровно столько лежит у меня на счете в банке. Остальные полтысячи заплачу завтра. Это все, на что я способен.

Хассан и Абдулла переглянулись.

— Ты заплатишь мне две с половиной тысячи сегодня, — произнес Абдулла, — и еще *тысячу* завтра. — Снова быстрый обмен взглядами. — Поправка: полторы тысячи завтра.

Я сообразил, в чем суть. Пятьсот законного долга плюс пятьсот навара Абдулле, а остальные пятьсот — навар Хассану.

Я молча кивнул. В любом случае, выбора мне никто не предоставит. Вдруг вся боль и злость, которые я испытывал, сфокусировались на Никки. Я отвлекся от собственных проблем, предвкушая нашу встречу. Ах, что я с ней сделаю!

— Вижу, ты не очень хорошо себя чувствуешь? — слащавым тоном осведомился Хассан. — Мы поможем тебе добраться до кредитного автомата. Воспользуемся моим автомобилем.

Я долго не отрывал глаз от шиита, страстно желая стереть тошнотворно-благостную улыбку с его лица; но в конце концов просто сказал:

— Я не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность.

Хассан снисходительно помахал рукой.

— Правоверный не ждет благодарности, когда исполняет долг милосердия. Аллах велик.

— Хвала Аллаху! — отозвался Абдулла.

— Это точно, — буркнул я. Мы вместе вышли на улицу: Хассан по-братски прижимался к моему правому плечу, Абдулла — к левому.

Абдулла устроился рядом с водителем, я сидел позади вместе с Хассаном, закрыв глаза, прижавшись к обивке сиденья из натуральной кожи. Никогда в жизни не приходилось ездить в такой роскошной машине. Но в данный момент мне было абсолютно наплевать на все, кроме боли. А она все росла и росла, сжимая тело тисками... Я почувствовал, как по лбу медленно текут капли пота.

Наверное, я застонал, потому что Хассан шепнул:

— Когда покончим с расчетами, мы обязательно позаботимся о твоем здоровье.

Остальную часть дороги я проехал молча, ни о чем не думая. Где-то на полпути к банку заработали «солнышки», и я тут же обнаружил, что могу свободно дышать и даже немного двигаться. В банке я засунул в автомат кредитную карточку, проверил, все ли в порядке, и снял со счета две с половиной тысячи пятьдесят киамов. Теперь в банке у меня лежала вдохновляющая сумма в шесть киамов. Я протянул крупные банкноты Абдулле.

— Остальные полторы тысячи завтра, — буркнул он.

— Иншалла! — сказал я насмешливо.

Абдулла занес руку, чтобы ударить меня, но Хассан удержал его и что-то пробормотал, — я не смог разобрать слов. Оставшиеся пятьдесят киамов я запихнул в карман джинсов и при этом обнаружил, что больше денег там нет. Странно... Хоть немного-то должно было остаться: хрустики, полученные от Богатырева плюс сотня Никки (минус потраченное прошлой ночью). Наверное, стянула моя сбежавшая клиентка или позарилась одна из «Черных Вдов». Господи, какое это сейчас имеет значение? Хассан и Абдулла что-то оживленно обсуждали вполголоса. Наконец Абдулла приложил ладонь ко лбу, губам, сердцу и оставил нас вдвоем. Хассан крепко взял меня за локоть и помог дойти до своего роскошного, сверкающего черного чуда техники. Я старался заговорить, но первая попытка провалилась. Наконец, пробормотал:

— Куда?

Голос показался мне чужим: хриплым, срывающимся, словно голосовые связки томились без работы уже многие годы.

— Я отвезу тебя в госпиталь, — ответил Хассан, — и там покину. Надеюсь, ты не обидишься. У меня масса неотложных дел. Увы, бизнес есть бизнес...

— А дело есть дело, — закончил я.

Хассан улыбнулся. Не думаю, что у Шиита имелась какая-то личная неприязнь ко мне.

— Салаамтак, — он пожелал мне мира.

— Аллах йисаллимак, — произнес я в ответ. Когда мы добрались до бесплатного госпиталя, я выбрался из машины и заковылял в направлении, противоположном входу.

В клубе Чириги было необычно тихо и безлюдно. Девочки казались безжизненными, словно куклы; клиенты мрачно разглядывали свои кружки с пивом. Но музыка, конечно, ревела как ненормальная, а пронзительный голос Чири, с ее неповторимым суахильским произношением, перекрывал шум. И все же не слышалось смеха, отсутствовал привычный фон — негромкий гул деловых переговоров. Работа замерла... В баре стоял застарелый запах пота, пролитого пива, виски, гашиша.

— Марид, — произнесла Чири, увидев меня. Она выглядела осунувшейся. Прошлая ночь, стало быть, для всех нас оказалась мучительно долгой и неудачной в смысле заработка.

— Можно, я куплю тебе что-нибудь выпить? — спросил я. — Судя по виду, тебе это явно не помешает сейчас.

Она с трудом растянула губы в улыбке.

— Я когда-нибудь отказывалась от такого предложения?

— На моей памяти, никогда, — отозвался я.

— И никогда не откажусь.

Она повернулась и налила себе зелья из специальной бутылки, которую держала под стойкой.

— Это что? — поинтересовался я.

— Тэнде. Такая особая штука из Восточной Африки.

После недолгих колебаний я решился.

— Налей и мне.

Чири изобразила беспокойство и утрированно озабоченным тоном произнесла:

— Тэнде плохо-плохо для белый бвана! Бельй бвана выпить — и сразу бум-бум на свой бельй мгонго.

— У меня тоже был сегодня длинный и поганый день, Чири.

Я протянул ей банкноту в десять киамов.

Она сочувственно кивнула, налила мне тэнде и подняла свой стакан.

— Ква сихо яко!

— Сахтайн! — сказал я по-арабски, отпил немного тэнде и сразу вытаращил глаза и поднял брови. Питье обжигало как огонь и имело неприятный привкус, но я знал, что, если как следует постараюсь, смогу оценить его. Я осушил свой стакан.

— Хочу хорошенько напиться, и как можно быстрее, — объяснил я. — Кстати, я остался без гроша.

Я протянул руку к стакану.

— Ты мне расскажешь, что с тобой случилось?

Я осторожно взболтал содержимое стакана.

— Как-нибудь в другой раз.

— Ищешь кого-нибудь?

— Никки.

Чири коротко рассмеялась.

— Да, кое-что это объясняет, но все-таки Никки не могла тебя так хорошо отделать.

— Сестры.

— *Все три?*

Я поморщился.

— Да, все вместе и каждая в отдельности.

Чири подняла глаза к потолку.

— Послушай, — произнесла она вполголоса, — я ведь видела сегодня Никки. Она приходила сюда примерно в десять утра. Просила, чтобы я передала тебе ее благодарность. Не сказала за что, правда, но думаю, ты сам все знаешь. Потом отправилась искать Ясмин.

Я почувствовал, как во мне закипает злость.

— Она не сказала, куда идет?

— Нет.

Я снова расслабился. Если кто-нибудь в Будайине и знает, где обретается моя бывшая подружка, это будет Тамико. Меня никак не привлекала перспектива снова столкнуться с толсторожей бешеной собакой, но, судя по всему, придется.

— Надо бежать, Чири. Дело есть дело...

Она подарила мне свою замечательную улыбку, которую я так любил.

— Ква кери, Марид.

— Ас-салам алейкум, — сказал я и вышел из клуба.

Сейчас полтретьего или три часа ночи, а из окна Тами доносится громыхание кото! Я барабанил в дверь, пока не отбил кулаки.

Она не слышала меня то ли из-за громкой музыки, то ли из-за наркотиков. Я налег плечом на дверь и обнаружил, что она не заперта. Медленно и осторожно поднялся по ступенькам. Практически каждый житель Будайина как-нибудь модифицировал себя. Ввинченные в мозг модики и приставки-училки дарят самые разные знания, навыки и целые библиотеки информации или другое «я», совершенно новую личность. Я один остался нетронуто-естественным, полагаясь лишь на природные рефлексы, собственный опыт и осторожность. Я превосходил других, используя дарованный Аллахом разум против их компьютеризированных способностей.

И вот сейчас дарованный Аллахом разум говорил мне, что здесь что-то не так. Тами не оставила бы дверь открытой...

Она лежала примерно в той же позе, в какой я застал ее день назад. Лицо густо намазано белилами, иссиня-черная краска на веках. Но сейчас Тамико была полностью обнажена, и ее странное, созданное хирургами тело выделялось кричаще-белым пятном на деревянном полу. Кожа имела болезненно-бледный синеватый оттенок, на ней ярко проступали темноватые следы от ожогов и багрово-красные полосы вокруг запястий и шеи. Горло перерезано от уха до уха; белила смешались с кровью, растекшейся огромной лужей вокруг Тами. Эта «Черная Вдова» больше никого не сможет ужалить.

Я опустился на подушки рядом с безжизненным телом и попытался сообразить, что здесь произошло. Может быть, Тами выбрала не того клиента, и он нанес ей удар первым? Следы от ожогов и кровоподтеки говорили о том, что ее истязали; пытали долго, неторопливо, так, чтобы причинить максимальную боль. Тами с лихвой заплатила за то, что сделала со мной. Квадаа уквадар — правый суд Аллаха и судьбы.

Телефон на поясе зазвонил как раз в тот момент, когда я собрался связаться с лейтенантом Оккингом. Я настолько ушел в свои мысли, уставившись на труп Тами, что звонок ударил по нервам. Что ж, сидеть так в компании мертвой женщины, которая неотрывно глядит тебе в лицо, довольно неприятное времяпрепровождение. Это кого угодно выведет из себя. Я взял трубку.

— Слушаю.

— Марид? Ты должен... — связь прервалась. Трудно было сказать, кому принадлежал голос, но, кажется, я все-таки узнал его. Похоже, это была Никки.

Я посидел еще немного. Что хотела передать мне Никки: попросить о чем-то, предупредить? Тело сковал холод, я не мог пошевелиться. Начали действовать наркотики, но сейчас я почти не почувствовал этого. Несколько раз глубоко вздохнул, собрался с силами и продиктовал код Оккинга в трубку.

5.

Я выяснил один интересный факт. Правда, это знание никак не стоило всех мучений, перенесенных за сегодняшний ужасный день, но все же заслуживало того, чтобы поместить его в копилку моего замечательного мозга. Оказывается, лейтенанты полиции редко бывают преисполнены энтузиазма, когда им сообщают об убийстве за полчаса до конца дежурства.

— Второй труп меньше чем за неделю, — меланхолично отметил Оккинг, прибыв на место происшествия. — Учти, если ты добиваешься комиссионных, мы не собираемся их выплачивать. Вообще-то, обычно мы стараемся отвратить граждан от подобной практики.

Я взглянул на вытянувшееся, усталое лицо Оккинга. Принимая во внимание, что сейчас глубокая ночь, сказанное можно с натяжкой оценить как своеобразный полицейский юмор. Не знаю точно, откуда Оккинг родом (скорее всего, из какого-нибудь прогнившего, выродившегося европейского государства или одной из северо-американских федераций), но он умудрялся прекрасно уживаться со всеми разношерстными группировками, находящимися под его юрисдикцией. Он говорил по-арабски, пожалуй, хуже многих (мы с ним обычно беседуем по-французски), и все же Оккинг находил общий язык со всеми жителями Будайина — представителями разных течений ислама, святошами и теми, кто пренебрегал религиозными обязанностями, арабами и людьми других национальностей, богатыми и бедными, добропорядочными и ступившими на тропу порока. С каждым лейтенант обходился одинаково, элегантно и ненавязчиво создавая впечатление сочувствия и понимания. Поверьте, я по-настоящему ненавижу легавых. Масса жителей Будайина боится, не доверяет или попросту не любит фараонов, но я их *ненавижу*. Когда я был еще совсем маленьким, матери пришлось заняться проституцией, чтобы иметь пропитание и крышу над головой. Я до боли четко помню, в какие игры играли с ней тогда полицейские. Это происходило в Алжире много лет назад, но для меня легавые всюду одинаковы. За одним-единственным исключением в лице лейтенанта Оккинга.

Медицинский эксперт, обычно демонстрировавший стоическую бесстрастность, на этот раз не удержался от едва уловимой гримасы отвращения, увидев Тамико. Ее убили примерно четыре часа назад, заявил он. Эксперт узнал кое-что о преступнике по отпечаткам пальцев на шее и другим уликам.

— Что думаешь? — спросил я Оккинга, указывая на распростертое тело.

Он пожал плечами.

— Кажется, у нас объявился какой-то маньяк. Сам знаешь, шлюхи сплошь и рядом заканчивают жизненный путь таким образом. Это как бы неотъемлемая часть их профессии, вместе с макияжем и тетрациклином. Подруги убитой стараются не думать об этом, поскорее забыть. А им бы лучше как раз не забывать, потому что тот, кто укокошил Тами, скорее всего убьет кого-нибудь еще — так мне подсказывает опыт.

На следующий день у Ясмин был выходной, и примерно в два часа я позвонил ей. Мы договорились в пять пообедать вместе в нашем любимом кафе. Там можно сидеть за столиком на террасе и наблюдать за происходящим на Улице.

Дожидаясь Ясмин, я успел заказать всего две порции выпивки. Она появилась примерно в четверть шестого. Обычно моя подруга опаздывает минут на сорок — сорок пять; я ждал Ясмин не раньше шести с лишним.

— Мархаба! — весело приветствовала она меня, плавно скользя между стальными столиками.

Я махнул Ахмаду, обслуживавшему нас, он осведомился, что будет пить дама и принес меню. Пока

Ясмин изучала список блюд, я изучал ее. Волосы спадали волнами на плечи, словно черное облако; легкое хлопчатобумажное платье в европейском стиле, желтое с белыми бабочками. Вокруг загорелой смуглой шеи — серебряная цепочка, с которой свисал миниатюрный серебряный полумесяц. Она выглядела такой волнующе-красивой... Очень не хотелось тревожить ее сейчас.

— Ну, как прошел день, Марид? — произнесла она, чуть улыбаясь.

— Тамико убита, — выпалил я, чувствуя себя ужасным недотепой.

Наверное, можно было найти массу способов начать рассказ, не оглушая ее сразу страшным известием.

Ясмин широко раскрыла глаза и прошептала формулу, отвращающую зло. Я сделал глубокий вдох. Потом поведал обо всем, начиная с утреннего визита сестер и энергичной разминки, последствия которой ощущал и сегодня. Описал, как прошел день, как меня отпустил Оккинг и, наконец, как я, заброшенный и измученный, добрался до дома.

По ее гладкой щеке, нарушив тщательно наложенный румянец, медленно сползла слезинка. Несколько секунд Ясмин сидела молча, не в силах произнести ни слова.

— Теперь все позади. Я хочу потратить остаток полтинника на обед, а потом давай хорошенько прогуляемся.

— Ты, правда, думаешь, что все закончилось?

Я пожевал губу.

— Все, кроме дела с Никки. Хотел бы я знать, что означал этот телефонный звонок. Просто не могу понять, как она могла сбежать вот так, подставив меня из-за несчастных трех тысяч. Понимаешь, в Будайине никогда нельзя быть на сто процентов убежденным в верности друзей, но я в свое время вытащил эту девочку из пары очень неприятных ситуаций и думал, что такое она не забудет.

Ясмин еще шире раскрыла глаза и неожиданно рассмеялась. Я не понимал, что смешного можно найти в моем положении. Лицо еще выглядело ужасно — распухшее, покрытое кровоподтеками и синяками. Страшно болели ребра.

— Вчера утром я видела Никки, — произнесла Ясмин.

— Серьезно? — Тут я вспомнил, что Чирига встретила Никки около десяти часов, и та сказала, что пойдет искать Ясмин. Я не связывал этот визит к Чири с последовавшим исчезновением Никки.

— Она выглядела очень взвинченной и напуганной, — сказала Ясмин. — Сказала мне, что бросила работу и вынуждена уйти от Тами. Только не объяснила, почему. Сказала, что постоянно названивала тебе, но никто не отвечал.

— Ну конечно: когда Никки пыталась связаться со мной, я лежал на полу своей комнаты совершенно отключившись после избиения.

— Она дала мне этот конверт и просила обязательно передать тебе.

Я надеялся, что таинственное послание окажется письмом, где она сообщит свой нынешний адрес. Хотелось бы вернуть свои деньги. Я взял конверт, разорвал его. Внутри лежали три тысячи киамов и записка, написанная по-французски:

«Милый Марид, я так хотела сама отдать тебе деньги, много раз звонила тебе, но никто не отвечал. Оставляю письмо у Ясмин, но если ты так и не получишь его, то никогда не узнаешь об этом и навеки меня возненавидишь. Не знаю, когда мы снова встретимся... Сейчас я в таком смятении, все так переменилось!

Я буду жить с одним старинным другом нашей семьи, богатым коммерсантом из Германии: помню он всегда приносил мне подарки, когда я еще был застенчивым, погруженным в себя маленьким мальчиком. Теперь, после того как я стала... в общем тем кем я стала, немец обнаружил еще большую склонность к дорогим подаркам. Мне он всегда был симпатичен, Марид, хотя я не смогу полюбить его Но жить у такого человека неизмеримо приятнее чем терпеть общество Тамико.

Этого джентльмена зовут герр Люц Сейполт. Он владелец великолепного дома на краю города; попроси водителя отвезти тебя (мне пришлось списать это) к Байт ил-Симсаар ил-Альмаани Сейполт, и он доставит тебя к нашей вилле.

Передай мою любовь Ясмин и всем остальным. Когда выдастся возможность, я навещу наш квартал, но думаю, сначала какое-то время буду играть роль хозяйки имения. Уверена, что ты наверняка поймешь меня, Марид: в конце концов, бизнес есть бизнес, муш хайк? (а ты, могу поспорить на что хочешь, вообразил, что я так и не выучила ни слова по-арабски!).

С любовью и благодарностью, Никки».

Я вздохнул и протянул письмо Ясмин. Вспомнив, что она не понимает по-французски, перевел послание.

— Надеюсь, девочка будет там счастлива, — произнесла она, когда я сложил бумагу.

— Быть игрушкой какого-то тупого немецкого денежного мешка? Никки?! Ей требуется свободная, бурная жизнь не меньше, чем мне и тебе. Она вернется. Просто сейчас, очевидно, в ее шоу новая сценка.

Ясмин улыбнулась.

— Согласна, Никки вернется, но только когда она сама решит, что настало подходящее время. Эта девочка заставит престарелого немца заплатить за каждую минуту совместной жизни!

Мы оба рассмеялись, а потом официант принес выпивку для Ясмин, и мы заказали обед.

Завершив этот маленький пир, мы лениво болтали, потягивая шампанское.

Я чувствовал себя так, словно заново переживал миг первой встречи.

Мы смотрели в глаза друг другу, вдыхали сладковатый аромат оливковых деревьев, слушали, как заливаются соловьи, щебечут дрозды. Казалось, так будет вечно... но неожиданно я вспомнил, что меня ждет Абдулла. Нельзя забывать о подобных вещах: арабы говорят, что одна ошибка умного человека равна ошибкам тысячи глупцов.

Я рассчитался с Ахмадом. Был теплый, приятный вечер; предстояла замечательная ночь. Я встал, расправил плечи.

— Пойдем, разыщем Абдуллу.

Смазливый мальчишка-американец все еще восседал на табуретке, уставившись куда-то в пространство. Интересно, он способен мыслить или это некое электронное приспособление, пробуждающееся к жизни, когда слышит шаги или шуршание киамов? Мальчик поднял глаза на нас, улыбнулся и проворковал что-то по-английски. Конечно, можно предположить, что большинство завсегдатаев магазина Хассана свободно изъясняется на этом языке, но я сильно сомневаюсь. Здешнее заведение не предназначалось для туристов; тут хранились не совсем обычные сувениры... Мальчик, должно быть, чувствовал себя совсем беспомощным: ни слова по-арабски, нет даже языковой училки. Конечно, это еще больше ставило его в зависимость от хозяина, то есть от Хассана.

Я знаю несколько элементарных английских фраз, если бы мальчик говорил медленно, смог бы разобрать пару слов. Я способен сказать: «Как найти

туалет?», «Биг-мак, пожалуйста» и «Пошел к черту». Я уставился на американца, тот уставился на меня. Потом по его лицу медленно расползлась улыбка. По-моему, я ему нравился.

— Где Абдулла? — спросил я по-английски.

Парнишка моргнул и прощебетал что-то совершенно непонятное. Я помотал головой, показывая, что ничего не разобрал. Абдул-Хассан горестно опустил плечи. Он попробовал объясниться по-испански, но я снова покачал головой.

— Где сахиб Хассан? — произнес я.

Мальчик ухмыльнулся и отстучал новую порцию резких отрывистых слов, но на этот раз догадался показать пальцем на занавес. Замечательно: наконец-то мы поняли друг друга!

— Щукран, — поблагодарил я его и вместе с Ясмин направился в конец магазина.

— You're welcome, — неожиданно отозвался мальчик.

Я поразился: Абдул-Хассан уже знал, как будет по-арабски «спасибо», но что сказать в ответ, не выучил... В одну скверную ночь лейтенант Оккинг наткнется на его тело где-нибудь в глухом переулке. Или, принимая во внимание мое особое везение, найду его я.

Хассан был в помещении склада. Он проверял количество коробок, сверяясь со счетом. На коробках стоял адрес магазина по-арабски, но другие надписи были сделаны на каком-то европейском языке. Внутри могло храниться все, что угодно — от электрических пистолетов до засушенных человеческих голов. Хассана совершенно не заботило, что именно он покупает и продает, коль скоро это приносит доход. Он мог служить идеальным примером умелого торговца.

Шиит услышал шелест раздвигаемого занавеса и приветствовал меня, словно блудного сына. После отеческих объятий он заботливо спросил:

— Сегодня ты чувствуешь себя лучше?

— Да, хвала Аллаху.

Он переводил взгляд с Ясмин на меня. По-моему, Шиит узнал в ней танцовщицу из бара. Я решил, что не стоит представлять ее Хассану. В принципе это нарушение этикета, но при определенных обстоятельствах такое допускается. Хассан протянул руку.

— Прошу, выпей чашку кофе вместе со мной!

— Пусть стол твой будет вечно обильным, Хассан, но мы только что пообедали, а я хочу побыстрее найти Абдуллу. Если помнишь, за мной числится долг.

Хассан сдвинул брови.

— Да-да, верно. Милый Марид, проницательный друг мой, я не видел Абдуллу уже несколько часов. Думаю, он предается развлечениям в другом месте.

Неодобрительный тон Шиита показывал, что эти развлечения входят в число запретных для мусульман.

— Однако деньги у меня с собой, и я желал бы выполнить свои обязательства.

Хассан сделал вид, что погрузился в размышления о том, как помочь мне. Наконец Шиит произнес:

— Ты, конечно, знаешь, что часть денег должна быть передана мне.

— Да, о мудрейший.

— Тогда можешь оставить у меня всю сумму, а я как только увижу Абдуллу, отдам ему то, что причитается.

— Отличное предложение, о мой дядюшка, но я хотел бы получить от Абдуллы расписку. В тебе никто не смеет усомниться, но, в отличие от нас с тобой, Абдулла и я не связаны узами любви.

Хассану это не очень-то понравилось, но он не стал возражать.

— Думаю, ты найдешь Абдуллу вон за той стальной дверью.

Шиит повернулся ко мне спиной и продолжил работу. Даже не глядя на нас, он произнес:

— Твоя спутница должна остаться здесь.

Я вопросительно посмотрел на Ясмин; она пожала плечами. Я быстро прошел помещение склада, пересек проулок и постучал в стальную дверь. Несколько секунд пришлось подождать, пока мою личность разглядывали из потайного отверстия, убеждаясь в том, что я свой. Наконец дверь распахнулась. Передо мной возник высокий, тощий, как скелет, бородатый старик по имени Карим.

— Что тебе нужно здесь? — спросил он ворчливо.

— Спокойствие, о шейх. Я пришел отдать долг Абдулле абу-Зайду.

Дверь захлопнулась прямо перед носом. Спустя некоторое время ее открыл Абдулла.

— Давай скорее. Мне как раз нужны деньги.

За его спиной я смог разглядеть несколько человек, увлеченных какой-то азартной игрой.

— Я принес все, что должен, Абдулла, — сказал я, — но ты обязан выдать расписку в получении долга. Не хочу, чтобы ты потом говорил, что я так и не заплатил.

Он разъярился.

— Ты смеешь воображать, что я могу так поступить?

Я в ответ обжег его взглядом.

— Расписка. Потом деньги.

Абдулла пару раз обругал меня, потом нырнул в комнату, торопливо нацарапал расписку и показал мне.

— Давай полторы тысячи киамов, — прорычал он.

— Позови сюда Карима. Эй, Карим! — Когда к двери снова подошел седобородый старик, я сказал ему: — Сейчас я передам тебе деньги, Карим, а Абдулла бумажку, которую сжимает в руке. Ему отдашь деньги, мне — бумагу, хорошо?

Карим заколебался, словно такая операция казалась ему немыслимо сложной. Потом медленно кивнул. Обмен произошел в полной тишине. Я повернулся и, не говоря ни слова, зашагал к магазину Шиита.

— Сын шлюхи! — выкрикнул Абдулла мне вслед.

Я улыбнулся. Вообще-то, у мусульман такое считается страшным оскорблением, но, поскольку увы сказанное было истиной, меня это по-настоящему не задевало. И все же из-за Ясмин и нежелания нарушать приятные планы на вечер я позволил Абдулле перейти предел оскорблений. Обычно такое не проходит безнаказанно. Я твердо пообещал себе, что скоро и этот долг будет ликвидирован. У нас в Будайине очень вредно для здоровья заработать репутацию человека, покорно терпящего оскорбления.

Проходя мимо Хассана, я сказал:

— Ты можешь забрать свою долю у Абдуллы. Советую поторопиться, потому что сегодня ему, кажется, крупно не везет в игре.

Шиит кивнул, но промолчал.

— Я рада, что это дело закрыто, — сказала Ясмин.

— Ну не больше меня, наверное.

Я аккуратно сложил расписку и сунул ее в карман джинсов.

— А не пора ли нам вернуться в наше гнездышко и провести остаток вечера в более непринужденной обстановке?

— Согласна, мой господин! — Глаза Ясмин лукаво блеснули.

Вечер и ночь и впрямь удались на славу...

6.

Но бывает ли долгим счастье? Наш безмятежный утренний сон прервал грубый стук в дверь.

— Ну вот, утренний сюрприз, — пробормотал я. Что-то уж слишком много гостей в последнее время стучатся в келью затворника.

Я посмотрел в дверной глазок, и благодушное настроение сразу испарилось.

— Ах ты черт, — выдохнул я и вернулся к кровати. — Ясмин, — вполголоса произнес я, — дай сумочку.

— Зачем тебе? И кого ты там увидел? — Она протянула мне сумочку.

Я знал, что Ясмин всегда носит с собой парализатор. Мне самому оружие казалось ненужным: один, вооружившись лишь своим природным интеллектом, я работал среди головорезов в самом опасном квартале города, потому что считал себя особенным. Да, я был гордым, как горный козел, и глупым, как ишак. Понимаете, меня все еще грели разные иллюзии, я жил в придуманном романтическом мире. Конечно, я вел себя не более эксцентрично, чем обычный средний... буйный идиот. Итак, я взял парализатор и возвратился к двери. Встревоженная Ясмин молча наблюдала за моими перемещениями.

Я открыл дверь и нацелил парализатор прямо между глаз одной из сестричек, Селиме.

— Как приятно снова тебя увидеть, — произнес я злорадно. — Входи, входи, мне не терпится расспросить тебя об одном деле.

— Тебе не понадобится оружие, Марид, — сказала Селима.

Она шагнула вперед, не обращая внимания на парализатор, протиснулась мимо меня в комнату, растерянно посмотрела на Ясмин и обвела глазами комнату в безнадежной попытке найти место, чтобы присесть. «Черная Вдова» вела себя, как потерянный ребенок.

— Что, сестричка, — произнес я безжалостно, — хочешь напоследок отколошматить кого-нибудь, пока тебя самою не располосовали, как Тами?

Селима обожгла меня взглядом, размахнулась и отвесила пощечину. В принципе я это заслужил.

— Садись на кровать, Селима, Ясмин немного подвинется. Что касается оружия, оно бы очень пригодилось, когда ты со своими подружками забежала ко мне позавчера утром и очень сильно взбодрила. Или ты уже забыла, а?

— Марид, — произнесла она, нервно облизывая багрово-красные губы, — мне очень жаль, что так получилось. Это была ошибка.

— Ну понятно, стало быть, все в порядке, так ведь?

Ясмин торопливо прикрылась простыней и старалась отползти от Селимы как можно дальше.

Тамико превратила себя в нелепую карикатуру на скромную и сдержанную гейшу; Деви довела до гротеска образ уроженки Восточной Индии, включая даже кружочек на лбу, указывавший на касту, к которой она на самом деле не принадлежала; Селима прятала лицо под легким покрывалом, носила накидку с капюшоном, употребляла духи с нежным ароматом и в целом вела себя как мусульманская женщина-горожанка, принадлежащая к среднему классу. По-моему, она действительно была религиозна. Правда, не могу представить, как Селима умудрялась совмещать воровство и частые акты насилия с учением Пророка, да будут с ним мир и молитвы каждого!

— Пожалуйста, Марид, дай мне объяснить.

Никогда не видел Селиму — или ее сестер — в подобном, почти паническом, состоянии.

— Ты знаешь, что Никки ушла от Тами?

Я кивнул.

— Думаю, она сделала это не по своей воле. Ее заставили.

— У меня другие сведения. Она написала мі письмо. Там говорилось о некоем немце и о то какой замечательной жизнью она теперь заживет

— Мы все получили одинаковые письма, Мари, Но неужели тебе ничего не показалось подозрител ным? Возможно, ты не знаешь почерк Никки та как я; возможно, не обратил внимания на необыч ный набор слов. В письме рассыпаны намеки которые убедили нас, что она пыталась сообщит что-то между строк. Думаю, когда Никки сочинял его, кто-то стоял рядом. Наша девочка не был левшой, а письмо написано левой рукой, и почер ужасный, совсем не похож на тот, что я видел раньше. Записки были на французском, хотя он отлично знает, что мы ни слова не поймем. Никк объяснялась по-английски, а Деви и Тами сумели б прочитать письма без переводчика. Никки раньш никогда не упоминала этого самого старинног друга семьи; конечно, такой человек мог и вправд существовать, но вот фраза Никки насчет «застенчивого маленького мальчика» подтвердила все подозрения. Наша девочка много рассказывала своей жизни до перемены пола. Никки, в общем избегала касаться деталей — ну, скажем, откуда он родом на самом деле и так далее, — но много ра со смехом вспоминала, каким жутким хулиганом этот «застенчивый мальчик» был. Марид, письмо — явная липа от начала до конца!

Я опустил руку, державшую парализатор. Все, что сейчас сказала Селима, казалось вполне логичным

— Вот почему ты ко мне пришла, — произнес задумчиво. — Считаешь, что Никки грозит опасность?

— Да, считаю, — ответила Селима, — но напуган не этим. Марид, Деви мертва! Ее убили.

Я закрыл глаза и застонал; Ясмин громко охнул и пробормотала ритуальную формулу, «далеко от тебя», чтобы защитить нас всех от зла, которо только что упомянули. Я чувствовал себя разбитым и подавленным, словно принял слишком большую дозу жутких известий, и организм оказался не способен справиться с перегрузкой.

— Не говори, я сейчас догадаюсь сам. С ней разделались так же, как с Тами. Следы от ожогов содранная кожа и кровоподтеки вокруг запястий; ее задушили и перерезали горло. Думаешь, что кто-то решил убить вас всех, и ты будешь следующей жертвой. Правильно?

— Нет, неправильно, — с удивлением услышал я — Я нашла ее лежащей в постели; все выглядело так словно Деви безмятежно спала... Ее застрелили Марид, из старинного пистолета, который убивает при помощи маленьких кусочков металла. Пуля попала прямо в кастовую метку на лбу. Никаких признаков насилия, в комнате ничего не тронуто Все, как обычно, только Деви, у которой отстрелено пол-лица, и кровь на кровати и стене... Господи, сколько крови! Меня стошнило. Никогда не видела ничего подобного. Это старое оружие действует так примитивно жестоко, так... грубо!

Удивительно слышать подобное от женщины, располосовавшей на своем веку немало физиономий несчастных жертв.

Селима явно ничего не слышала о русском (забыл его имя); неудивительно, ведь в Будайине насильственная смерть обычно не вызывает особой сенсации.

— Ты уже позвонила Оккингу? — спросил я.

Селима кивнула.

— Тогда было не его дежурство. Приехал сержант Хаджар и допросил меня. Жаль, что так получилось.

Я хорошо понимал ее. Хаджар представлял из себя классический тип легавого; именно такая кар-

тинка возникает в моем воображении, когда я думаю об этой проклятой породе.

Я положил парализатор в сумочку Ясмин. Мое настроение полностью изменилось: впервые в жизни я сочувствовал «Черной Вдове». Ясмин положила ей руку на плечо, чтобы как-то ободрить.

— Пойду принесу кофе, — сказал я, взглянув на последнюю из сестер.

Я поставил кипятиться воду.

— Ладно, теперь объясни мне, почему вы, трое, позавчера так хорошо меня отделали?

— Да простит меня Аллах! — произнесла Селима. Она вынула из сумочки сложенный клочок бумаги и протянула его мне. — Это обычный почерк Никки, но по всему видно, она страшно спешила.

Послание было нацарапано по-английски на обратной стороне конверта.

— Что там написано? — спросил я.

Селима бросила на меня взгляд и быстро опустила глаза.

— «На помощь. Быстрес. Марид». Мы решили, что ты виновен в происходящем. Теперь я знаю, что ты помог ей, договорившись с этой скотиной Абдуллой, и она задолжала тебе деньги. Наша девочка хотела передать через нас, что она нуждается в помощи, но времени хватило только на несколько слов.

Я посмотрел на Селиму.

— Ладно, забудем об этом.

Нашу гостью никак не тронуло мое великодушие и благородство. Сначала было немного обидно — могла бы хоть как-то показать, что ценит подобный жест, — но потом я вспомнил, что имею дело с «Черной Вдовой».

— Не все проблемы решены, Марид, — напомнила Селима. — Я все еще тревожусь за Никки.

— Но в принципе то, что написано в письме, вполне может оказаться правдой, — сказал я, разливая кофе. — А улики, о которых ты говорила, объясняются вполне невинными причинами.

На самом деле я не верил в это. Просто хотел немного успокоить Селиму.

Она взяла свою чашку и сжала ее в ладонях.

— Не знаю, что теперь делать.

— Возможно, какой-то сдвинутый тип решил всех вас укокошить, — предположила Ясмин, — так что лучше тебе на время спрятаться.

— Я думала об этом, — отозвалась Селима.

Теория Ясмин казалась мне не очень убедительной. Тамико и Деви убиты совершенно разными способами. Конечно, здесь мог орудовать убийца, наделенный творческим воображением; несмотря на старые полицейские изречения насчет «неповторимого почерка», я не понимал, что запрещает маньяку разнообразить методы. Но свои соображения я оставил при себе.

— Ты можешь пожить в моей квартире, — предложила Ясмин, — а я переберусь к Мариду.

Селима и я были одинаково ошарашены таким предложением.

— Спасибо, ты очень добра, — ответила Селима, — я подумаю об этом, моя дорогая, но сначала хочу попробовать пару других вещей. Марид, я дам тебе знать.

— С тобой ничего не случится, если будешь все время настороже, — успокоил я. — Несколько дней не занимайся своей работой, не связывайся с незнакомыми людьми...

Селима кивнула.

— Я должна идти. Надеюсь, теперь между нами не осталось никаких обид.

— Сейчас у тебя есть заботы посерьезнее, Селима. Мы никогда не были в особо дружеских отношениях. Кто знает, возможно, эти страшные события в конце концов немного сблизят нас.

— Слишком высокую цену пришлось заплатить, — ответила Селима.

Да, это точно. Она хотела что-то добавить, но передумала, повернулась и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Одно из двух, — задумчиво пробормотала Ясмин, — либо где-то бродит один совершенно сдвинутый ублюдок, либо, что еще хуже, два разных поганца убивают людей почти одновременно. Знаешь, как-то страшно идти на работу.

Я сел рядом и погладил благоухающие духами волосы.

— Знаешь, оставайся здесь со мной, вместо того чтобы в одиночку добираться до дому. У меня хватит денег, чтобы какое-то время содержать нас двоих. А на работе тебе бояться нечего.

Она обняла меня и положила голову на плечо.

— Ты парень что надо.

— Да и ты сама ничего, когда не храпишь, как ифрит,* — ответил я.

В наказание Ясмин провела своими длинными кроваво-красными ногтями по моей спине. Потом мы плюхнулись на подушки и порезвились еще полчасика.

Я вытащил Ясмин из постели примерно в полтретьего, заставил немного перекусить в промежутке между душем и одеванием и чуть ли не силой вытолкал из дому, чтобы опять не оштрафовали за опоздание.

Ясмин спросила, что я собираюсь делать этим вечером. Она немного завидовала, потому что я уже заработал достаточно хрустиков, чтобы протянуть несколько недель, и теперь мог позволить себе целыми днями сидеть в какой-нибудь кофейне, болтая о том о сем, обмениваясь сплетнями с дружками других танцовщиц и девочек. Я заверил Ясмин, что тоже займусь делом.

— Хочу выяснить, что за история произошла с Никки.

Дверь закрылась, и я снова остался один. Совсем один... Это слово сегодня звучало как-то неприятно; наступившая тишина не радовала. Кажется, я предпочел бы шумную толпу и суету вокруг.

Когда «Черная Вдова» рассказывала нам свою историю, я вспомнил загадочный звонок, неожиданно кем-то прерванный, задыхающийся голос: «Марид? Ты должен...»

Я облачился в белую джеллабу, надел белоснежную кафию**, сунул ноги в сандалии. Теперь я выглядел как типичный неотесанный феллах, приехавший в город из деревни, здесь таких великое множество. Думаю, подобным образом я одевался всего раз десять за все годы жизни в Будайине. Всегда предпочитал европейский стиль, и в юности, в Алжире, и потом, когда отправился на Восток. Сейчас я не походил на алжирца: надо было, чтобы меня принимали за здешнего крестьянина-феллаха. Неплохо, разве что рыжеватая борода портила впечатление, но вряд ли немцу это что-то скажет. Выходя из дома, пробираясь к воротам по Улице, я ни разу не обратил на себя внимание знакомых, ни один меня не окликнул — никто не мог себе представить Марида Одрана в таком одеянии. Я ощущал себя невидимкой, а это создает иллюзию силы и власти над окружающими.

Пройдя два квартала по направлению к мечети

* *Ифрит — согласно мусульманским поверьям — чудовищный злой дух.*

** *Джеллаба — просторное длинное одеяние, которое носят кочевники-бедуины, крестьяне, иногда — городские жители. Кафия — традиционный арабский головной убор.*

Шимаал, к северу от Восточных ворот, я увидел Билла. Так и знал, что найду его рядом с огороженной частью города, сидящего за рулем своего такси и, как всегда, озирающего прохожих с любопытством и холодным страхом во взгляде. Билл — парень почти моего роста, но более мускулистый. Его плечи сплошь испещрены зелено-голубой татуировкой, такой старой, что линии расплылись и разглядеть рисунок трудно, я не могу сказать даже, что там изображено. Он не брился, не стриг свои волосы песочного цвета уже много лет и выглядел словно какой-нибудь иудейский патриарх. Кожа в тех местах, где Билл подставлял ее солнцу, пока раскатывал по городу, загорела до ярко-красного цвета, словно рыба в горшке. На огненно-алом лице, как две лампочки, сверкали бледно-голубые глаза, с маниакальной настойчивостью буравящие взглядом собеседника, так что я обычно не выдерживал и отворачивался. Конечно, Билл был законченным психом, но свое безумие он создал сам так же тщательно и продуманно, как, скажем, Ясмин перед пластической операцией подобрала высокие скулы, придающие ей такой сексуальный вид.

Я познакомился с Биллом, когда впервые приехал в город. Он уже успел научиться жить среди изгоев, различных человеческих отбросов и трущобных головорезов Будайина и помог мне вписаться в это сомнительное общество. Билл родился в Соединенных Штатах Америки — да-да, лет ему было порядочно — в области, ныне ставшей Суверенным Краем Великих Пустынь. Когда произошла «балканизация» США и страна распалась на несколько враждующих регионов, Билл навеки покинул свою родину. Не представляю, как он умудрился продержаться, пока не научился здешнему образу жизни; Билл сам не помнит этого. Каким-то немыслимым образом он наскреб денег на одну-единственную модификацию своего тела. Вместо того чтобы вделать розетку в мозг, как поступили многие потерянные души нашего квартала, Билл выбрал гораздо более изощренный и пугающий способ получить забвение: ему удалили одно легкое, заменив искусственной железой, периодически выпускающей в кровь порцию какого-то психоделического наркотика четвертого поколения. Билл не мог сказать, какой именно препарат он выбрал, но, судя по его бессвязно-напыщенной манере выражаться и интенсивности галлюцинаций, это был рибопропилметионин, либо аксетилированный неокортицин.

Билл жил в призрачном мире нескончаемой галлюцинации. Помню, как-то раз я попробовал одно несравнимо менее сильное психоделическое средство и чуть не загнулся от дикого страха, что «не смогу вернуться»: довольно обычный глюк, пытка, которой подвергает человека собственное сознание. Чувствуешь, что на этот раз не будет привычного кайфа, сегодня ты наконец доигрался и капитально сломал что-то в башке; сжимаешься в дрожащий комок, не сознавая ничего, кроме страха, пытаясь спрятаться от темных грез, поднявшихся из глубины твоего «я». Но в конце концов глюк проходит, действие наркотика заканчивается, ты попросту забываешь, как плохо было в тот раз, и делаешь это снова: может быть, во второй раз тебе улыбнется судьба...

Но для Билла улыбка судьбы ровным счетом ничего не значила. Ему уже не суждено «вернуться». И когда накатывали моменты абсолютного, непереносимого ужаса, он ничего не мог сделать, не мог даже сказать себе, что нужно только продержаться, а утром все пройдет, и он снова почувствует себя нормально. Что ж, именно этого он и хотел. Что касается неминуемой смерти, вызванной «сожжением» нервной системы, Билл только пожимал плечами.

— Так ведь когда-нибудь все равно умрем, так ведь, старик?

— Да, — отозвался я, опасливо прижимаясь к спинке заднего сиденья такси, мчащегося с бешеной скоростью по узким петляющим улочкам.

Мне не хотелось продолжать обсуждение этой темы. Билл довез меня до логова Сейполта.

Дом Сейполта был расположен довольно далеко от центра, на южной окраине города. Здесь можно уже разглядеть границу, за которой простиралось вечное царство песков, где гигантские дюны терпеливо ждали часа, когда люди немного расслабятся и забудут о них, и тогда пески похоронят всех нас, словно под грудами пепла или слоями пыли.

Сейполт следил, чтобы в его владениях поддерживался должный порядок, а наступление песков было остановлено. Виллу окружали финиковые пальмы и сады, потому что в этом негостеприимном, мало пригодном для жизни месте человек создал систему искусственного орошения. Крошечный оазис оделся зеленью и цветами, ветерок доносил пьянящее пряное благоухание. Железные ворота периодически чинили, регулярно смазывали, они сверкали свежей краской; белоснежные стены здания сияли, словно дом только что построили; длинные, изогнутые подъездные пути были разровнены и расчищены. Грандиозное место, резиденция миллионера. Надежное убежище от песчаного моря, от вечного мрака, терпеливо ждущего, когда придет его час.

Я попросил Билла подождать и пристально следил за ним, пока не убедился, что одна из еще функционирующих клеток мозга удержала информацию. Потом вышел из такси и направился через ворота по усыпанной белой галькой подъездной дороге к парадному входу. Я давно знал, что Никки психопатка, а Билл полностью чокнутый, но сейчас с каждым шагом во мне крепла уверенность, что и сам я тоже свихнулся.

Массивная дверь внушала почтение. Она была сделана из какого-то белого дерева, с гигантскими шарнирами и железной решеткой. До того как я успел дотронуться до медного молотка, дверь распахнулась. Сверху вниз на меня смотрел высокий светловолосый европеец. Голубые глаза, как у Билла (в отличие от безумного взора американца взгляд, которым меня окинул этот человек, принято называть «пронизывающим», и, клянусь бородой Пророка, я почувствовал себя пронзенным!); тонкий прямой нос с раздувающимися, как у жеребца, ноздрями, квадратная челюсть и тонкогубый рот, который, казалось, с рождения искажала гримаса едва сдерживаемого брезгливого отвращения. Европеец произнес какую-то фразу на языке «истинных арийцев».

Я покачал головой и сказал: «Анаа ля'афхам», — ухмыляясь как тупой арабский крестьянин, за которого он явно меня принял.

Тогда он ткнул пальцем в мою грудь и что-то пробормотал, очевидно: «Жди здесь». Я растянул рот до ушей, прикоснулся к сердцу и лбу и вознес хвалу Аллаху не менее четырех раз.

Через минуту блондин вернулся с пожилым арабом-слугой. Они коротко переговорили о чем-то, затем старик повернулся ко мне, улыбнулся и приветствовал.

— Мир тебе!

— И тебе мир! — отозвался я. — О мой добрый сосед, скажи, этот человек рядом с тобой — известный своими достоинствами, почтенный Луц Сейполт-паша?

Старик коротко рассмеялся.

— Ты ошибся, о мой племянник. Он всего лишь привратник, такой же слуга, как и я.

Я сильно сомневался в их равном положении. Блондин явно принадлежал к свите Сейполта, вывезенной из Германии.

— Клянусь честью, я глупец! — воскликнул я. — Я приехал, чтобы задать важный вопрос Его Превосходительству.

Арабские правила приветствия допускают сложную многоступенчатую лесть. Сейполт занимался каким-то не очень крупным бизнесом; я уже успел назвать его пашой (архаичный титул, используемый для восхвалений и приветствий) и Превосходительством (словно он был послом). Старый иссохший араб-слуга хорошо понял, чего я хочу. Он повернулся к немцу и перевел наш разговор.

Блондин, которого звали Рейнхарт, заколебался, но все же согласился проводить меня в покои хозяина.

Рейнхарт не удостоил меня ни словом, ни взглядом, он просто шел впереди, а я следовал за ним. Мы добрались до еще одной массивной двери, сделанной из прекрасного темного дерева. Блондин постучал; раздался резкий грубый голос, привратник ответил. После небольшой паузы прозвучал приказ, Рейнхарт повернул ручку, приоткрыл дверь всего на несколько миллиметров и удалился. Я вошел в комнату, вновь преобразившись в «тупого араба», сложил ладони и несколько раз поклонился, приветствуя большого белого пашу.

— Я имею честь разговаривать с Его Превосходительством? — спросил я по-арабски.

«Его Превосходительство» оказался грузным лысым человеком с тяжелыми чертами лица; я дал бы ему лет шестьдесят. В гладкий череп, блестящий от пота, воткнуты модик и две-три училки. Он сидел за усыпанным бумагами столом, сжимая в одной руке телефон, в другой — большой, сверкающий голубоватой сталью, игломет.

Сейполт улыбнулся.

— Окажи мне честь, пожалуйста, подойди поближе, — произнес он на безупречном арабском: очевидно, за него старалась языковая училка.

Я снова поклонился; надо было срочно что-то придумать, но мозг словно отключился. Вид игломета, направленного в лоб, не способствует сообразительности.

— О почтенный, известный своими достоинствами господин мой, — начал я, — молю, прости меня за то, что отвлек от важных дел...

— Оставь всю эту шелуху. Зачем пришел? Ты знаешь, кто я. Тебе известно, что мое время дорого стоит.

Я вытащил из сумки записку Никки и протянул ее Сейполту.

Немец внимательно прочитал ее, потом опустил телефон, но, к сожалению, не игломет.

— Значит, ты Марид? — Он перестал улыбаться.

— Так меня назвала мама, — ответил я.

— Не надо играть в умника. Садись вот сюда. — Он махнул рукой, держащей оружие, в сторону стула. — Я кое-что слышал о тебе.

— От Никки?

Сейполт покачал головой.

— От разных людей в городе. Знаешь, как арабы обожают сплетничать.

Я улыбнулся.

— Ну, радоваться тут особенно нечему, сынок. Теперь скажи мне, что дает тебе повод предполагать, будто Никки, кем бы она ни была, находится здесь? Это письмо?

— Я решил, что логично начать поиски с вашего дома. Если ее здесь нет, почему вы играете такую важную роль в планах Никки?

Сейполт, казалось, искренне недоумевал.

— Не имею ни малейшего представления. Я говорю правду, Марид. Никогда не слышал о твоей Никки, и она меня нисколько не интересует. Прислуга подтвердит: уже много лет меня вообще не интересуют женщины. Только бизнес. Тебе ясно?

Я кивнул.

— Думаю, вы не позволите мне осмотреть ваш прекрасный уютный дом? Я не помешаю вашей работе, буду тих, как тушканчик.

— Нет, — отрезал Сейполт. — Арабы — известные воришки.

Меня не так-то легко спровоцировать; я сделал вид, что ничего не случилось.

— Могу я получить свое письмо обратно?

Сейполт безразлично пожал плечами. Я подошел к столу, взял записку Никки и засунул ее обратно в сумку. Бросил взгляд на кипу документов.

— Импорт-экспорт?

Сейполт удивился.

— Да, — кратко ответил он и опустил глаза на стопку накладных.

— Что-нибудь конкретное, или, как обычно, всякая всячина?

— Какая тебе к черту разница, чем я за... — я подождал, пока он дойдет до середины своей гневной тирады, затем внезапно стукнул левой рукой по внутренней стороне его кисти, отбив в сторону дуло игломета, а правой хлестнул по пухлой белой физиономии. Потом сильнее сжал руку, держащую оружие. Мы безмолвно боролись какое-то время; Сейполт продолжал сидеть, я возвышался над ним.

Маленький садистик, сидящий в темном уголке моей души, начал наслаждаться ситуацией.

— Расскажи мне о Никки.

— Эта девка сюда никогда не приходила, я ни черта не знаю о ней, — сказал Сейполт.

Ему уже было по-настоящему больно.

— Пожалуйста, можешь приставить к виску пистолет, можешь драться со мной, с моими людьми, можешь обыскать дом. Но, черт тебя возьми, я не знаю никакой Никки! Если ты вбил себе в голову, что я вру, все равно не поверишь ни единому слову, что бы я ни сказал. Теперь проверим, умный ты или дурак.

— По меньшей мере еще четыре человека получили такое же письмо, — сказал я, размышляя вслух. — Двое уже стали трупами. Может быть, если мне не удастся найти здесь какие-нибудь улики, это сумеет сделать полиция?

— Отпусти руку, — произнес он ледяным тоном. Я разжал пальцы: зачем бесполезно напрягаться? — Давай, вызывай свою полицию! Пусть ищут. Пусть они тебя убедят. А когда они уйдут ни с чем, я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще появился здесь. Если сию же секунду не покинешь мой кабинет, второго шанса окончить дело мирно у тебя не будет. Понял?

— Спасибо вам за все, — произнес я тепло и дружелюбно. Затем снова превратился в тупого араба, потрясенного оказанной ему честью. — Я твой должник, о обладатель многих достоинств! Да будут твои дни счастливыми, да проснешься ты завтра сильным и здоровым!

Сейполт пронзил меня полным ненависти взглядом. Я пятясь стал отступать к двери — не из-за боязни нападения, а просто утрируя традиционную манеру учтивого прощания, чтобы поиздеваться над ним. Я добрался до двери, тихонько приоткрыл ее, и передо мной снова возник Рейнхарт. Я ухмыльнулся и приветствовал его глубоким поклоном; он подтолкнул меня к выходу. По пути я замешкался, чтобы полюбоваться содержимым шкафов, где красовались разные редкостные произведения искусст-

ва: ацтекские статуэтки, европейское стекло, русские иконы, фрагменты древнеегипетских и античных статуэток. Среди этого невероятного смешения стилей и эпох я заметил ничем не примечательное простенькое серебряное колечко с лазуритом. Когда Никки играла своими золотистыми прядями, оно было у нее на пальце...

На пороге я обернулся и начал произносить витиеватую формулу благодарности, но блондинчик не дал мне закончить: на сей раз этот арийский ублюдок с великим наслаждением захлопнул дверь так, что едва не расквасил мне нос. Я зашагал по гальке, погруженный в размышления, к такси Билла.

— Поехали домой.

По пути в Будайин я позвонил лейтенанту Оккингу и рассказал все о Сейполте и записке Никки. Помоему, информация не очень заинтересовала его.

— Сейполт — ноль без палочки, пустышка, — сказал Оккинг. — Богатая пустышка из Нового Рейха.

— Никки была очень напугана, Оккинг.

— Скорее всего, она наврала о том, куда хочет уйти. Уж не знаю, зачем это понадобилось твоей подруге. А когда все пошло не так, как она планировала, попыталась рассказать тебе правду. Ну а тот, с кем она связалась, прервал разговор. — Здесь Оккинг, наверное, пожал плечами. — Никки сделала большую глупость, Марид. Очевидно, ей пришлось плохо, но Сейполт тут ни при чем.

— Возможно, немец — действительно богатая пустышка, — сказал я мрачно, — но он умеет очень хорошо врать на допросе с пристрастием. Чтонибудь прорисовывается с убийством Деви? Как думаешь, оно связано со смертью Тамико?

— Скорее всего, никакой связи нет, дружок. «Сестры Черной Вдовы» просто принадлежат к типу людей, которых, как правило, убивают. Они напрашиваются на это, и рано или поздно ктонибудь решает их уважить.

— Какие улики ты нашел в квартире Деви?

Оккинг долго не отвечал. Потом спросил:

— У меня что, появился новый напарник? Не лезь в мои дела, понял?

Я сунул телефон в сумку и закрыл глаза. Поездка была долгой, пыльной и душной. Я бы добавил — тихой и комфортабельной, если бы не бесконечное бормотание Билла и предынфарктное состояние его такси. Я размышлял о Сейполте и Рейнхарте, Никки и сестрах, неизвестном убийце Деви, о маньяке, замучившем Тамико... Никакой логики, никакой связи.

Именно это пытался доказать мне только что Оккинг: события последних дней выглядят бессмысленными, потому что являются таковыми! Нельзя найти мотив для немотивированного убийства. Но человеческий мозг ищет всему объяснение. Он жаждет найти порядок во всем, и только сильнодействующее зелье типа РПМ или соннеина способно унять или, по крайней мере, немного отвлечь серые клетки.

Кстати, это отличная идея! Я вытащил свою коробочку с пилюльками и проглотил четыре «солнышка». Биллу я не стал предлагать: он заплатил за свое удовольствие вперед и не нуждался в дополнительных развлечениях.

Я велел безумному американцу остановить машину у Восточных ворот. Плата за проезд составляла тридцать киамов; я дал ему сорок. Билл долго не отрывал взгляда от денег, пока я сам не засунул хрустики в карман его куртки.

Мне нужно было еще кое-что выяснить, и я отправился в магазин на Четвертой улице, торгующий модиками. Хозяйкой модшопа была чудная, вечно дергающаяся старуха, которая в свое время одной из первых вставила в мозг розетку (думаю, хирурги промахнулись на миллиметр-другой). Лайла не могла говорить без нытья и хныканья, пожилая дама склоняла головку на бок и смотрела на собеседника, словно она малюсенькая улитка в саду, а он вот-вот на нее наступит.

— Лайла, — произнес я негромко.

Она оторвала глаза от накладных, но губы все еще беззвучно шевелились, а мозг, стимулируемый училкой, продолжал подсчитывать, проверять, перепроверять... Наконец она кивнула.

— Что ты знаешь о Джеймсе Бонде? — спросил я.

Она отложила свой микрокалькулятор и выключила его, потом разглядывала меня несколько секунд. При этом глаза Лайлы сначала расширились, затем превратились в узкие щелочки. Наконец она завопила:

— Марид!

— Что ты знаешь о Джеймсе Бонде?

— Видео, книги, эскапистская литература двадцатого века, где находила выход жажда силы и власти. Шпионы, суперагенты, приключения такого рода. Он был неотразим, ни одна женщина не могла устоять перед Бондом. Хочешь стать неотразимым, Марид? — призывно проскулила она.

— Спасибо, я пытаюсь достичь этого своими силами. Просто скажи мне, покупал кто-нибудь у тебя в последнее время модик Джеймса Бонда?

— Нет, могу сообщить совершенно точно. Я давненько не получала такого модика. Джеймс Бонд безнадежно устарел, Марид. Люди ищут чего-то новенького. Рыцарь плаща и кинжала не очень подходящая личность для развлечений. — Она умолкла. Губы снова стали беззвучно шевелиться, подсчитывая доходы и расходы.

Я вышел из модшопа Лайлы.

Человек, просто решивший устроить себе маленький праздник, понаделав парочку трупов, не использовал бы модик Бонда. Нет, личность агента «ноль-ноль-семь» чересчур характерна, у него слишком узкая «специализация». Джеймс Бонд не получал удовольствия от убийства. Психопат, решивший использовать личностный модуль, чтобы тот помог ему получать максимальное удовольствие от злодейств, выбрал бы кого-нибудь из доброй дюжины темных личностей, имевшихся в широкой продаже. Существовал также «черный рынок», на котором продавались самоделки: выложив приличную пачку хрустиков, можно раздобыть модик хоть Джека Потрошителя! Это были модули персонажей видео и книг, а также реальных личностей, записанные прямо с их мозгов или искусно реконструированные специалистами. Когда я думал об извращенцах, желающих стать обладателями нелегальных модиков, и целом подпольном бизнесе, паразитировавшем на них и выпускавшем из своих зловещих тайных лабораторий чарльзов мэнсонов, вампиров Носферату* или, скажем, гиммлеров, меня брала дрожь.

Уверен, тот, кто использовал модуль Бонда, сделал это совсем с другой целью, отлично зная, что особого удовольствия от его применения не получит. Нет, псевдо-Бонд вовсе не хотел испытать наслаждение, совершая убийство. Он не маньяк-извращенец, а скорее, хладнокровный исполнитель.

** Чарльз Мэнсон — глава преступной секты, объявивший себя новым мессией и толковавшим песни «Битлз» как откровения, подтверждающие его проповеди. По его приказу в 60-х годах в Голливуде была совершена серия зверских преступлений, в частности, убита жена режиссера Романа Полянского, звезда кино Шарон Тейт. «Носферату, вампир» — знаменитый немой фильм Мурнау, созданный в Германии, одна из первых экранизаций «Дракулы» Брэма Стокера.*

Смерть Деви — и, конечно, русского — это не дело рук какого-нибудь нового Потрошителя, безумца, наводящего ужас на обитателей трущоб и притонов. Оба преступления были заранее продуманными убийствами. Политическими убийствами.

Оккинг никогда не станет слушать подобные рассуждения без серьезных доказательств. Я и сам не до конца разобрался, что к чему. Какая связь может существовать между неким Богатыревым, мелким функционером небольшого слабого восточноевропейского царства, и Деви, одной из печально знаменитых в Будайине «Черных Вдов»? Их миры никак не пересекались.

Я нуждался в дополнительной информации, но не знал, где ее искать... Тут я очнулся от напряженных размышлений. Куда же я шел? Ну конечно, в квартиру Деви. Люди Оккинга, наверное, все еще прочесывают там каждый миллиметр в поисках следов. Всюду будут ограждения и надписи типа «Проход запрещен». Всюду расставлены...

Ни-че-го! Никаких ограждений, оцепления, вообще ни одного полицейского. Окно комнаты ярко освещено. Я подошел к зеленым ставням, закрывавшим смотровое окошко в двери. Теперь они были распахнуты; с того места, где я стоял, хорошо просматривалась комната Деви. Немолодой араб, стоя на четвереньках, красил стену. Мы приветствовали друг друга, и он пожелал узнать, не хочу ли я снять квартиру: через день-два ремонт закончится. Вот и все почести, которых посмертно удостоилась Девн, вот и все, что сделал Оккинг, чтобы найти убийцу. Квазииндусска, как и квази-японка, не стоили того, чтобы ради них ломали головы блюстители порядка.

Я подошел к зданию напротив жилища Деви, присел на верхнюю ступеньку и огляделся. На земле, прямо под ногами, справа от лестницы валялось несколько окурков. Я опустился на корточки и пригляделся. Вокруг фильтра каждого блестели три золотых ободка.

В книгах о Джеймсе Бонде говорилось, что он курил именно такие сигареты, сделанные специально по его заказу. Да, убийца хорошо вошел в образ: древний пистолет небольшого калибра, очевидно, вальтер ППК, особые сигареты... Я вспомнил, что агент «ноль-ноль-семь» держал свое курево в портсигаре из оружейной стали, куда вмещалось пятьдесят сигарет; интересно, сделал ли псевдо-Бонд такой же?

Я сунул окурки в сумку. Оккинг требует доказательств. Теперь они у меня имеются.

Пора расслабиться. Я направился к бару Френчи Бенуа, чтобы побыть немного среди тишины и покоя.

Каким же я был глупцом...

7.

Бисмиллях ар-Рахман ар-Рахим... Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. «Это пост в месяц рамадан, когда ниспослан был Коран, указание правой стези для людей и ясное доказательство сей стези, различающее истину и ложь. И кто из вас у себя дома в месяц рамадан, пусть постится в этот месяц. А если кто болея или в пути, то пусть постится несколько дней иных. Желает Аллах для вас облегчения, а не затруднения. Соблюдите полное количество дней и скажите «Аллах велик» за то, что он указал вам правую стезю. Может, будете вы благодарными».*

Это сто восемьдесят пятый аят «аль-Бакары», второй суры Благородного Корана. Посланец Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, указал нам блюсти пост в священный период рамадана, девятого лунного месяца по арабскому календарю, что является одним из пяти столпов веры. В течение всего месяца правоверным запрещается есть, пить и курить от зари до захода солнца. Полиция и религиозные лидеры строго следят за тем, чтобы люди — даже такие, как я, мягко говоря, пренебрегающие своими духовными обязанностями, — не смели нарушать запрет. Ночные клубы и бары закрываются на день вместе с кафе и ресторанами. Запрещено даже отпить глоток воды**, пока не наступит полночь. Когда же наконец на землю опускается темнота и приходит время дозволенной трапезы, мусульмане начинают пировать и веселиться. Атмосфера, царящая повсюду, такова, что даже добропорядочные жители других районов города, благоразумно избегающие заглядывать в наш квартал весь год, могут без опаски прийти в Будайин и расслабиться где-нибудь в уютном кафе.

Итак, в первую среду рамадана я сидел за столиком маленького кафе на Двенадцатой улице, носящего изящное название «Солас». Уже наступила ночь; я играл в карты с тремя парнями, опустошая маленькие чашки густого кофе без сахара и лакомясь кусочками пахлавы.

Мои приятели составляли довольно разношерстную компанию. Махмуд — ниже меня, но шире в плечах и бедрах — бывшая девушка. Сейчас Махмуд жил с настоящей фемой, промышляющей в баре Джо-Мамы.

Жак был марокканским христианином, убежденным приверженцем моногамии и противником переделывания человеческой природы; он твердо верил в то, что, будучи на три четверти европейцем (тем самым переплюнув меня на целого предка!), имеет право на особое отношение окружающих. Он не пользовался всеобщим уважением и любовью: каждый раз, когда намечались всякие празднования или вечеринки, Жак узнавал об этом с небольшим опозданием. Однако его всегда приглашали поучаствовать в карточных играх, потому что раз кто-то должен проигрывать, пусть это лучше будет гяур-христнанин.

Сайед Полу-Хадж — высокий, хорошо сложенный, довольно состоятельный парень, которому наплевать на любые запреты. Сайеда прозвали «Полу-Хаджем» неспроста. Он такой пустоголовый, что, приступая к какому-нибудь делу, обязательно забудет о нем, не дойдя и до середины, загоревшись парочкой других идей. Хадж — почетный титул, который человек получает, совершив поломничество в Мекку. Несколько лет назад Сайед действительно решил отправиться в Священный город, преодолел примерно полтысячи миль, но неожиданно повернул назад, ибо в голову ему вдруг пришла блестящая мысль о том, как провернуть беспроигрышную финансовую операцию; увы, суть ее он забыл по пути домой... Сайед немного старше меня, он щеголяет тщательно подстриженными усиками. Не могу понять, почему: никогда не считал такую вещь, как усы, большим достижением.

Все трое моих приятелей вставили себе розетки. Сайед нацепил модик и две училки. Он носил абстрактно-личностный модуль, который содержал запись не какой-то конкретной личности, а просто определенного человеческого типа. Сегодня Сайед решил побыть «крутым парнем» — сильным, немногословным, сдержанным и жестким. К счастью, ни одна из училок не наделила его умением играть в

** Перевод Б.Я.Шидфар.*

*** В Коране и других священных текстах содержатся многочисленные оговорки, облегчающие или даже позволяющие в отдельных случаях нарушать пост.*

карты как следует. Они с Жаком постепенно обогащали Махмуда и меня.

Членов этой колоритной компании бездельников я считал своими лучшими друзьями. Сколько времени мы приятно провели за картами, сколько дней (или, как сейчас, вечеров) просидели болтая, потягивая кофе за уютным столиком...

Большая часть выигрыша досталась мне, остальное — Махмуду. Жак отчаялся и был готов к тому, чтобы выйти из игры. Мне захотелось поесть более основательно, Полу-Хадж поддержал меня. Мы уже собрались оставить «Солас», чтобы подкрепиться где-нибудь в другом месте, но тут к нашему столику подлетел запыхавшийся Фуад. Это был кривоногий, нелепый отпрыск верблюда, которого люди называли (кроме массы других эпитетов) «Фуад иль-Манхус», то есть Фуад Вечный Неудачник. Я сразу почувствовал, что поход в ресторан придется отложить. Выражение лица иль-Манхуса подсказывало, что вместо разных яств нас ожидает небольшое приключение.

— Хвала Аллаху, что я застал всех вас здесь, — выдохнул он, жадно ощупывая каждого глазами.

— Иди с Богом, брат мой, — брюзгливо посоветовал Жак.

Фуад проигнорировал христианина.

— Мне нужна помощь, — сказал он жалобно. Пожалуй, даже жалобнее, чем обычно. Фуад периодически зарабатывал небольшие приключения на свою голову, но на сей раз казался по-настоящему расстроенным.

— Что стряслось, Фуад? — спросил я.

Он благодарно посмотрел на меня, словно потерявшийся ребенок, на которого обратили внимание.

— Одна черномазая дрянь стянула у меня тридцатку.

Я оглядел своих приятелей: Полу-Хадж красноречиво возвел очи горе; Махмуд ухмылялся, как сытая гиена; Жак, казалось, вот-вот потеряет терпение.

— Эти самые черномазые дряни, кажется, проделывают с тобой такое с завидной регулярностью, а, Фуад? — сказал Махмуд.

— Что случилось сегодня? — спросил Жак презрительно.

— Понимаешь, я был в «Красном фонаре» — я там работаю у Фатимы — и хозяйка велела принести еще пару бутылок Джонни Уокера, ну я и вернулся сказать Нассиру, и он выдал мне бутылки, и я принес их Фатиме, и она положила их под стойку. А потом я спросил: «Что мне теперь делать?», а она говорит: «Сядь, попей содовой», а я сказал: «Я просто посижу немного, хорошо?», и она ответила: «Хорошо»; и тогда я сел возле стойки и стал смотреть на людей, и тут подошла... подошла девушка и села рядом...

— Чернокожая девушка? — уточнил Полу-Хадж.

— Ага. Настоящая красотка. Она спросила: «Можно мне заказать что-нибудь выпить?», а я сказал, что денег у меня в обрез, и тогда она спросила: «Ну а сколько?» Я достал из кармана тридцать киамов, ни больше, ни меньше. И тогда она сказала, что, дескать, все в порядке, я не должен ничего покупать для нее. Я подумал, что она поступила очень порядочно. К тому же она все время норовила обнять меня, и я подумал, что здорово ей понравился. Угадайте-ка, что случилось потом?

— Она стянула деньги, — сказал Махмуд. — Девка заставила тебя вытащить и пересчитать хрустики, чтобы узнать, где ты их держишь.

— Я понял, что произошло, только когда решил заказать что-нибудь поесть, но было уже поздно. Ни гроша не осталось! Я сказал Фатиме, но она только рассмеялась, и тогда я пошел к той девушке — она назвалась Жоа и она здорово рассердилась, го рит: «Я в жизни ничего не крала!» Я сказал: «Н знаю, что ты это сделала», но она сердилась сильнее и сильнее, а потом вдруг вытащила сумочки бритву, и тогда Фатима ей сказала: «Ну- положи обратно, этот ишак того не стоит, нашл кем связываться!» Но Жоа все еще здорово серд лась и стала наступать на меня с этой бритвой, тогда я убежал оттуда и стал всюду разыскивать в ребята.

Жак прикрыл глаза в изнеможении и потер век

— Сейчас угадаю: ты хочешь, чтобы мы вытащ ли из нее твои тридцать киамов. Какого черта м обязаны это делать, Фуад?

Однако Полу-Хадж сегодня нацепил модик, пр вративший его в героя пустынных улиц, крутого неустрашимого, как шериф в вестернах. Он покр тил усы и продемонстрировал потрясенному Фуа ухмылку Одинокого Волка Сайеда.

— О'кей, парень, пошли. Покажешь мне эту Жо

— Ой, спасибо, спасибо тебе, Сайед! — Фу суетился вокруг своего защитника и по-собач заглядывал в глаза. — Я хочу сказать... понимаеш у меня не осталось ни гроша, она стянула все деньг все, что я накопил на...

— О Господи, хватит, заткнись, — рявкнул Жа Мы встали и последовали за Сайедом и Фуадом «Красному фонарю». Мне вовсе не хотелось влеза в такое дело, но ничего другого не оставалос Ненавижу обедать в одиночестве! Терпение: пото мы все вместе отправимся в кафе «Де ля Фи бланш и плотно перекусим. А пока я подкрепился паро «треугольников».

Я очень не хотел появляться в баре, потому чт плохо ладил и с Фатимой, и с Нассиром, и заше внутрь последним. Мы выбрали столик подальше о стойки. Хозяевам заведения, как и Чири, нравилс полумрак. Ноздри забивал резкий неприятный за пах пролитого пива. На сцене извивалась рыжево лосая девица с топорным лицом и миниатюрно фигуркой.

Ночь еще только начиналась, поэтому мы заказа ли по кружке пива, однако Полу-Хадж, подстрека емый своим лихим модиком, потребовал еще виски. Никто не потрудился спросить томящегос от жажды Фуада, хочет ли страдалец чего-нибуд выпить.

— Это она, вон там, — сообщил он очень громки шепотом, указывая на коротконогую, довольн простенькую шлюху, обрабатывающую клиента-европейца, облаченного в костюм.

— Но это не фема, — сказал Махмуд. — Фуад, эт транссексуал.

Сайед не подождал даже, пока принесут выпивку. Он поднялся и подошел к девице особой походкой супермена. Такая походка чем-то напоминает ритуальный танец, где каждое движение что-то сообщает зрителям. Полу-Хадж как бы говорил окружающим: «Никто никогда не сможет со мной справиться, потому что на самом деле я не Сайед, а Аттила, Неистовый Гунн, а вы, черви несчастные, лучше не попадайтесь под ноги, а то раздавлю!» Полу-Хадж завязал разговор с Жоа.

— Я в глаза не видела тридцатки этой макаки, — заявила Жоа.

— Деньги у нее, посмотрите в сумочке, они там! — скрипел Фуад.

— Там намного больше, чем тридцатка, несчастный ублюдок! — завопила девица. — Попробуй докажи, какие из них твои!

Страсти быстро накалялись. Полу-Хадж сообразил отослать Фуада к нашему столику, но Жоа погналась за злосчастным, пихая в спину и выкри-

кивая всяческие ругательства. Мне показалось, что Фуад вот-вот расплачется. Сайед попытался оттолкнуть Жоа, но она яростно набросилась на него.

— Вот придет мой парень, он тебе из задницы дуршлаг сделает!

Именно в этот ответственный момент в бар вошел сутенер Жоа.

— Приехали,— пробормотал я.

Жоа позвала его и быстро посвятила в суть конфликта.

— Эти ублюдки пытаются отнять мои деньги! — вскричала она.

Покровитель, здоровенный одноглазый араб по имени Тауфик, которого все звали Сонни, казалось, никого и ничего не слушал. Сильный толчок в плечо — и Полу-Хадж, пошатнувшись, отпрянул.

— Тот, кто пристает к моей девочке, может сильно порезаться, — произнес Сонни негромким, обманчиво мягким голосом.

— Твоя мерзкая, уродливая шлюха стянула тридцать киамов у моего друга, — парировал Сайед как бы лениво, в тон Сонни.

Махмуд, Жак и я схватили свои кружки с пивом и почти одновременно привстали, желая поскорее убраться подальше... Увы, слишком поздно... У Сонни на поясе был спрятан нож; он потянулся за оружием, но Сайед его опередил. Он с силой выбросил левую руку, нацелившись Сонни в челюсть, но тот увернулся. Полу-Хадж шагнул вперед, блокировал правую руку Сонни, немного пригнулся и всадил нож в своего противника.

Я услышал негромкий всхлип, булькающий, удивленный стон. Сайед рассек кожу на груди Сонни и перерезал какие-то крупные артерии. Кровь брызнула во все стороны; трудно поверить, что у одного человека может быть столько крови. Сонни шагнул влево, сделал два неуверенных шага вперед и рухнул на стол. Полу-Хадж медленно выпрямился, бессильно опустив руку. Он дышал тяжело, словно после бега. Повернувшись к столу, он схватил свою кружку пива; глаза моего приятеля остекленели, взгляд казался бессмысленным. Он был покрыт кровью с ног до головы. Воцарилась полная тишина. Наконец Фатима позвала Нассира, тот вышел из задней комнаты и позвонил в полицию.

Сержант Хаджар не торопился прибыть, чтобы полюбоваться трагическим финалом. Когда он наконец появился, я с удивлением отметил, что сержант никого не взял с собой.

— Это что? — спросил Хаджар, носком ботинка указывая на тело, распростертое на полу.

— Труп, — объяснил Жак.

Хаджар поглядел на кровавые лужи:

— Здоровый парень, да?

— Сонни, — сказал Махмуд.

— А, этот ублюдок...

— Он умер из-за каких-то паршивых тридцати киамов, — произнес Сайед, недоуменно покачивая головой. Хаджар задумчиво осмотрел бар, остановил взгляд на мне.

— Марид, — сказал он, подавив зевок, — поедешь со мной. — С этими словами сержант повернулся к выходу.

— Я?! — вскричал я. — Да я в этом деле вообще не замешан!

— В каком деле? — озадаченно осведомился Хаджар.

— В смерти Сонни.

— Да черт с ним, с Сонни. Ты должен поехать со мной. — Он повел меня к патрульной машине. Хаджару было абсолютно наплевать на только что совершенное убийство. Если пристукнут какого-нибудь богатого туриста, полиция из кожи вон лезет, снимая повсюду отпечатки пальцев, суетясь, допрашивая всех подряд по двадцать — тридцать раз. Но как только убьют одного из «вконец опустившихся дегенератов», например, этого гориллообразного повелителя ездовых лошадок, или Тами, или Деви, легавый сразу принимает равнодушно-утомленный вид, словно одинокий вол на горе.

Хаджар запер меня в машине, сел за руль.

— Ты меня арестовал? — спросил я.

— Нет.

— Тогда какого черта ты меня задержал? Куда ты меня везешь?

Хаджар снова повернул голову и посмотрел на меня с садистской усмешкой на лице.

— Папа хочет с тобой побеседовать.

Мне вдруг стало холодно.

— Папа?

Время от времени я встречал Фридландер-Бея, но никогда раньше не удостаивался личной беседы.

— И судя по тому, что я слышал, он зол, как шайтан, Марид. Думаю, ты предпочел бы, чтобы я и вправду арестовал тебя за убийство.

— Зол? На меня? За что?

Хаджар только пожал плечами.

— Понятия не имею. Мне просто сказано доставить тебя. А уж Папа тебе сам все растолкует.

Именно в этот момент, когда я испытывал всевозрастающий панический страх, чуя приближающуюся смертельную опасность, начали действовать «треугольники», принятые по дороге в бар Фатимы: сердце забилось, как бешеное. А ведь вечер начинался так хорошо!

— На все воля Аллаха, — прошептал я непослушными губами, изнывая от беспокойства. Ближе к Тебе, Господи.

8.

Фридландер-Бей жил в большом, увенчанном башней, белоснежном имении, которое вполне могло сойти за дворец. Его апартаменты раскинулись в центре города, совсем недалеко от Христианского квартала. По сравнению с убежищем Папы дом Сейполта выглядел походным шатром бедуина. Но сержант Хаджар вез меня не в том направлении. Я сказал об этом ублюдку легавому.

— Давай я сам буду вести машину, — ответил он сварливо. Хаджар назвал меня «ил-магриб». Магриб означает «закат, а еще так называют огромный кусок Северной Африки, где живут алжирцы, марокканцы — в общем, жалкие отбросы вроде меня. Многие друзья называют меня «магрибцем», и я не обижаюсь, понимая, что это просто прозвище или добродушное подшучивание. Но в устах Хаджара оно превращается в оскорбление.

— Дом Папы за две с половиной мили позади нас, — сказал я.

— Неужели ты думаешь, что я не знаю этого? Господи, как бы мне хотелось приковать тебя наручниками к столбу минут на пятнадцать где-нибудь без свидетелей.

Легавый остановил машину на заасфальтированной подъездной дорожке позади мотеля на восточной окраине города. Стены были выкрашены в бледно-зеленый цвет; вместо неоновой рекламы с названием — маленький щиток, где было написано от руки: «Мотель. Свободных мест нет». Гостиница, на вывеске которой красуется объявление о постоянном отсутствии номеров, довольно странное зрелище. Хаджар вылез из машины, открыл заднюю дверцу, и я почти вывалился наружу. Постоял, расправил плечи и попытался собраться: «треугольники» страшно взвинтили меня. Чувство страха

плюс действие наркотиков привели к жутким резям в животе, головной боли и внутреннему напряжению, граничащему с нервным срывом.

Я последовал за Хаджаром, мы остановились у двери девятнадцатого номера. Сержант несколько раз постучал условным сигналом. Нам открыл человек, больше походивший на каменную глыбу или, точнее, на громадный булыжник. Камень не может думать или говорить, поэтому, когда он произнес что-то, я был ошеломлен. Булыжник кивнул Хаджару, который не ответил на приветствие. Сержант молча повернулся и пошел к машине. Булыжник посмотрел на меня: очевидно, до него никак не доходило, откуда я взялся. Потом громила все-таки сообразил, что этого человека, должно быть, привел Хаджар, и его надо впустить в комнату.

— Проходи, — эти гулкие скрежещущие звуки походили на... ну да, на голос булыжника, который по воле Аллаха обрел дар речи.

Я содрогнулся, протискиваясь мимо него. В комнате находились еще один Говорящий Булыжник и Фридландер-Бей, сидящий у раскладного столика между огромной кроватью и комодом. Мебель была европейской, но довольно старой.

Увидев меня, Папа поднялся. Он был около пяти с лишним футов роста, но весил почти двести фунтов. Бей предпочитал одеваться просто: белая хлопчатобумажная рубашка, серые штаны и сандалии. Он не носил колец, каких-либо иных украшений. Несколько оставшихся прядей седеющих волос зачесаны назад; взор блестящих карих глаз казался кротким и ласковым. С трудом верилось, что перед тобой — самый влиятельный человек в городе.

Наконец Папа поднял руку, почти заслонив лицо.

— Мир тебе, — сказал он.

Я прикоснулся к сердцу и губам.

— И с тобой да пребудет мир.

Он не очень-то рад увидеть меня. Однако ритуалы гостеприимства ненадолго обеспечат мою неприкосновенность и дадут время собраться с мыслями. Но о чем я должен думать? Как победить парочку Говорящих Булыжников и выбраться из мотеля?

Папа снова сел.

— Пусть не покинет тебя благополучие, — сказал он, указав на стул напротив.

— Пусть не покинет тебя благополучие и благословение Аллаха, — ответил я. Как только представится возможность, я попрошу стакан воды и проглочу побольше таблеток паксиума. Он не отрываясь смотрел мне прямо в глаза.

— Как твое здоровье? — В голосе Папы не слышалось дружеской теплоты.

— Хвала Аллаху, хорошо, — ответил я.

Страх снова начал сжимать сердце.

— Мы давно не видели тебя, — произнес Фридландер-Бей. — Ты заставил нас страдать от одиночества.

— Да оградит тебя Аллах от одиночества и тоски.

Второй Булыжник принес кофе. Папа поднял чашку и отхлебнул из нее, показывая, что питье не отравлено. Потом протянул чашку мне.

— Угощайся. — Но в голосе его не чувствовалось радушия.

Я принял кофе. Мы выпили несколько чашек. Папа откинулся на стуле и несколько мгновений молча изучал меня.

— Ты оказал мне честь, — произнес он наконец.

— Да сохранит и оградит тебя Аллах.

На этом закончились формальные приветствия, причем эта часть беседы прошла по явно укороченной программе. Теперь надо быть начеку... Но я начал с того, что вытащил коробку с пилюльками, выскреб оттуда все транквилизаторы и проглоти их, запивая кофе. Четырнадцать паксиумов. Некоторые сочтут это довольно большой дозой, я — не

Фридландер-Бей протянул чашку слуге, которь вновь наполнил ее дымящимся напитком. Он немн го отхлебнул, не упуская меня из виду, аккуратн опустил чашку на столик и произнес:

— Ты знаешь, что мне служит множество разнь людей.

— Истинная правда, о шейх, — признал я.

— Множество людей, которые видят во мне опор своего существования. Для них я не только «корм щая рука», но гораздо больше. В их суровом мир я гарантирую безопасность и спокойную жизн Мои люди знают, что могут рассчитывать на щедрс вознаграждение и другие милости, пока будут дс бросовестно работать.

— Да, о шейх.

Он кивнул.

— Поэтому, когда до меня доходит грустная вест о том, что еще один из моих друзей призва Аллахом в рай, меня охватывает печаль, словно потерял часть своей души. Люди уходят из жизн по-разному. Одно дело — естественная смерть, мой племянник. Всех нас ожидает кончина, о могилы не спрятаться, не убежать. Увы, любоі кувшин когда-нибудь разбивается. Но бывает так что нить жизни обрывается раньше отмеренного срока. Преждевременная смерть — совсем друго дело: это прямой вызов могуществу Аллаха. В таком случае необходимо восстановить справедливость Нельзя воскресить к жизни убитого, но можно нужно отомстить за него, покарав того, кто оборва священную нить. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, о шейх.

Как быстро до Папы долетело известие о смерти Сонни. Наверное, Нассир перед тем как связаться с полицией, позвонил Фридландер-Бею.

— Что ж, тогда я задам тебе такой вопрос: как отплатить за убийство?

Наступило гнетущее молчание. Существовал только один ответ, и я помедлил, обдумывая, как лучше обосновать свою защиту.

— О шейх, — произнес я наконец, — лишь смерть искупает смерть. Вот единственный способ расплаты. Сказано в Правой Стезе: «О верующие, предписано вам мщение за убитых». Сказано также: «В отмщении — жизнь, о обладающие разумом...»* Но в другом месте нам ниспослано: «Душу за душу, око за око, нос за нос, ухо за ухо, зуб за зуб, и за увечье членов — отмщение, а если кто подал милостыню за это, то это ему искупление. И те, что не судят согласно тому, что ниспослал Аллах, — свершают злодеяние».** Я не виновен в этом убийстве, о шейх, а неправедная месть — преступление худшее, чем само убийство.

— Аллах велик, — прошептал Фридландер-Бей. Он смотрел на меня с изумлением. — Я слышал, что ты неверующий, сын мой, и это причиняло мне боль. И все же ты демонстрируешь неплохое знакомство с Благородным Кораном. Он поднялся со своего места и потер лоб, затем подошел к просторной постели и лег на покрывало. Я хотел повернуться к нему, но огромная коричневая лапа, словно гиря, опустилась на плечо и заставила принять прежнее положение. Теперь я мог созерцать лишь стул, на котором только что сидел Папа, но когда он заговорил, отчетливо слышал каждое слово.

— Мне сказали, что из всех жителей Будайина

** Правая Стезя, или Истинный Путь — имеется в виду Коран; Коран, сура 2 «Корова», аяты 178, 179*

*** Сура 5 «Трапеза», аят 45. Пер. Б.Шидфар.*

только ты имел вескую причину для того, чтобы убить этого человека.

Я прокрутил в памяти события прошедших месяцев: честное слово, не могу вспомнить, когда я в последний раз просто поздоровался с Сонни! Всегда старался держаться подальше от «Красного фонаря».

— У меня нет ни единой причины для убийства, — сказал я дрожащим голосом.

— Мне совсем не нравятся отговорки, о мой племянник. Часто, очень часто приходится задавать людям подобные трудные вопросы, и каждый раз они начинают с увиливаний и отговорок.

Я снова попытался повернуться лицом к Папе, и снова могучая каменная десница сжала плечо — на этот раз было гораздо больнее. Папа продолжал.

— Ты был должен моему другу некую сумму денег. Сейчас ты уже ничего ему не должен, ибо он мертв. Я взыщу долг вместо него, и я сделаю то, что дозволено Книгой.

— Я ничего ему не должен! — выкрикнул я. — Ни единого гроша! Страшная рука принялась расплющивать второе плечо.

— У собаки все еще опущен хвост, о повелитель, — пробормотал Говорящий Булыжник.

— Я не лгу, — произнес я, немного задыхаясь. — Если я говорю, что ничего не должен Сонни, значит, это правда. Повсюду в городе меня знают как человека, который никогда не лжет.

— Сонни? — произнес удивленно Фридландер-Бей, возвращаясь к столу. — Никого не волнует судьба Сонни. Если Сонни тоже мертв, от этого воздух Будайина станет только чище. Нет, мой племянник, я попросил тебя присоединиться ко мне, чтобы расспросить о смерти моего друга, Абдуллы абу-Зайда.

— Абдулла, — произнес я с трудом. Боль становилась почти невыносимой; перед глазами начали мелькать красные вспышки, голос стал хриплым и еле слышным. — Я не знал, что его убили.

Папа потер лоб.

— За последнее время многих моих друзей внезапно забрала смерть. Как ты знаешь, достойные женщины, которых в нашем городе называли почему-то «Черными Вдовами», тоже находились под моим покровительством. Слишком много смертей вокруг меня, чтобы объяснить их обычными обстоятельствами.

— Да, — сказал я.

— Ты должен доказать, что невиновен в убийстве Абдуллы. Больше ни у кого не было серьезных причин желать ему несчастья.

— Какая же у меня была причина?

— Долг, как я уже говорил.

Я попытался поднять руку, но не смог.

— Как он умер?

Папа мрачно посмотрел на меня из-под полуопущенных век.

— Вот ты и расскажешь мне, как он умер.

— Я... — Каменные лапы оставили в покое мои плечи, от чего боль стала еще сильнее. Потом я почувствовал, как стальные пальцы сжали горло.

— Отвечай быстрее, — мягко произнес Папа, — или очень скоро ты вообще не сможешь ничего сказать.

— Его застрелили, — прохрипел я. — Одним выстрелом. Маленькая свинцовая пуля.

Папа махнул рукой, и стальной обруч вокруг горла разжался.

— Нет, его не застрелили. Однако два других человека убиты именно таким антикварным оружием. Интересно, что ты об этом знаешь.

Он остановился, задумчиво обвел глазами комнату. Дрожащие от старости сухие морщинистые пальцы вертели пустую чашку.

Боль быстро прошла, хотя плечи будут ныть еще несколько дней.

— Если это не пуля, — спросил я, — то как же был убит Абдулла?

Его взгляд словно прожег меня.

— Я пока не уверен, что ты невиновен, — сказал он.

— Я сполна отдал долг Абдулле. Мы с ним в расчете.

Глаза Бея сузились.

— Ты можешь это доказать?

— Хассан подтвердит.

Я вынул клочок бумаги, развернул его и протянул Папе. Фридландер-Бей взглянул на расписку, потом внимательно изучил ее. Он поднял глаза на Булыжника, стоявшего за моей спиной и слегка наклонил голову. Мой мучитель отошел на пост возле двери.

Фридландер-Бей посмотрел на свои пальцы, снова вертевшие чашку. Он знаком подозвал второго Булыжника и тот налил ему кофе. Слуга вопросительно взглянул на меня: я кивнул, и он наполнил мою чашку дымящимся напитком.

— Где ты был сегодня, — спросил Папа, — в десять часов вечера?

— В кафе «Солас», играл в карты.

— Так. Когда игра началась?

— Примерно в полдевятого.

— И ты оставался там до полуночи?

Я постарался точно припомнить, как все происходило.

— Где-то в полпервого мы все отправились в «Красный фонарь». Сонни пырнули ножом примерно в час — полвторого.

— Старик Ибрахим из «Соласа» подтвердит то, что ты сказал?

— Да.

Папа повернулся и кивнул Булыжнику, стоявшему за его спиной. Слуга подошел к телефону. Вскоре вернулся к хозяину и что-то прошептал ему на ухо. Папа вздохнул.

— Я очень рад за тебя, мой племянник. Хорошо, что ты смог доказать, где был тогда. Абдулла умер между десятью и одиннадцатью вечера. Я верю, что ты невиновен в его гибели.

— Хвала Аллаху, ограждающему от зла, — тихо произнес я.

— Поэтому я скажу тебе, как умер этот почтенный человек. Тело обнаружил мой доверенный служитель, Хассан-Шиит. Смерть Абдуллы абу-Зайда была ужасной и унизительной, мой племянник. Абдулла лежал в переулке за магазином Хассана, весь измазанный кровью, с перерезанным горлом. Однако на земле крови было немного, следовательно, его убили в другом месте, а затем перенесли труп туда, где его нашел Хассан. На теле обнаружены ужасные следы, говорящие о том, что его пытали огнем: на груди, руках, ногах.

Руки Фридландер-Бея дрожали еще сильнее, чем раньше.

— Точно так же убили Тамико, — заметил я.

Папа взглянул на меня; несколько мгновений он не мог найти слов.

— Откуда ты знаешь? — наконец спросил он.

Я почувствовал, что старца снова охватили сомнения. Действительно, где мог раздобыть такие сведения не замешанный в этом деле человек?

— Тело Тами обнаружил я. Я сообщил тогда об убийстве лейтенанту Оккингу.

Папа кивнул и снова опустил глаза.

— Не могу передать тебе, как сильны во мне ярость и ненависть, как они переполняют душу. Это тревожит и печалит меня, ибо я старался сдержи-

вать подобные чувства, жить достойно, наслаждаясь богатством, коль скоро Аллах решил наделить им меня, и возносить Ему за это хвалу, не выказывая ни гнева, ни жадности, ни зависти. Но, увы, судьба каждый раз вынуждает меня поднимать меч; снова и снова люди пытаются проверить, не ослаб ли я, дабы погубить. Безумец из безумцев, палач, оскверняющий мир, бросающий вызов священной воле Аллаха, умрет! Клянусь бородой Пророка, я исполню долг отмщения!

Мало-помалу гнев Папы унялся.

— Выпьешь еще кофе? — устало спросил он.

— Да направит иас Аллах, я утолил жажду.

— Пусть дни твои текут в богатстве и изобилии, — сказал Папа. Он тяжело вздохнул. — Иди с миром.

— С твоего позволения, — произнес я, вставая.

— Да проснешься ты утром в добром здравии.

Я вспомнил Абдуллу.

— Иншалла.

Говорящий Булыжник уже распахнул дверь; покидая комнату, я почувствовал великое облегчение, словно приговоренный к смерти, с которого в последний момент сняли петлю. Снаружи, под ясным ночным небом, расшитым яркими блестками звезд, стоял сержант Хаджар, прислонившись к патрульной машине. Я удивился: он должен был давным-давно вернуться в город.

— Вижу, ты оказался чистым, — сказал он мне. — Садись.

Мы забрались в машину. Он повернул голову и ухмыльнулся.

— Не ожидал, что ты выйдешь из мотеля живым. Но ты выкарабкался, а значит, Папа поставил тебе на лбу печать: «С этим парнем все о'кей». Что хорошо для Папы, хорошо и для меня. Дошло?

Да, теперь до меня дошло. Я думал, что Хаджар работает на лейтенанта Оккинга и силы охраны правопорядка, но сержант был собственностью Фридландер-Бея.

— Ты можешь подбросить меня к заведению Френчи? — спросил я.

— Френчи? А, там работает твоя девочка, точно?

— Ты всегда в курсе событий.

Когда мы доехали до места, я открыл дверцу, собираясь вылезти.

— Эй, — произнес легавый таким тоном, словно я оскорбил его в лучших чувствах, — ты не хочешь угостить меня выпивкой?

Уже стоя на тротуаре, я наклонился, глядя на Хаджара через стекло окошка.

— Я не могу тебя пригласить, как бы мне ни хотелось. Сам понимаешь, если друзья увидят, что я выпиваю с полицейским... Подумай, что будет с моей репутацией. Бизнес есть бизнес, Хаджар.

Он улыбнулся.

— А дело есть дело. Знаю, знаю, слышал это раз сто. Ладно, еще увидимся.

Машина сорвалась с места и, грозно рыча, умчалась.

9.

Утром меня опять разбудил телефон.

— Да, я слушаю, — сказал я.

— Алло! Приветствую тебя! Как твое здоровье?

— Слава Аллаху, все нормально, — ответил я. — Кто говорит?

— Прошу прощения, о проницательный друг мой, я думал, ты узнаешь мой голос. Это Хассан.

Я зажмурил глаза, снова открыл их.

— Привет, Хассан. Я слышал о том, что произошло с Абдуллой прошлой ночью от Фридландер-Бея. Слава Аллаху, с тобой все в порядке.

— Да благословит тебя Аллах, дорогой мой Однако я должен передать тебе приглашение о Фридландер-Бея. Он желает, чтобы ты посетил ег дом и разделил утреннюю трапезу. Он пришлет з тобой машину с водителем.

Мой любимый способ начинать день...

— Я думал, что прошлой ночью сумел убедит его...

Хассан рассмеялся:

— О нет, тебе нечего бояться! Это просто дружес кое приглашение, Фридландер-Бей хочет компенси ровать беспокойство, которое ты, возможно, испы тал вчера. Кроме того, он, очевидно, попроси оказать ему одну услугу. Ты можешь заработат деньги, большие деньги.

Мне вовсе не хотелось брать «сребреники», н отвергнуть приглашение было невозможно.

— Когда прибудет машина?

— Скоро. Приведи себя в порядок, а когда встре тишься с Фридландер-Беем, хорошенько выслушай что он тебе предложит. Если проявишь мудрость получишь большую выгоду.

— Спасибо, Хассан.

— Не стоит благодарности, — ответил он и прервал разговор.

Я откинул голову на подушку и задумался. Много лет назад я твердо обещал себе, что никогда не возьму денег из рук Папы, даже в виде законной платы за обычную работу, если в результате войду в число «его друзей и доверенных помощников». В общем, я «свободный художник». Но, чтобы сохранить подобный статус, сегодня придется соблюдать предельную осторожность.

Ясмин, конечно, еще спала, и я не стал ее будить пока не закончится пост, Френчи будет открыват свое заведение после захода солнца. Я отправился в ванную, вымыл лицо, почистил зубы. Для визита следует надеть джеллабу. Я пожал плечами: Папа сочтет это за желание угодить ему и останется доволен. Кстати, надо обязательно захватить с собой какой-нибудь небольшой подарок: нынешний визит будет разительно отличаться от предыдущего Я быстро привел себя в порядок и оделся. Запихнул в сумку телефон, несколько банкнот, ключи, осмотрел свои апартаменты и, охваченный предчувствием надвигающейся беды, вышел на улицу. Вообще-то надо было оставить записку, чтобы Ясмин знала, куда я пошел, но если мне не суждено вернуться, такая бумажка просто не понадобится.

Воздух теплый, как парное молоко: близился вечер и город нежился, омытый освежающе-ласковым дождиком. Я зашел в ближайший магазин и купил корзинку с разными фруктами; потом вернулся к своему подъезду. Длинный черный лимузин уже негромко пыхтел у дома. Водитель, облаченный в форменную одежду, встал на крыльцо, чтобы не промокнуть. Он прикоснулся к фуражке, приветствуя меня, и открыл заднюю дверцу роскошной машины. Я залез внутрь, произнес про себя короткую молитву. Дверца захлопнулась, и мгновение спустя машина уже мчалась по улицам к великолепному дому Фридландер-Бея.

Возле ворот в высокой, покрытой плющом, стене, стоял охранник. Он пропустил лимузин: мы поехали по усыпанной гравием дорожке, изящно опоясывавшей ухоженный сад. Изобилие ярких тропических цветов — настоящее буйство красок! В этом оазисе, отгороженном от остального мира, все было тихо и безмятежно, словно стены оберегали Папу не только от нежданных гостей, но и от городского шума и суеты. Сам дом состоял всего из двух этажей, но он был воздвигнут на участке земли, который стоил

целое состояние, в самом центре города. Над зданием возвышалось несколько башен — без сомнения, там находилась охрана; кроме того, Фридландер-Бей имел собственный минарет. Интересно, держит ли Папа еще и своего муэдзина, чтобы тот поднимал его на молитву...

Водитель остановил машину прямо перед широкими мраморными ступенями парадного входа. Мало того, что парень услужливо открыл дверцу, он еще проводил меня вверх по лестнице! Дабы не утруждать почетного гостя, он сам постучал в высокую дверь из полированного красного дерева. Лакей или кто-то из прислуги низшего ранга открыл нам, и водитель торжественно объявил: «Гость нашего господина». Потом он вернулся к машине, а слуга, поклонившись, пригласил меня войти.

И вот я в доме Фридландер-Бея! Великолепная дверь захлопнулась, и мое распаренное, потное лицо овеял ласковый прохладный воздух. По дому разносился аромат благовоний.

— Сюда, пожалуйста, — произнес слуга. — Хозяин сейчас погружен в молитву. Вы можете подождать в этих покоях.

Он испарился, оставив меня в одиночестве в небольшой комнате. Я бродил по ней, восхищенно разглядывая дорогоценные безделушки, собранные Папой за свою долгую жизнь. Наконец, открылась дверь, и один из Говорящих Булыжников знаком подозвал меня. Я увидел Папу, который аккуратно складывал молитвенный коврик. В его кабинете был сделан михраб, как в мечети, который указывал, где находится Мекка.*

Папа повернулся ко мне, и его пухлое, серовато-бледное лицо осветилось подкупающе-искренней улыбкой радости при виде дорогого гостя. Он быстро подошел ко мне и тепло приветствовал: на сей раз ритуал был соблюден полностью. Я предложил хозяину свой скромный дар и увидел, что угодил Папе.

— Плоды сочны, свежи и просто просятся, чтобы их отведали, — произнес он, поставив корзинку на низенький столик. — Я успею насладиться ими после захода солнца, мой племянник. Благодарю тебя за заботу. А сейчас чувствуй себя как дома. Мы должны побеседовать, а когда наступит время дозволенной трапезы, прошу оказать мне честь, разделив скромный завтрак. — Он указал на антикварный диван, стоивший целое состояние. Сам Папа раскинулся на таком же бесценном произведении искусства; теперь мы могли созерцать друг друга, разделенные лишь несколькими футами драгоценного ковра, выдержанного в голубых и золотых тонах. Я терпеливо ждал, когда он начнет разговор. Папа погладил себя по щеке и стал буравить меня взглядом. Господи, неужели он не насмотрелся на мою физиономию в прошлую ночь?..

— Нам придется вернуться к неприятному вопросу, который мы коротко успели обсудить в мотеле. Убийцу надо остановить. Выбора у нас нет. Пока что убиты четверо, из них трое связаны со мной. Я могу рассматривать это только как покушение на меня — неважно, прямое или косвенное.

— Трое? — спросил я. — Абдулла абу-Зайд, разумеется, был одним из твоих людей. Но русский? Или «Сестры Черной Вдовы»? Тамико и Деви больше всего на свете ценили независимость.

Папа брезгливо махнул рукой.

— Я никак не вмешивался в деятельность сестер, связанную с проституцией. Сестры могли беспрепятственно заниматься постыдным делом, но для меня они выполняли совсем иные поручения: секретные, опасные, но крайне необходимые...

Я застыл от изумления.

— Тами и Деви убивали по твоему приказу?

— Да. Селима будет и впредь исполнять мои решения подобного рода, принимаемые в случае, когда иного выхода нет. Мы хорошо платили Тамико и Деви, я полностью на них полагался и доверял, а они ни разу не подводили.

То, что сказал Папа, объясняло дерзость и наглость поведения троицы: сестры работали как секретные агенты Фридландер-Бея, и их защищали от неприятностей. Точнее, должны были защищать... И все же две из них теперь лежат в морге.

— Если бы Тами и Деви умертвили одинаковым способом, — произнес я, просто размышляя вслух, — было бы проще понять, что произошло. Но Деви застрелили из старинного оружия, а Тами пытали и перерезали горло бритвой.

— То же самое подумал и я, мой племянник, — сказал Папа. — Прошу тебя, продолжай. Может быть, ты прольешь свет на эту тайну.

Я пожал плечами.

— Возможно, здесь действуют двое...

— Я найду их, — бесстрастно произнес старец. Он не угрожал, не клялся покарать негодяев — просто констатировал факт.

— Мне пришло в голову, о шейх, — сказал я, — что преступник, вооруженный пистолетом, может иметь политические мотивы. Я видел, как он застрелил одного русского, служившего мелким функционером в представительстве Украинско-Белорусского царства. Убийца подключил личностный модуль Джеймса Бонда. Этот модуль может дать определенные знания, умение и навыки профессионального убийцы. Он пригодится лишь хладнокровному исполнителю, чьи действия — часть какой-то большой операции.

Фридландер-Бей нахмурился.

— Ты не убедил меня, о племянник. Между твоим дипломатом и моей Деви нет ни малейшей связи. Идея о политическом убийстве пришла тебе в голову только потому, что русский состоял на дипломатической службе. Деви не знала и не хотела знать о том, что происходит за пределами Будайина. Она не служила помехой и не помогала никаким политическим движениям или партиям. Твои доводы относительно Джеймса Бонда заслуживают дальнейшего изучения, но сама идея нелепа.

— О шейх, может быть, у тебя есть какие-то предположения?

— Пока нет, — ответил он, — но я только приступил к сбору сведений. Вот почему мне хотелось обсудить с тобой сложившуюся ситуацию. Ты не должен думать, что мной движет лишь жажда мести. Я должен защитить свои интересы. Должен продемонстрировать своим друзьям и доверенным помощникам, что не допущу, чтобы им грозила гибель. В противном случае я потеряю поддержку людей, на которых зиждется вся моя власть и могущество. Ты понимаешь меня, о племянник?

Что ж, он изложил все предельно ясно.

— Да, о шейх, — ответил я.

Фридландер-Бей помолчал, внимательно изучая меня.

— Ты не похож на большинство моих друзей в Будайине, — сказал он наконец. — Почти все в нашем квартале хоть как-то модифицировали тело и мозг.

— Что ж, если им это по карману, — ответил я, — пусть делают со своей плотью, что пожелают. Что касается меня, о шейх, то я довольствуюсь тем, что даровал мне Аллах. Я обращался к хирургам лишь

* *Мусульманам предписано молиться, обратившись лицом к священному городу.*

тогда, когда возникала прямая угроза здоровью. Ведь эта плоть — создание Господа Всех Миров.

Папа кивнул.

— А мозг?

— Иногда я соображаю не так быстро, как хотелось бы, но в целом он исправно служит мне. Никогда не испытывал желания вставить в голову розетку, если ты это имеешь в виду, шейх.

— Однако ты принимаешь в больших количествах наркотические вещества. Ты гордый человек, о мой племянник. В досье, которое на тебя составили, особо выделена такая черта характера. Тебе нравится состязаться в силе воли, разума, физической выносливости с людьми, получившими преимущества благодаря различным приставкам и личностным модулям. Опасное занятие. Твоя гордость проявляется в стремлении, как говорят франки-христиане, правда, по другому поводу, «жить в этом мире, но не принадлежать к нему».*

— Ну да, «равнодушно взирать на его богатства и оставаться чистым от зла его». Ну прямо мой портрет!

Папа оценил иронию, сквозящую в этих словах.

— Я хочу, чтобы ты помог мне, Марид Одран, — произнес он. — Я желаю, чтобы ты стал орудием моей мести.

Во рту сразу пересохло.

— Я готов помочь, но чем? На твоей службе состоят гораздо более знающие люди.

— О мой возлюбленный племянник, я перебрал своих друзей, подумал о достоинствах каждого, и вот мое решение: из всех, кого я знаю, только ты обладаешь всеми качествами, необходимыми для успеха этого дела. Очень важно также то, что я доверяю тебе: увы, как ни печально, я не могу сказать подобного о многих своих друзьях. Ты пользуешься моим полным доверием, ибо не стремишься возвыситься, как остальные. Ты не пытаешься получить мое доверие, дабы использовать нашу дружбу для своих целей; ты не вероломный льстец — видит Аллах, как я устал от подобных червей! Для важной работы, которую надо выполнить, необходим человек, в котором я бы не сомневался: вот одна из причин, почему наша встреча вчера была для тебя такой тяжелой. Ты прошел испытание на стойкость и доказал, что достоин доверия. Когда ты покидал меня, я знал, что нашел человека, который мне нужен.

— Ты оказал мне честь, о шейх, но, боюсь, я не разделяю твою уверенность в моих силах.

Он воздел правую руку — она сильно дрожала.

— Я не закончил, о племянник. Есть еще причины, по которым ты должен исполнить мою просьбу, и эти причины сулят большие выгоды тебе, а не мне. Прошлой ночью ты попытался рассказать о своей подруге Никки — я прервал твою речь. Я должен снова попросить у тебя прощения. Ты совершенно прав, беспокоясь о ее безопасности. Я уверен, что исчезновение девушки — дело рук одного из убийц; возможно, она также умерщвлена. Дай Бог, чтобы тревога оказалась напрасной — кто знает? Однако если вообще существует надежда найти ее живой и невредимой, эта надежда зиждется лишь на тебе одном. Ты и я, вместе опираясь на все мое могущество и богатство, мы найдем убийц.

— Будет так, как пожелает Создатель Миров, — произнес я мрачно.

— Да благословит тебя Аллах, о племянник. Теперь мы должны договориться об оплате.

Новая неожиданность.

— Я не думал о деньгах, о шейх.

Папа словно не услышал меня.

— Человек должен питаться, — сказал он коротко. — Тебе будут выдавать сто киамов в день до те[х] пор, пока мы не покончим с этим делом.

«Покончим»... Да, слово выбрано как нельз[я] более точно: либо мы покончим с двумя поганым[и] псами, либо они покончат со мной.

— Я не просил столь высокой платы, — сказал [я]. Сотня в день... Что ж, как только что изящн[о] выразился Папа, человек должен питаться. Тольк[о] интересно, чем я, по мнению Папы, привык питат[ь]ся...

Он снова не обратил внимания на мои слова[,] сделав знак Булыжнику. Тот приблизился и вложи[л] в руку Фридландер-Бея конверт.

— Здесь семьсот киамов, — сказал мне Папа. — Твоя плата за первую неделю.

Он передал конверт Булыжнику, тот подошел к[о] мне.

— Ты очень щедр, о шейх, но, боюсь, мои сил[ы] слишком скромны... — сказал я.

Папа, казалось, был доволен.

— Я уверен в тебе, Марид.

— О шейх, что мне следует предпринять? — спросил я.

— Сначала ты должен пойти к лейтенанту Оккин[]гу и поступить так, как он скажет. Я сообщу ему, чт[о] мы собираемся сотрудничать с полицейским ведом[]ством и окажем полное содействие в расследовани[и] этого дела. Есть вещи, которые мой доверенны[й] помощник сможет сделать гораздо эффективнее[,] чем полиция; не сомневаюсь, что лейтенант согла[]сится. Я считаю, что временный союз наших орга[]низаций послужит интересам всех общин Будайина[.] Оккинг передаст тебе всю имеющуюся у него инфор[]мацию об убийствах, возможно, примерное описа[]ние того, кто перерезал горло Тамико и Абдулл[е] абу-Зайду, и другие сведения, которые до сих по[р] считал конфиденциальными. В свою очередь т[ы] заверишь его, что будешь немедленно сообщат[ь] полиции все, что нам удастся обнаружить.

— А потом, о шейх?

Он наклонил голову и снова улыбнулся. Сам н[е] знаю почему, меня внезапно охватил озноб, словн[о] ледяной порыв ветра прорвался из внешнего мира [в] неприступную крепость Фридландер-Бея.

— Ты можешь представить себе время или какие-то особые обстоятельства, когда ты решишься подвергнуться модификации, от которой так упорн[о] отказывался до сих пор?

Холод пронизал меня до костей.

— Нет, о шейх, — произнес я, — не представляю себе ни такого времени, ни таких обстоятельств; но это вовсе не значит, что это никогда не произойдет. Кто знает, может быть, когда-нибудь в будущем я почувствую потребность как-то модифицировать себя...

Он кивнул.

— Завтра пятница, и я не могу заниматься делами.** Тебе также нужно время на то, чтобы хорошенько обдумать свои планы. Что ж, тогда понедельник. Да, понедельник подойдет.

— Подойдет для чего?

— Для встречи с моими личными хирургами, — коротко ответил он.

— Нет, — прошептал я в ужасе.

Неожиданно Фридландер-Бей преобразился. Он больше не был добрым дядюшкой. Рядом со мной

** Знаменитая фраза из классического трактата средневекового христианского философа-мистика, монаха и богослова Фомы Кемпийского «О подражании Христу» В оригинале — совет послушникам исполнять все, что требуется в повседневной жизни, но не позволять ни внешнему миру, ни внутренним соблазнам поработить их.*

*** Пятница — день отдохновения у мусульман.*

сидел повелитель, чьи приказы выполняются беспрекословно.

— Ты принял мои деньги, племянник, — сказал он резко, — и сделаешь так, как я скажу. Ты не сумеешь одолеть наших врагов, если не модифицируешь мозг. Мои хирурги дадут тебе серьезные преимущества над противником.

На плечи, словно две гири, опустились каменные десницы, удерживая меня на стуле.

— О шейх, — произнес я срывающимся голосом, — я не хочу...

— События повернулись так, что придется поступить вопреки желаниям, — ответил он. — В понедельник ты изменишь свое мнение. Ты будешь думать по-другому.

Да, я буду думать по-другому, но не потому, что изменится мое мнение об операции. Просто Фридландер-Бей и его хирурги изменят мой мозг.

10.

— Лейтенанта Оккинга сейчас нет, — сказал полицейский. — Может быть, я смогу вам помочь?

— Скажите, лейтенант скоро вернется? — спросил я. Часы над рабочим столом фараона показывали десять без минут. Интересно, до какого времени Оккинг собирается работать сегодня ночью? Мне очень не хотелось иметь дело с сержантом Хаджаром: пусть он и связан с Папой, все равно я ему не доверял.

— Он будет минут через десять. Можете подождать внутри.

Я поблагодарил фараона и вошел в кабинет. Я уже успел рассмотреть каждую пылинку в кабинете Оккинга, когда час спустя появился хозяин.

— Надеюсь, я не заставил тебя долго ждать, — произнес он небрежно. — Какого черта ты здесь делаешь, Одран?

— Рад вас видеть, господин лейтенант. Я только что имел встречу с Фридландер-Беем.

Он сразу насторожился.

— Вот так, значит... Теперь ты мальчик-посыльный трущобного халифа, страдающего манией величия. Значит, как мы это запишем: падение или возвышение?..

Не ответив на издевку, я коротко пересказал суть довольно необычного предложения Папы. Как я и ожидал, Оккинг отнесся к нему без энтузиазма.

— Знаешь, Одран, — сказал он сухо, — органы охраны правопорядка очень волнуются о своей репутации. Нас и так постоянно пинают газеты и телевидение; не хватало еще взобраться на самое видное место, чтобы публично полизать задницу такого, как Фридландер-Бей, раз уж ни одна живая душа не верит, что мы способны разобраться с убийствами без его мудрого руководства!

Я примирительно махнул рукой, чтобы немного разрядить атмосферу.

— Нет-нет. Все не так, как ты думаешь, Оккинг; ты неправильно понял мои слова и неправильно понял мотивы Папы. Фридландер-Бей просто считает, что, поскольку данное дело впрямую затрагивает его интересы, сотрудничество сэкономит массу времени и сил и, кстати, поможет сохранить немало жизней.

— Вижу, мы поняли друг друга, — ехидно сказал Оккинг. — Вообще, все это выглядит как-то неестественно: крысы и мыши спешат в церковь помолиться о скорейшем выздоровлении кота. Когда мы заполучим двух психопатов, учти, медовый месяц пройдет. Да, милый, продолжится старая игра в полицейских и воров...

Я пожал плечами.

— Бизнес есть бизнес.

— Как мне надоела эта идиотская поговорка! Ладно, теперь убирайся отсюда!

Я послушно убрался из кабинета, спустился на лифте и покинул негостеприимный дом. Стоял приятный прохладный вечер, огромный шар луны то прятался за сверкающими металлическим блеском облаками, то представал во всей своей красоте.

Я отправился прямиком в клуб Френчи. Ясмин уже трудилась в поте лица, выделывая на сцене совершенно невероятные номера.

У самого края стойки я увидел Френчи. Он поманил меня к себе. Хозяин был массивным мужчиной, в его шкуру свободно влезла бы парочка отборных марсельских громил, к тому же он обладал потрясающей пышной черной бородой, по сравнению с которой моя выглядела как подростковый пушок. Френчи блеснул своими страстными черными глазами.

— Ну, что еще случилось?

— Слушай-ка, — сказал я, — я должен поговорить о важном деле с Ясмин.

Френчи покачал головой.

— Твоя девочка сейчас работает. Ох, какая грация!

Я сел за столик и заказал две порции круглолицей болтливой помощнице Френчи по имени Далия. Я знал ее уже много лет. Далия, Френчи и Чирига считались по праву чем-то вроде пионеров-первопроходцев: они обосновались здесь в незапамятные времена, когда по Улице просто гоняли овец из одного конца Будайина в другой, а наш квартал еще не отгородили от остального города стеной и не облагодетельствовали собственным кладбищем.

Наконец Ясмин закончила выступление и подошла ко мне. Она пристроилась рядом, вся взмыленная, словно пробежала не меньше километра.

— Надо поговорить, — сказал я.

Ясмин вздохнула и с тревогой посмотрела на меня. Потом быстро вытерла лицо чистым полотенцем. Наверное, мои слова прозвучали слишком мрачно. Я рассказал обо всем, что случилось за прошедший вечер. Когда я закончил рассказ, то обнаружил, что у меня есть слушатели, помимо Ясмин.

— И ты это сделаешь? — спросил Френчи.

— Ты все-таки *вставишь* себе розетку? — ахнула Ясмин.

— Ты что, рехнулся, Марид? — сказала Далия. Она была одной из немногих настоящих консерваторов, обитающих в нашем квартале. — Подумай только, во что эта штука превращает людей!

— А во *что* она превращает людей?! — вскричала, разъярившись, Ясмин, постукивая по своему моднку.

— Ой, извини, извини... — Далия торопливо отошла к самому дальнему концу стойки и стала энергично тереть поверхность тряпкой, делая вид, что ликвидирует несуществующую лужицу пролитого пива.

— Представь себе, какие штуки мы сможем проделывать, — мечтательно произнесла Ясмин.

— Может, я недостаточно хорош сам по себе...

Ясмин опешила.

— Что ты, Марид, ты не так понял... Я просто хотела...

— Ну ладно, это твои проблемы, — сказал Френчи. — Не мое дело. Пойду подсчитаю, сколько заработал за сегодняшнюю ночь. — Он исчез за ветхим занавесом золотистого цвета, скрывавшим за собой гримерную и его «кабинет».

Я встал, попрощался с Ясмин, пожелал доброй ночи Далии и вышел наружу.

Я направился вниз по Улице к «Серебряной ладони», просто посмотреть, что там делается. Махмуд и Жак сидели за столиком и пили кофе.

— Разреши угостить тебя кофе, — любезно предложил Жак.

— Хвала Аллаху. Честно говоря, предпочел бы что-нибудь покрепче.

— Что ж, как хочешь, тогда угощайся сам. — Жак повернулся к Махмуду. — Ведь у Марида денег сейчас больше, чем у нас двоих вместе взятых. Он стал доверенным человеком Папы.

Вот эта сплетня мне очень не понравилась... Я подошел к бару и заказал свою обычную смесь. Хейди, сегодня работавшая за стойкой, скорчила гримаску, но промолчала.

Я все еще дожидался выпивки, когда неподалеку раздался знакомый до боли голос: «Мартини. Довоенный вольфшмидт. Не забудьте лимонную корочку, милая».

Так, так... Легок на помине. Я дождался своей выпивки, заплатил Хейди и повертел стакан в руке. Барменша принесла сдачу, и я подарил ей целый киам. Благодарная Хейди затеяла какой-то вежливый разговор, но я довольно грубо прервал ее: сейчас меня больше всего волновал мистер Мартини Лимонная Корочка.

Я взял свой стакан и отошел от стойки, чтобы как следует рассмотреть Джеймса Бонда. Он в точности соответствовал описаниям Яна Флеминга: черные волосы с пробором, длинная прядь почти закрывает правый глаз, по правой щеке вьется полоска шрама. Черные прямые брови, довольно длинный прямой нос, коротковатая верхняя губа. Ничем не примечательный рот, но каким-то образом он придавал лицу выражение холодной жестокости. В целом стоящий рядом человек производил впечатление безжалостного, неумолимого и опасного субъекта. Что ж, он наверняка заплатил хирургам целое состояние за то, чтобы в результате производить именно такое впечатление. Бонд поймал мой взгляд и улыбнулся. Возле глаз знаменитого стального цвета появились тонкие морщинки. Интересно, помнит ли он нашу предыдущую встречу?

Он расплатился за мартини и направился ко мне, протянув руку.

— Приятно снова встретить тебя, старина, — произнес Бонд.

Я обменялся с ним рукопожатиями.

— Не думаю, что когда-либо имел честь познакомиться с уважаемым господином, — сказал я по-арабски.

Бонд ответил на безупречном французском.

— Другой бар, иные обстоятельства... Особого значения все это не имело. В конце концов инцидент завершился удовлетворительно.

Да, вполне удовлетворительно, — с его точки зрения. Мертвый русский сейчас свою точку зрения высказать не мог.

— С вашего разрешения, меня ждут друзья, — произнес я извиняющимся тоном.

Бонд чуть приподнял уголок рта в своей знаменитой циничной усмешке. Он ответил мне на великолепном арабском, причем распространенном здесь диалекте, процитировав нашу поговорку.

— То, что умерло, навеки ушло, — объявил он, пожав плечами.

Я не очень понял, что хотел сказать Бонд: то ли нечто вроде «что было, то прошло, забудем об этом», то ли советовал для моего же блага забыть обо всех недавних убийствах. Потом я вспомнил, что передо мной не настоящий Бонд, а человек, нацепивший модик, скорее всего, с приставкой — училкой арабского языка. Я вернулся к столику, где по-прежнему сидели Махмуд и Жак, и выбрал место так, чтобы просматривался весь бар, особенно выход. Тем временем Бонд успел выпить свой мартини и собирался покинуть «Серебряную ладонь». Я неуверенно огляделся. Что делать? Сумею я с ним справиться без помощи модика и училок? К тому же я без оружия. Стоит ли вообще переходить к активным действиям без всякой подготовки? Однако Фридландер-Бей наверняка посчитает, что я упустил возможность нанести удар по противнику...

Я решил проследить за Бондом. Оставив нетронутой выпивку, ничего не объяснив друзьям, я поднялся и вышел вслед за «агентом» из бара. И успел вовремя — Бонд как раз заворачивал в один из темных переулков. Я осторожно пересек улицу и заглянул за угол дома. Увы, моя осторожность оказалась явно недостаточной, потому что Бонд как сквозь землю провалился. Деваться ему было некуда, оставалось одно: «суперагент» зашел в один из низеньких белых домиков с плоскими крышами, выстроившихся по обе стороны переулка. Немного разочарованный, я повернулся, чтобы возвратиться в бар, и вдруг затылок за левым ухом обожгла ослепительная вспышка боли. Я рухнул на колени. Сильная загорелая рука скомкала джеллабу на груди и заставила вновь подняться. Бормоча проклятия, я занес кулак; нападавший рубанул ребром ладони по плечу, и рука бессильно повисла.

Джеймс Бонд негромко рассмеялся.

— Каждый раз, когда в ваше невообразимо грязное, примитивное питейное заведение заходит прилично одетый европеец, кому-то из аборигенов обязательно приходит в голову, что можно спокойно подойти сзади и избавить джентльмена от бумажника. Что ж, дружок, иногда вы натыкаетесь на европейца, которого непросто застать врасплох.

Он хлестнул меня ладонью по лицу — не очень сильно — и отшвырнул к стене. Я прижался к холодному шершавому камню.

Бонд подарил мне на прощание хищную ухмылку и, не оглядываясь, пошел прочь. Он явно решил, что такой мешок дерьма, как я, не представляет опасности.

Самое неприятное, что он прав.

11.

Пятницу и субботу я назначил днями отдыха и восстановления сил. За последнее время мое бедное тело получило множество синяков и ушибов от массы людей, включая друзей, знакомых, а также типов, с которыми я вскорости очень надеялся повстречаться где-нибудь в темном переулке.

Я был свободен от дел, от друзей, от Ясмин, которая ушла, хлопнув дверью, потому что я ни в какую не желал вставлять розетку. В комнате остались я и мои мысли. Джеймс Бонд... Воспоминание о нем вызвало целую цепную реакцию, и в результате прояснилось значение одной детали, которая накрепко засела в памяти и не давала покоя уже несколько дней. Я вспомнил свой последний визит к лейтенанту Оккингу, его подчеркнуто прохладное отношение к моим теориям и к предложению Фридландер-Бея. На первый взгляд, в его поведении не было ничего необычного: Оккинг очень не любит, когда лезут в его дела. Но сейчас важны не особенности характера лейтенанта полиции, а то, что я увидел в его кабинете.

На одном из конвертов, лежащих на столе, значился адрес: «Юниверсал экспортс». Мучаясь от скуки в ожидании прихода Оккинга, я пытался угадать, кто хозяин этой компании (например, Сейполт). Но название было настолько обычным,

настолько распространенным, что в мире, наверное, существовало не меньше тысячи компаний с таким именем. Может, Оккинг просто-напросто отправил заказ на плетеную мебель для своего загородного домика.

Именно потрясающая ординарность названия заставила М. (таинственного начальника спецотдела МИ-5, которому подчинялся Джеймс Бонд в романах Флеминга) выбрать его как прикрытие для своей организации. Я никогда бы не обратил на него внимания, если бы оно не упоминалось у Флеминга. А вдруг это шифр, обозначающий человека с модиком Бонда? Эх, жаль, что я не запомнил весь адрес...

Да, кстати... Я подскочил, охваченный новым приступом вдохновения. Если в моих дедуктивных изысках есть хоть доля истины, почему конверт лежал в ящике для *исходящих* бумаг? Ладно, не стоит так волноваться и прыгать, как кузнечик. Скорее всего, я ищу мед там, где не водятся пчелы. И все же стало страшно: я чуял, что меня, помимо моей воли, втягивают в какой-то извилистый лабиринт, где повсюду таится смерть.

Пора действовать. Надо поскорее встать, иначе я так и не стряхну с себя страх и оцепенение. У меня осталось девяносто киамов; на них можно купить приличное снотворное и хоть немного выспаться.

Я накинул на себя джеллабу (которая уже потеряла свою девственную чистоту), взял сумку и быстро спустился по лестнице.

В логове Джо-Мамы я купил шесть пилюлек у второй барменши, некоей Роки, здоровенной бабы с короткими колючими черными волосами. Роки заломила несусветную цену, но мне уже было все равно, и я ее обрадовал. Она предложила мне кружку пива за счет заведения, чтобы запить их, но я сказал ей, что пойду домой, проглочу пилюльки и сразу же в постель.

— Да, вот это правильно, — заметила Джо-Мама, — сразу в постельку! К понедельнику тебе надо быть свеженьким, дорогуша, чтобы тебе наконец продырявили черепушку.

Я закрыл глаза.

— Откуда тебе это известно? — спросил я, с трудом ворочая языком.

Джо-Мама посмотрела на меня, пытаясь изобразить на лице обиженное выражение.

— Да это все знают, Марид. Правда ведь, Роки? Только вот верят с трудом. Ну сам понимаешь... Чтобы ты позволил всадить проволоку себе в мозги — разве такое возможно!

— Давай-ка обещанное пиво, — сказал я устало. Роки нацедила мне кружку; непонятно только, даром меня поят или придется платить.

— За счет заведения, — великодушно напомнила Джо-Мама.

— Спасибо, Мама, — ответил я, жадно отхлебнув из кружки.

— Ага, вот ты где! — завопила Ясмин, врываясь в бар и злобно замахиваясь на меня сумкой. Я наклонил голову, так что удар пришелся по столу.

— Какого черта... — начал я.

— Ну-ка, ребятки, переносите свои разборки на улицу, — машинально произнесла Джо-Мама. Эта фраза — первое предупреждение зачинщикам беспорядков. Она явно удивилась не меньше, чем я.

Ясмин не была расположена слушать кого бы то ни было. Она схватила меня за руку (сил у нее не меньше, чем у меня), сдавила запястье, словно наручниками.

— Ну-ка пошли, ты, недоносок, — прошипела она.

— Ясмин, ради Бога, заткнись и оставь меня в покое, — сказал я.

Джо-Мама медленно поднялась: вежливое второе предупреждение, но Ясмин не обратила на хозяйку никакого внимания. Она все еще держала меня, как в клещах, потом потянула за руку.

— Пойдешь со мной, — угрожающе произнесла она, — я должна кое-что тебе показать.

Ясмин, схватив свою сумку, ногой распахнула дверь. Я поглядел на Роки, красноречиво подняв брови. Джо-Мама довольно улыбалась. Еще бы, из этого (после соответствующей обработки) получится замечательная сплетня — лучшая в ее богатом репертуаре.

Я вышел вслед за Ясмин. Она повернулась ко мне, но не успела ничего сказать — я крепко схватил ее правой рукой за горло и, приподняв, прижал к древней кирпичной стене. Девочке больно? Что ж, тем лучше!

— Ты никогда больше такого не сделаешь, — произнес я обманчиво мягким голосом. — Ясно?

Тогда Ясмин зарыдала. У меня сразу упало сердце.

— Марид, — шептала Ясмин в промежутках между рыданиями.

Я обнял ее.

Что тут сказать? Мы крепко прижались друг к другу; Ясмин заливалась слезами, да и я тоже охотно поплакал бы немного. Так мы стояли неподвижно целых пять (или десять, или пятнадцать?) минут... Мимо проходили люди, старательно делая вид, что нас не замечают. Джо-Мама приоткрыла дверь, высунула голову и сразу же нырнула обратно. Минуту спустя, словно случайно, просто полюбоваться на прохожих, которых почти не было на этой темной улице, выглянула Роки. Мне было наплевать. Я ни о чем не думал, ничего не чувствовал, просто прижимал к себе Ясмин, а она обвила меня руками...

— Я тебя люблю, — наконец пробормотал я.

Это самые лучшие слова, если, конечно, произнести их в подходящий момент. Мы взялись за руки и медленно побрели через весь Будайин. Сначала мне показалось, что мы просто прогуливаемся, но через несколько минут я понял, что Ясмин куда-то меня ведет. Меня почему-то не покидала уверенность, что мне не хочется увидеть то, что она желает продемонстрировать.

Труп был засунут в один из больших пластиковых мешков для мусора. Кто-то разбросал вокруг такие же мешки и другую тару, и тот, в котором лежала Никки, разрезали, так что она раскинулась прямо на мокрых грязных камнях, покрывавших узкий тупичок.

— Это ты виноват! Ты! — всхлипнула Ясмин. — Потому что не очень-то старался ее найти.

Выпустив руку Ясмин, я встал на колени возле трупа. Никки была вся в крови, ярко выделявшейся на фоне темно-зеленого мешка и серых замшелых камней мостовой.

— Ясмин, детка, — сказал я. — Наверное, тебе не очень хочется смотреть на все это. Может быть, позвонишь Оккингу, а потом отправишься домой? Я скоро вернусь.

— Ладно, — согласилась Ясмин, улыбнувшись сквозь слезы. Главное, что мы не поссорились всерьез.

Еще немного усилий — и наша любовь будет совсем как новенькая; может быть, станет даже крепче. По крайней мере, я на это надеялся.

— Как ты узнала, что она здесь? — спросил я.

— Тело нашла одна из наших девочек,— объяснила Ясмин. — Она проходит здесь, когда идет на работу.

Я кивнул и постоял немного, глядя, как Ясмин медленно бредет к ярким огням Улицы. Потом

снова повернулся к изуродованному телу Никки. У нее было перерезано горло, на запястьях и шее багровые отметины — следы ожогов, а еще порезы и колотые раны по всему телу.

Одежда и сумка Никки тоже были засунуты в мешок. Я внимательно осмотрел все тряпки, но ничего не нашел. Достал сумку Никки. Два предмета, найденных там, заслуживали самого пристального внимания: медное изображение скарабея, которое я видел в доме Сейполта, и грубо сработанный модик, похожий на самоделку. Я положил находки в свою сумку, выбрал из наваленных вокруг мешков наимение вонючий и употребил его вместо молитвенного коврика. Я вознес молитву Аллаху за душу Никки и стал ждать озарения.

— Ну ладно, — наконец тихо произнес я, оглядывая зловонный тупичок, где нашла успокоение и последний приют моя подруга. — Утром я подправлю себе мозги. Мактуб. Пусть будет так. Решено.

12.

Почти все мусульмане по природе своей подвержены суевериям. На пути юдоли слез — земле, сотворенной Аллахом, нас сопровождают всевозможные джинны, ифриты, ангелы и шайтаны.

Одно из суеверий, распространенных среди некоторых мусульман, особенно кочевых племен и прозябающих в дикости феллахов Магриба (родственников моей матери) — это обычай называть новорожденного младенца словом, обозначающим какое-нибудь несчастье или вообще что-то скверное, чтобы предохранить от зависти злого духа или колдуньи. Мне однажды сказали, что так поступают во всем мире, даже в тех местах, где никогда не слышали о нашем Пророке, да благословит его Аллах. Меня назвали Марид, что означает «больной», в надежде, что я не буду болеть. Вроде бы подействовало. У меня удалили воспаленный аппендикс несколько лет назад, но ведь это обычная, рутинная операция, и других проблем со здоровьем пока не было. Думаю, я обязан подобному везению передовым методам лечения. Но кто знает? Хвала Аллаху, Милостивому, Милосердному, Повелителю Миров!

Так что я не стал завсегдатаем больниц. Поэтому, когда я очнулся, понадобилось немало времени, чтобы осознать, где я, а потом еще столько же, чтобы понять, какого черта я нахожусь в таком приятном месте. Я открыл глаза: вокруг расстилался лишь сероватый туман.

Я моргал снова и снова, но веки словно залепили песком, смешанным с медом. Попытался поднять руку, прижатую к сердцу, чтобы протереть глаза, но почувствовал страшную слабость; преодолеть расстояние от груди до лица оказалось невозможным. Я снова моргнул и прищурился. В конце концов удалось разглядеть двух субъектов в белых халатах, стоящих в ногах моей кровати. Один из них — совсем молодой, чернобородый, с приятным звучным голосом — держал больничную карту и инструктировал своего коллегу.

— Господин Одран не доставит особого беспокойства.

Второй был намного старше, с седыми волосами и хриплым голосом. Он кивнул.

— Медикаменты?

Чернобородый нахмурился.

— Это особый случай. Он может получать все, что пожелает, разумеется, с разрешения врачей. Но, как я понимаю, врачи дадут разрешение сразу, как только парень попросит. В любое время.

Седоволосый возмущенно фыркнул.

— Он что, победитель какого-нибудь конкурса? Бесплатный отдых в больнице плюс любые, самые дорогие наркотики?

— Говори потише, Али. Он вполне может тебя слышать. Не знаю, кто он такой, но у нас с ним обращаются, как с заморским принцем или кем-то в этом роде. Лекарства, затраченные на то, чтобы он не почувствовал ни малейшего неудобства, могли бы избавить от боли дюжину страдальцев в палате для бедных.

Естественно, я сразу почувствовал себя грязной свиньей. Я ведь не просил, чтобы со мной обращались подобным образом. Надо положить этому конец, и чем скорее, тем лучше. Мне совсем не хотелось играть роль шейха.

Чернобородый продолжил, уставившись в карту.

— Господина Одрана положили к нам для того, чтобы сделать очень сложную внутричерепную операцию. Круговые имплантации и, насколько я понимаю, экспериментальные. Могут быть неожиданные побочные эффекты.

У меня немного засосало под ложечкой. Какие еще побочные эффекты? Никто раньше даже не упоминал об этом.

— Сегодня же вечером посмотрю его карту, — сказал седоволосый.

...Наверное, я задремал, потому что когда дверь открылась снова, внезапно проснулся, разбуженный шумом. Я ожидал увидеть чернобородого, но вместо него вошел молодой человек в зеленом хирургическом комбинезоне. Сильный загар, блестящие карие глаза и самые пышные черные усы, которые мне когда-либо доводилось видеть. Я представил себе, как доктор запихивает их под хирургическую маску перед операцией, и улыбнулся. Он был турком. Я с трудом разбирал его речь, когда он говорил по-арабски, и врач тоже еле-еле понимал меня.

— Как мы себя сегодня чувствуем? — спросил он, не глядя на меня. Просмотрел карту, потом повернулся к приборам рядом с кроватью, нажал на какие-то клавиши, и на экранах начало меняться изображение. Врач словно воды в рот набрал: не цокал языком, что часто делают лекари, желая показать, как сильно их беспокоит здоровье пациента, не гудел себе под нос, чтобы вселить бодрость. Глядя на сменяющиеся ряды цифр на дисплее, он молча подкручивал кончики своих необыкновенных усов. Наконец обернулся ко мне и спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — бесцветным голосом произнес я.

— Головокружение? Онемение рук или ног? Какие-нибудь необычные ощущения — яркий свет, громкие голоса, галлюцинации, что-нибудь вроде этого?

Галлюцинации? Я бы не признался в этом, даже если бы испытывал что-либо подобное.

— Ну что же, у вас все в порядке, господин Одран.

— Хвала Аллаху. Сколько я уже здесь нахожусь?

Доктор искоса взглянул на меня, потом снова посмотрел в карту.

— Чуть больше двух недель.

— Когда мне сделали операцию?

— Пятнадцать дней назад. До этого вы двое суток находились в больнице: мы готовили вас к операции.

— Понятно.

До конца рамадана осталось меньше недели. Интересно, что случилось в городе в мое отсутствие. Я искренне надеялся, что хотя бы несколько друзей и знакомых остались в живых. А если что-нибудь стряслось — убийство, например?

— Скажите, господин Одран, вы помните, что произошло перед тем как вас прооперировали?

Вопрос не из легких. Я задумался: это было все равно что нырнуть в скопление штормовых обла-

ков, где таились страх, отчаяние, мрачные предчувствия... Последнее, что ясно стоит у меня перед глазами...

Никки!

— Моя знакомая, — сказал я. Сразу сжало горло и пересохло во рту.

— Та, которую убили? — спросил доктор.

— Да.

— Это произошло почти три недели назад. Больше ничего не помните с того времени?

— Нет. Ничего.

— Значит, вы не помните нашу первую встречу? Нашу беседу?

Мозг словно окутали непроницаемо черные грозовые облака: нулевая видимость.

— Очень жаль, но я ничего не помню.

Врач кивнул.

— Мое имя — Еникнани, доктор Еникнани. Я ассистировал во время операции вашему хирургу, доктору Лисану. За последние несколько дней к вам постепенно начала возвращаться память. Но если от вас еще ускользает содержание нашей беседы, очень важно, чтобы мы поговорили снова.

Мне хотелось спать. Я устало потер глаза.

— Если вы сейчас скажете что-нибудь, я, наверное, снова все забуду, и придется вам повторить лекцию завтра или послезавтра.

Доктор Еникнани пожал плечами.

— Возможно, вам больше нечего делать, а мне достаточно хорошо платят, чтобы я добросовестно выполнял свой долг. Ваш... патрон, — сказал он, тщательно выбирая слова, — особо настаивал на том, чтобы вам сделали как можно более полную внутричерепную ретикуляцию. Поэтому операцию проводил сам доктор Лисан: он лучший нейрохирург у нас в городе и заслужил широкое признание во всем мире. Многие приспособления, которые он применил в вашем случае, изобретены или усовершенствованы лично им; он также использовал несколько новых методов. Когда снимут все повязки, вы увидите, что мы сделали вам два устройства для ввода модулей; одно спереди, другое сзади, ближе к затылку.

— Два? Никогда раньше не слышал о подобном.

— Да. Доктор Лисан решил сделать вам двойную имплантацию.

Так жестоко нагружать мой слабый мозг — все равно, что поставить на арбу ракету в качестве мотора — арба все равно не полетит. Я закрыл глаза. Никогда в жизни не был так напуган. Начал читать про себя Фатиху, первую суру Благородного Корана, которая приходит мне в голову в экстремальных ситуациях и обычно успокаивает и придает сил. Это мусульманский эквивалент христианской «Отче Наш». Потом, открыв глаза, снова уставился на свое отражение. Страх все еще не отпускал меня, но по крайней мере, теперь на небесах были в курсе, и с этого момента я собираюсь воспринимать все, что бы со мной ни случилось, как волю Аллаха.

— Значит, я смогу вставить два разных модика одновременно и чувствовать себя разными людьми, так?

Доктор Еникнани нахмурился.

— Нет, господин Одран, ко второму устройству можно будет подключать различные обучающие приставки, но не модуль. Нельзя использовать одновременно два различных личностных модуля. Это может привести к тому, что оба полушария и мозжечок будут годны разве на то, чтобы высушить их и сделать из черепа пресс-папье. Мы вживили вам добавочный ввод, как просил нас... (тут он едва не проявил неосторожность, упомянув имя Папы)... как указал нам ваш патрон.

Доктор на мгновение запнулся.

— Как вы будете применять эти устройства, выйдя из больницы, это, конечно, ваше личное дело. Помните только, что вы сейчас получили прямой контакт со своей центральной нервной системой и можете на нее непосредственно воздействовать. Это не то, что проглотить несколько пилюлек и бегать по городу до тех пор, пока их действие не кончится! Если используете вживленные устройства не так, как надо, ваши действия могут иметь необратимые последствия. Повторяю: *необратимые* и ужасные последствия для вашего здоровья.

О'кей, все понятно, док! Я подчинился желаниям Папы и остальных доброжелателей: вставил розетку в мозг. Милый старый доктор-праведник Еникнани, однако, сумел нагнать на меня страху, и, лежа в своей палате, я решил, что, по крайней мере, никому не обещал использовать проклятые розетки. Поэтому как только поправлюсь, выйду из больницы, отправлюсь домой и забуду про дьявольские устройства: займусь своими обычными делами, буду жить так, словно ничего не произошло.

— Итак, — провозгласил доктор Еникнани уже в мажорной тональности, — после этого небольшого предупреждения вам, наверное, не терпится выяснить, на что способны ваши модифицированные тело и мозг?

— Еще бы, — отозвался я без особого энтузиазма.

— Стоит лишь зайти в любой магазин по продаже модулей, и вы станете, скажем, самим Салах ад-Дином, легендарным султаном и великим героем ислама*, или превратитесь в сказочного султана Шахрияра, чтобы сполна насладиться обществом прекрасной жены-рассказчицы и других персонажей «Тысячи и одной ночи». Имплантированное вам второе устройство для ввода модулей способно также принять до шести приставок.

— Но в этом нет ничего необычного или особенного, — оборвал я.

— Прежде чем объяснить, что я имею в виду, давайте разберемся, какие именно «экспериментальные штучки» вы приобрели. Специальные приставки воздействуют на участки, отвечающие за другие важнейшие функции мозга.

Он взял черный фломастер и схематично изобразил на листке бумаги мозг.

— Сначала мы ввели в ваш таламус сверхтонкую серебряную проволоку, покрытую пластиком. Благодаря этому вы сможете подсоединять уникальную обучающую программу, которой мы вас снабдим, и с ее помощью «отключать» участки, принимающие сигналы от органов чувств. Если, например, требуется сконцентрировать внимание на чем-то одном, можно просто блокировать любые отвлекающие факторы: запах, звук, вкус, зрение...

Я восхищенно поднял брови.

— Да, нетрудно представить себе, какую пользу может принести эта штука...

Доктор Еникнани улыбнулся.

— «Эта штука» — лишь десятая часть способностей, которыми мы наделили вас, господин Одран. К другим участкам также проведены проводки. Возле таламуса, в самом центре мозга, расположен гипоталамус — маленький участок, который, однако, отвечает за множество жизненно важных функций организма. Вы сможете, если захотите, контролировать, изменять и полностью блокировать их. Например, пожелав «убрать» чувство голода, вы, используя наружную приставку, полностью избавитесь от него, даже если наступит истощение. То же самое с ощущением жажды и боли. Вы будете регулировать температуру тела, тактильные ощущения, а также

** Салах ад-Дин (искаж. Саладин) — правитель и военачальник, нанесший серьезное поражение крестоносцам; его имя стало нарицательным.*

сексуальное возбуждение. И, наконец, на мой взгляд, важнейшее преимущество, — способность «отключать» усталость.

Я не шелохнувшись сидел на койке, завороженно уставившись на него, словно чудо-доктор только что распаковал яркую коробку и вынул оттуда настоящую лампу Алладина. Но доктор Еникнани никак не походил на джинна-раба волшебной лампы, а работа его не связана с магией, хотя, честно говоря, для меня все это было так же непостижимо, как заклинания.

— Вам будет намного легче запоминать и осмысливать новую информацию, овладевать новыми знаниями. Если потребуется, сможете изменять свои биочасы: засыпать, когда пожелаете, и просыпаться точно в установленное время. Провод, вживленный в гипофиз, обеспечит непрямой контроль над эндокринной системой, надпочечниками, вырабатывающими адреналин, и щитовидной железой. Терапевт позднее детально опишет вам, как с наибольшей эффективностью использовать преимущества подобного рода. Как видите, мы предоставили вам возможность полностью сконцентрироваться на выполнении своих задач, не отвлекаясь, дабы удовлетворить те или иные нужды организма. Разумеется, сказанное не означает, что вам теперь вообще не потребуются сон, питье, или не придется отправлять естественные потребности. Просто при желании можно блокировать настойчивые и весьма неприятные сигналы-предупреждения организма.

— Мой шеф позаботился, чтобы ничто не отвлекало меня от выполнения поставленной задачи, — подытожил я без особого восторга в голосе.

Доктор Еникнани тяжело вздохнул.

— Да, верно. Позаботился обо всем.

— Что-нибудь еще?

Он задумчиво пожевал губу.

— Да, но остальное вам подробно расскажет терапевт, кроме того, вам выдадут стандартный набор брошюр. Нужно еще, пожалуй, упомянуть вот о чем: вы сможете контролировать свою лимбическую систему, которая непосредственно влияет на эмоции. Эта одна из новых разработок доктора Лисана.

После этого доктор неожиданно наклонился и положил руку мне на плечо. Подобный жест сразу изменил тон разговора.

— Мистер Одран, — произнес он очень серьезно, глядя мне прямо в глаза, — я знаю, почему вы решились на операцию.

— Ага, — промычал я, с любопытством ожидая продолжения.

— Когда вы покинете госпиталь и начнете работу, ради успеха которой претерпели все тяготы, то изгоните из сердца страх. Смерть ожидает всех нас. От нее не скрыться, не убежать; смерть — благо, ибо это — врата, сквозь которые человек попадает в рай, да будет благословен его Создатель. Итак, исполняйте свой долг, господин Одран, и пусть не смущает ваш дух недостойный страх перед смертью!

Просто замечательно: мой врач оказался еще и мистиком-суфием! Я не знал, что сказать, и молча разглядывал его физиономию. Доктор сжал мое плечо и выпрямился.

— С вашего разрешения, — произнес он.

Доктор Еникнани покинул палату.

13.

Я видел доктора Еникнани каждый день, и он ни разу не забывал напомнить, что есть многое, чего следует бояться больше смерти. Доктор любил творчески развивать эту оригинальную мысль: такого ужасного зануду я еще не встречал! Его попытки успокоить встревоженную душу пациента приводили к обратному результату; доктору следовало бы ограничиться обычными медикаментозными средствами.

По прошествии нескольких дней стало ясно, как сильно ценит мое благополучие родной Будайин: даже если бы я умер и был погребен в новенькой мечети в Мекке или в какой-нибудь египетской пирамиде, воздвигнутой в мою честь, никто об этом и не узнал бы. Вот так друзья! Никто не удосужился навестить меня. Вопрос: как мне вообще пришло в голову рисковать ради таких крыс своей шкурой? Я задавал его себе снова и снова, но ответ всегда был один: потому что, кроме них, у тебя никого нет. Печально... Чем дольше я наблюдаю за поведением людей, тем больше радуюсь, что никогда не принимал их поступки близко к сердцу. Иначе можно свихнуться или повеситься с тоски...

Подошел конец рамадана, а с ним и праздник — пир, знаменующий завершение поста. Жалко было пропускать его, потому что этот день — ид аль-фитр — для меня один из самых светлых в году. Я всегда праздновал конец поста, поглощая горы «ата-иф» — лепешек, пропитанных сиропом, с густым кремом наверху, обсыпанных тертым миндалем, сбрызнутых водой, настоенной на апельсиновых корках. Вместо них меня угостили на прощание парочкой уколов соннеина. И вот, наконец, некий религиозный лидер города объявил, что узрел молодой серпик луны, а стало быть, начался новый месяц, и жизни разрешается вернуться в обычное русло.

Именно в этот день меня поутру разбудили возгласом:

— К вам посетитель, господин Одран!

Посетитель? Нет, тут какая-то ошибка. Я умер и похоронен где-то на величественной вершине горы.

— О мой проницательный друг, ты прекрасно выглядишь! На мясистой физиономии Хассана красовалась плохо приклеенная неискренняя улыбка, придающая лицу ханжески-елейное выражение. Она не обманет даже самого доверчивого и тупого туриста.

— Все в руках Всемогущего, — ответил я неуверенно.

— Да-да, восхвалим Аллаха. Очень скоро ты совсем поправишься, иншалла.

Я не потрудился ответить. Хорошо уже, что он не уселся на мою койку!

— Знай, о мой возлюбленный племянник: Будайин погружен в печаль без тебя, чье присутствие несет радость нашим уставшим душам.

— Я уже понял это, — ответил я, — получив целый поток открыток и писем. И еще одно свидетельство: толпы друзей, заполнивших коридоры больницы и жаждущих увидеть меня или хотя бы узнать, как я себя чувствую. Не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность!

— Правоверный не ждет благодарности...

— ...когда исполняет долг милосердия. Знаю, Хассан. Что еще?

Шиит выглядел слегка смущенным.

— Я очень рад, что сегодня вечером ты снова будешь среди нас.

Я вздрогнул.

— Неужели?

Он воздел жирную руку.

— Разве я ошибаюсь? Тебя выписывают после полудня. Фридландер-Бей послал меня, чтобы известить: ты должен нанести ему визит, когда почувствуешь себя лучше.

— Я даже не знал, что меня собираются выписывать, и уж точно не ожидал встретиться с Фридландер-Беем завтра.

Хассан изобразил страшное огорчение. Ему совсем не понравились мои слова.

— Аллах йисаллимак, — пробормотал он и удалился...

Безмятежный покой, царивший в моей душе последние дни, кончился, его заменило чувство отвращения к собственной персоне. Вошел доктор Еникнани, он рассеянно взглянул на пометки медсестры.

— Меня выписывают? — спросил я.

Он посмотрел на меня ясными черными глазами.

— Что?.. А, да, выписывают. Врач уже оформил соответствующие бумаги. Пусть кто-нибудь приедет и заберет вас. Таковы больничные правила. Вы можете покинуть нас в любое время, когда пожелаете.

— Хвала Аллаху, — заметил я совершенно искренне. Странно, но факт.

— Хвала Аллаху, — отозвался доктор. Он посмотрел на пластиковую коробку с училками, лежащую на столике возле кровати. — Вы уже опробовали их?

— Да, — ответил я. Ложь.

— Что ж, хорошо, — сказал доктор Еникнани.

Он не пожелал мне удачи, поскольку судьба человека — в руках Аллаха. Всемогущий заранее знает, чем все кончится, поэтому проблема везения отпадает.

— Да пошлет тебе Аллах успешного завершения всех начинаний, — пожелал он.

Прекрасно сказано. Теперь, когда мы прощались, доктор определенно начал мне нравиться.

Мы пожали друг другу руки, и он ушел. Быстро одевшись, я попробовал связаться с Ясмин. Длинные гудки... Тогда я позвонил домой: может, она у меня. Опять никого... Пошла на работу? Еще нет двух часов. Я позвонил Френчи, но в баре ее пока не видели. Записку персоналу я оставлять не стал и вызвал такси.

Не знаю, что говорится на этот счет в больничных правилах, но меня, покидающего палату без сопровождающих, никто не остановил. Санитар отвез меня в кресле на колесиках вниз, и я сел в такси, сжимая сумку с личными вещами в одной руке и пакет с училками в другой. В душе моей царило смятение, но я не чувствовал ни радости, ни горя...

Придя домой, я повалился на кровать, туда, где часто спала Ясмин. Я все еще ощущал странную пустоту в голове, словно бессознательно ожидал, когда что-то явится и придаст смысл существованию, по крайней мере, намекнет, что делать. Часы показывали четыре. Я решил не откладывать самое трудное на потом. Лучше покончить с этим сразу.

Я встал, сунул пачку денег (несколько сот киамов) в карман, нашел ключи и спустился вниз. Ага, сразу зашевелились какие-то чувства... Правда, ощущение было не из приятных — холодный страх и предчувствие чего-то совсем мрачного, словно я сейчас взбираюсь по тридцати ступенькам на виселицу, и скоро шею сдавит петля, правда, пока невидимая. Я прошел к Восточным воротам и поискал Билла, безумного американца, но его, как назло, словно ветром сдуло. Пришлось сесть в другую машину.

— К дому Фридландер-Бея.

Наконец мы подъехали к логову Папы. Я расплатился и вылез. Я никому не сообщил, что буду здесь: возможно, Папа не ожидал увидеть меня раньше завтрашнего дня. Тем не менее его лакей открыл полированную дверь из красного дерева еще до того как я успел одолеть белую мраморную лестницу.

Он провел меня к кабинету Папы, в ту самую комнату, где я ожидал хозяина во время первого визита. Я присел, но потом вскочил и принялся беспокойно ходить взад-вперед. Черт, зачем я сюда пришел? Мне абсолютно нечего сказать Папе, кроме «здравствуйте, как поживаете»... Фридлан-дер-Бей умеет быть хорошим хозяином (когда это служит его целям), он не позволит гостю почувствовать себя неловко.

Пока я прокручивал все это в голове, дверь в кабинет открылась, и один из каменных истуканов жестом показал, что можно войти. Я прошел мимо него и очутился в обществе Папы. Он выглядел утомленным, словно занимался решением неотложных финансовых, политических, религиозных, юридических, военных вопросов (и что там еще назвать?) без передышки много часов подряд. На белой рубашке выделялись пятна пота, волосы растрепались, глаза покраснели от усталости. Когда Папа поднял руку, обращаясь к Булыжнику, она заметно дрожала.

— Кофе, — приказал он хрипловатым голосом. Потом повернулся ко мне. — Подойди, подойди к нам, племянник, сядь. Как ты себя чувствуешь? Хвала Аллаху, операция прошла успешно. Я получал доклады доктора Лисана. Он вполне доволен результатами. В этом отношении я тоже доволен, но, разумеется, истинным доказательством эффективности устройств будет их правильное использование.

Я молча кивнул. Булыжник принес кофе, и это дало мне несколько минут передышки.

Пока мы пили и перебрасывались пустыми фразами, я чувствовал на себе внимательный взгляд Папы. После второй порции я слегка покачал чашку, показывая, что больше не хочу. Кофе унесли; Папа прошептал что-то Булыжнику. Второй громила тоже вышел из комнаты. В первый раз меня оставили с Папой наедине. Я терпеливо ждал.

Старец напряженно думал о чем-то, сжав губы.

— Меня радует, что ты проникся моими заботами и согласился на операцию, — произнес он наконец.

— О шейх, — начал я. — Я...

Он сразу же поднял руку, прервав меня.

— Однако это не может решить наши проблемы. Увы, мой племянник, никак не может. Мне передавали также, что ты медлишь, не решаясь использовать в полном объеме способности, которыми мы тебя одарили. Ты полагаешь, что выполнил наше соглашение, модифицировав мозг, но не позволяешь устройствам работать.

— О шейх, мы еще даже не определили, кто наш враг. Разве без этого можно выбрать наилучший личностный модуль, чтобы он стал орудием мести?

Молчание. В моих ушах, словно удары колокола, отдавалось биение собственного сердца. Папа чуть приподнял брови, потом его лоб разгладился.

— Ты еще раз доказал, племянник, что мой выбор был точен. Ты прав. С чего же ты предлагаешь начать?

— О шейх, я начну с того, что укреплю сотрудничество с лейтенантом Оккингом и выужу все данные, собранные полицией.

Я не видел причин делиться с ним своими настоящими планами — присмотреться как следует к герру Луцу Сейполту. То, что я знал о Никки и ее смерти, придавало делу гораздо более зловещий смысл, чем соглашались признать Папа или Оккинг. У меня еще был модик, найденный в сумочке Никки. Я никому о нем не говорил. Надо определить, что он собой представляет. Молчал я также о кольце и скарабее.

...Мне потребовалось еще несколько минут, чтобы покинуть дом Фридландер-Бея; потом я никак не мог найти такси и в конце концов пошел пешком.

Вечером я забрел в ночной бар Чириги и присел у стойки. Ее самой нигде не было видно. За стойкой стояла Джамиля.

— А где Чири? — спросил я.

— Придет в десять. Хочешь чего-нибудь выпить?

— Бингара и джин со льдом.

Джамиля кивнула и повернулась, чтобы приготовить коктейль.

— Ой, — вспомнила она, — тебе звонили. Сейчас найду, я записала сообщение.

Я удивился. Кто это мог быть, и откуда он знал, что я зайду сюда сегодня вечером? Джамиля вернулась с коктейлем и бумажной салфеткой, на которой было нацарапано два слова. Я заплатил, и она молча ушла. «Позвони Оккингу». Очень подходящее начало для новоиспеченного супермена: не успел освоиться — и сразу таинственное задание! Нет покоя для грешных душ... Кажется, это станет моим девизом. Я отцепил телефон, пробормотал код Оккинга и стал ждать ответа.

— Алло, — прозвучало в трубке.

— Марид Одран.

— Отлично. В больнице сказали, что ты уже выписан. Тогда я связался с твоей подружкой, но тебя у нее не было; позвонил в кафе «Солас», где ты обычно ошиваешься, и там тебя не видели. Поэтому я оставил сообщения во всех местах, где ты бываешь. Жду тебя через полчаса.

Он продиктовал номер комнаты и адрес отеля, принадлежащего Содружеству Фландрии и расположенного в самом богатом квартале города. Никогда не был в этом отеле или даже поблизости от него. Там живет другой сорт людей.

— А что случилось? — спросил я.

— Убийство. Всплыло твое имя.

— Я знаю убитого?

— Да. Странное дело, как только ты лег в больницу, убийства прекратились. Ничего необычного уже почти три недели. И вот в день твоей выписки снова началось.

— Ладно, лейтенант, сознаюсь, ты меня поймал! Будь я поумнее, организовал бы парочку убийств, пока отлеживался в больнице, чтобы отвести от себя подозрения.

— Ну прямо герой преступного мира!

— Ты так и не сказал, кто жертва.

— Приезжай быстрее, — произнес он и бросил трубку.

Я залпом допил коктейль, оставил Джамиле полкиама чаевых и вышел наружу. Билла все еще не было на обычном месте. Я сторговался с другим таксистом, и мы помчались к отелю. Я сразу отправился в номер. У дверей меня остановил полицейский, стоящий за желтым барьером, ограживающим «место преступления». Я сообщил, что лейтенант Оккинг ждет меня. Узнав мое имя, легавый посторонился.

Комната походила на бойню. Всюду кровь: целые лужи крови на полу, кровавые подтеки на стенах, пятна на кровати, на стульях, бюро, кровь на ковре... Убийца не пожалел ни времени, ни сил, чтобы, расправляясь с очередной жертвой, так здорово расписать все вокруг кровью — прямо этюд в багровых тонах. Ни Джеймс Бонд, ни неведомый второй убийца никогда так не поступали. Либо появился уже третий маньяк, либо кто-то из наших знакомых обзавелся новым модиком. В любом случае все теории устарели. Только этого нам и не хватало...

Полицейские закончили упаковывать труп в пластиковый мешок, положили его на носилки и вынесли из комнаты. Я нашел лейтенанта.

— Так кого же, черт побери, прикончили сегодня? — спросил я.

Он впился в меня глазами, словно надеялся по реакции определить, виновен я или нет:

— Селиму.

Я сник, сразу нахлынула усталость...

— О Боже, Милостивый, Милосердный, — прошептал я. — Но зачем я здесь? Какое это имеет ко мне отношение?

— Ты ведешь расследование по заданию Фридлендер-Бея. И, кроме того, я хочу, чтобы ты заглянул в ванную.

— Зачем?

— Увидишь. Но предупреждаю, зрелище не из приятных.

После таких слов желание зайти в ванную сразу исчезло. Но пришлось подчиниться. Первое, что я увидел, — сердце, вырезанное из груди Селимы. Оно лежало в раковине. Мне стало дурно. Раковина была вся измазана темной кровью последней из «Черных Вдов». Потом я заметил размалеванное кровью зеркало над раковиной. Волнистые линии, геометрические узоры и плохо различимые символы. По-настоящему меня огорчили несколько слов в центре, выведенные расплывшимися буквами: «Одран, ты следующий».

Что знал обо мне безумный мясник? Какая связь между моей скромной персоной и чудовищным убийством Селимы и других сестер?

Произошло единственное в мире событие, которое могло заставить меня полностью капитулировать и использовать модули. С этой минуты любые средства хороши. Облагороженный цивилизацией инстинкт самосохранения. Я проклял гнусных палачей, вынудивших принять мучительное для меня решение.

14.

Первое, что я предпринял на следующий день, так это нанес визит в модшоп Лайлы на Четвертой улице. Как всегда, она выглядела жутко, но ее костюм претерпел некоторые изменения. Грязные редкие седые волосы были спрятаны под шапкой золотистых кудряшек, больше походившей на прабабушкин чехол для тостера, чем на парик. Лайла ничего не смогла сделать со своими желтушными глазами и черной кожей, но явно пыталась. Ее лицо покрывал такой толстый слой пудры, что, казалось, она побывала на мельнице. Яркие светло-вишневые пятна на щеках, светло-вишневые губы, даже глаза подведены вишневым. Такое впечатление, что тени, помада и румяна взяты из одной и той же банки. С засаленного шнурка свисали роскошные сверкающие пластиковые темные очки модели «глаз кошки»: видно, она тщательно выбирала их. О вставных зубах мадам не позаботилась, но зато сменила свою грязную черную рубаху на неприлично обтягивающее ее сногсшибательные формы вечернее платье потрясающего одуванчикового цвета, декольтированное и с разрезом. В довершение картины на ногах у нее красовались дешевые голубые шлепанцы с мехом.

— Лайла! — приветствовал я.

— О Марид! — Она попыталась сосредоточить на мне взгляд, но безуспешно. Стало быть, сегодня Лайла решила покорить посетителей собственным шармом; если она вставляла модик, ее реакции сразу обострялись. Жаль, с ней легче иметь дело, когда она воображает себя кем-то другим, но выбирать не приходилось.

— Вот, обзавелся своей розеткой.

— Слышала, слышала.

Она игриво захихикала — меня чуть не стошнило.

— Поможешь подобрать модик?

— А для чего именно он тебе нужен?

Я задумался. Насколько ей можно доверять?

Конечно, Лайла разболтает все первому же посетителю. С другой стороны, обычно никто не воспринимает ее всерьез.

— Я должен выполнить одно дело и обзавелся розетками, потому что работа может оказаться опасной. Мне нужен модик, способный максимально усилить способность к дедукции и предохранить от опасности. Что ты посоветуешь?

Она поплелась по проходу между полками, заглядывая в коробки, что-то бормоча себе под нос. Я не мог разобрать, что она говорит, поэтому просто стоял и ждал. Наконец Лайла повернулась ко мне с таким удивленным видом, словно не могла взять в толк, почему я еще здесь. Похоже, она забыла о чем ее просили, подумал я, но, к счастью, ошибся.

— А персонаж романов подойдет?

— Конечно, если он действительно профессионал.

Она пожала плечами, промямлила что-то неразборчивое, сжимая в когтистых пальцах упакованный в прозрачный пластик модик, потом протянула его мне.

— Вот, держи.

Я заколебался. Она всегда напоминала мне ведьму из диснеевской «Белоснежки» — и вот теперь старая злодейка хочет угостить меня отравленным яблоком!

— Кто это? — спросил я, с подозрением разглядывая модик.

— Ниро Вулф, — ответила она. — Гениальный детектив. Спец по убийствам. Не любил выходить из дома. Беготней и мордобоем занимался помощник.*

— Великолепно.

Вроде бы знакомая личность. Сомневаюсь, правда, что прочел хотя бы одну книгу про этого Вулфа.

— Тебе придется найти напарника, который собирал бы улики, — сказала она, передавая мне второй модик.

— Сколько с меня?

Она долго шевелила губами, пытаясь сложить в уме стоимость двух модиков.

— Семьдесят три, — проскулила она наконец. — Забудем о налоге.

Я отсчитал восемьдесят киамов, забрал сдачу и два модика. Она продолжала изучать меня, дергая головой, как заполошная курица.

Я некоторое время колебался, потом решился.

— Слушай, Лайла, у меня есть самодельный модик, хотелось бы узнать, что на нем записано.

— Ах, Боже, сэр, какой серьезный тон! — Она взяла у меня модик и небрежно повертела его в руках. — Нет ничего проще!

Она покрутила в руке мой таинственный модик и решительно вставила его в розетку в своей голове. Мускулы ее лица напряглись. И вдруг она рухнула на пол.

— Лайла! — крикнул я испуганно.

Лайла корчилась, изгибалась, принимала самые неестественные позы. Вытаращенные глаза уставились в пустоту, язык вывалился. Она издавала низким голосом странные звуки — полувзвизгиполурыдания, как будто ее безжалостно мучили и избивали без передышки много часов, и у нее не осталось сил даже кричать. Дыхание стало тяжелым, неглубоким, в горле хрипело. Пальцы, словно сухие черные скрюченные ветки, царапали голову в отчаянных попытках вытащить модик, но, похоже, она уже не контролировала работу собственных мускулов. Раздался ужасный вой, Лайла стала кататься по полу. Я не знал, как помочь ей. Если попробовать подойти поближе, она, как дикий зверь, вонзит в меня когти.

Да, страшная правда заключалась в том, что Лайла, вставив модик, перестала быть человеком. Тот, кто [illegible] ных, как палач любит свою жертву. Лайла сейчас вела себя, словно какой-то крупный зверь: не маленькая собачка или домашний кот, а разъяренный, доведенный до исступления, запертый в клетку, расчетливо истязаемый мучителями хищник. Она шипела, грызла ножки стульев, кидалась в мою сторону, угрожающе обнажив гнилые остатки зубов. Я неосторожно наклонился, и старуха с немыслимой для такой развалины быстротой метнулась ко мне. Я попытался выдернуть модик, но отскочил с тремя глубокими бороздами на руке. Наши взгляды встретились; она пригнулась, мускулы напряглись...

Испустив пронзительный вопль, Лайла прыгнула на меня, вытянув руки, чтобы вцепиться «когтями» в горло. Меня чуть не вырвало от этого зрелища. В любое другое время я бы шутя справился с ней одной рукой; сегодня мне угрожала смертельная опасность. Зверь, сидящий в мозгу старухи, не успокоится, ранив или загнав меня в угол. Он жаждет смерти.

Когда Лайла бросилась на меня, я отпрянул, размахивая руками, чтобы отвлечь ее внимание, словно матадор. Она пролетела мимо, врезалась в ящик, где хранились использованные училки, шлепнулась на спину и сразу же поджала ноги, приготовившись, словно тигр, разорвать мне живот когтями. Я поднял сжатый кулак и изо всех сил ударил ее по лицу. Глухо хрустнула кость; Лайла обмякла и рухнула прямо в ящик. Я наклонился, выдернул самодельный модик, положил в коробку с моими училками. Старуха быстро очнулась, но оставалась совершенно невменяемой: взгляд блуждал, она бормотала какой-то бред. Когда Лайла придет в норму, она наверняка очень расстроится... Я решил, что лучше подключить какой-нибудь модик; оглядевшись, снял с полки первое, что попалось под руку, содрал упаковку. Зто была какая-то обучающая программа, потому что к модику прилагались три училки. Что-то насчет того, как устраивать торжественные приемы для анатолийских чиновников. Что ж, Лайле наверняка будет интересно...

Я отцепил телефон и позвонил в больницу, где меня оперировали. Попросил позвать доктора Еникнани и, когда он наконец взял трубку, все рассказал. Он пообещал, что пошлет машину через пять минут и потребовал, чтобы я отдал опасный модик на исследование. Я предупредил: все, что они выяснят, должно храниться в тайне, нельзя делиться этой информацией не только с властями, но и с Папой. После продолжительного молчания доктор Еникнани решил согласиться. Он успел узнать меня и доверял больше, чем Оккингу и Фридландер-Бею вместе взятым.

«Скорая помощь» прибыла через двадцать минут. Я смотрел, как Лайлу осторожно положили на носилки и погрузили в машину. Я передал модик одному из врачей и сказал, чтобы он отдал его лично доктору Еникнани. Парень торопливо кивнул и влез в машину. «Скорая помощь» выехала из нашего квартала, увозя несчастную Лайлу навстречу ее судьбе, теперь всецело зависящей от жрецов медицинской науки... Я сжал в кулаке два купленных мной модика, запер дверь модшопа и постарался как можно быстрее убраться отсюда. Меня начала бить дрожь.

Черт знает, что именно мне удалось выяснить такой страшной ценой. Допустим, самодельный модик действительно принадлежал убийце. Носил он его сам или вставлял жертвам, чтобы насладить-

** Ниро Вулф и его помощник Арчи Гудвин — персонажи переведенных на русский язык романов одного из самых популярных американских детективных писателей Рекса Стаута.*

Конечно, Лайла разболтает все первому же посетителю. С другой стороны, обычно никто не воспринимает ее всерьез.

— Я должен выполнить одно дело и обзавелся розетками, потому что работа может оказаться опасной. Мне нужен модик, способный максимально усилить способность к дедукции и предохранить от опасности. Что ты посоветуешь?

Она поплелась по проходу между полками, заглядывая в коробки, что-то бормоча себе под нос. Я не мог разобрать, что она говорит, поэтому просто стоял и ждал. Наконец Лайла повернулась ко мне с таким удивленным видом, словно не могла взять в толк, почему я еще здесь. Похоже, она забыла о чем ее просили, подумал я, но, к счастью, ошибся.

— А персонаж романов подойдет?

— Конечно, если он действительно профессионал.

Она пожала плечами, промямлила что-то неразборчивое, сжимая в когтистых пальцах упакованный в прозрачный пластик модик, потом протянула его мне.

— Вот, держи.

Я заколебался. Она всегда напоминала мне ведьму из диснеевской «Белоснежки» — и вот теперь старая злодейка хочет угостить меня отравленным яблоком!

— Кто это? — спросил я, с подозрением разглядывая модик.

— Ниро Вулф, — ответила она. — Гениальный детектив. Спец по убийствам. Не любил выходить из дома. Беготней и мордобоем занимался помощник.*

— Великолепно.

Вроде бы знакомая личность. Сомневаюсь, правда, что прочел хотя бы одну книгу про этого Вулфа.

— Тебе придется найти напарника, который собирал бы улики, — сказала она, передавая мне второй модик.

— Сколько с меня?

Она долго шевелила губами, пытаясь сложить в уме стоимость двух модиков.

— Семьдесят три, — проскулила она наконец. — Забудем о налоге.

Я отсчитал восемьдесят киамов, забрал сдачу и два модика. Она продолжала изучать меня, дергая головой, как заполошная курица.

Я некоторое время колебался, потом решился.

— Слушай, Лайла, у меня есть самодельный модик, хотелось бы узнать, что на нем записано.

— Ах, Боже, сэр, какой серьезный тон! — Она взяла у меня модик и небрежно повертела его в руках. — Нет ничего проще!

Она покрутила в руке мой таинственный модик и решительно вставила его в розетку в своей голове. Мускулы ее лица напряглись. И вдруг она рухнула на пол.

— Лайла! — крикнул я испуганно.

Лайла корчилась, изгибалась, принимала самые неестественные позы. Вытаращенные глаза уставились в пустоту, язык вывалился. Она издавала низким голосом странные звуки — полувзвизгиполурыдания, как будто ее безжалостно мучили и избивали без передышки много часов, и у нее не осталось сил даже кричать. Дыхание стало тяжелым, неглубоким, в горле хрипело. Пальцы, словно сухие черные скрюченные ветки, царапали голову в отчаянных попытках вытащить модик, но, похоже, она уже не контролировала работу собственных мускулов. Раздался ужасный вой, Лайла стала кататься по полу. Я не знал, как помочь ей. Если попробовать подойти поближе, она, как дикий зверь, вонзит в меня когти.

Да, страшная правда заключалась в том, что Лайла, вставив модик, перестала быть человеком. Тот, кто его создал, наверное, очень любил животных, как палач любит свою жертву. Лайла сейчас вела себя, словно какой-то крупный зверь: не маленькая собачка или домашний кот, а разъяренный, доведенный до исступления, запертый в клетку, расчетливо истязаемый мучителями хищник. Она шипела, грызла ножки стульев, кидалась в мою сторону, угрожающе обнажив гнилые остатки зубов. Я неосторожно наклонился, и старуха с немыслимой для такой развалины быстротой метнулась ко мне. Я попытался выдернуть модик, но отскочил с тремя глубокими бороздами на руке. Наши взгляды встретились; она пригнулась, мускулы напряглись...

Испустив пронзительный вопль, Лайла прыгнула на меня, вытянув руки, чтобы вцепиться «когтями» в горло. Меня чуть не вырвало от этого зрелища. В любое другое время я бы шутя справился с ней одной рукой; сегодня мне угрожала смертельная опасность. Зверь, сидящий в мозгу старухи, не успокоится, ранив или загнав меня в угол. Он жаждет смерти.

Когда Лайла бросилась на меня, я отпрянул, размахивая руками, чтобы отвлечь ее внимание, словно матадор. Она пролетела мимо, врезалась в ящик, где хранились использованные училки, шлепнулась на спину и сразу же поджала ноги, приготовившись, словно тигр, разорвать мне живот когтями. Я поднял сжатый кулак и изо всех сил ударил ее по лицу. Глухо хрустнула кость; Лайла обмякла и рухнула прямо в ящик. Я наклонился, выдернул самодельный модик, положил в коробку с моими училками. Старуха быстро очнулась, но оставалась совершенно невменяемой: взгляд блуждал, она бормотала какой-то бред. Когда Лайла придет в норму, она наверняка очень расстроится... Я решил, что лучше подключить какой-нибудь модик; оглядевшись, снял с полки первое, что попалось под руку, содрал упаковку. Это была какая-то обучающая программа, потому что к модику прилагались три училки. Что-то насчет того, как устраивать торжественные приемы для анатолийских чиновников. Что ж, Лайле наверняка будет интересно...

Я отцепил телефон и позвонил в больницу, где меня оперировали. Попросил позвать доктора Еникнани и, когда он наконец взял трубку, все рассказал. Он пообещал, что пошлет машину через пять минут и потребовал, чтобы я отдал опасный модик на исследование. Я предупредил: все, что они выяснят, должно храниться в тайне, нельзя делиться этой информацией не только с властями, но и с Папой. После продолжительного молчания доктор Еникнани решил согласиться. Он успел узнать меня и доверял больше, чем Оккингу и Фридландер-Бею вместе взятым.

«Скорая помощь» прибыла через двадцать минут. Я смотрел, как Лайлу осторожно положили на носилки и погрузили в машину. Я передал модик одному из врачей и сказал, чтобы он отдал его лично доктору Еникнани. Парень торопливо кивнул и влез в машину. «Скорая помощь» выехала из нашего квартала, увозя несчастную Лайлу навстречу ее судьбе, теперь всецело зависящей от жрецов медицинской науки... Я сжал в кулаке два купленных мной модика, запер дверь модшопа и постарался как можно быстрее убраться отсюда. Меня начала бить дрожь.

Черт знает, что именно мне удалось выяснить такой страшной ценой. Допустим, самодельный модик действительно принадлежал убийце. Носил он его сам или вставлял жертвам, чтобы насладить-

** Ниро Вулф и его помощник Арчи Гудвин — персонажи переведенных на русский язык романов одного из самых популярных американских детективных писателей Рекса Стаута*

ся их страданиями? Выберем одно. Будет ли волк или, скажем, уссурийский тигр прижигать беспомощных людей сигаретой? Вряд ли... Правдоподобнее выглядит версия, что модик подключался к жертве — испуганной, разъяренной, но крепко связанной или скованной. Это объясняет израненные запястья: у Тами, Абдуллы и Никки были розетки.

Можно считать доказанным, что я ищу мерзавца, отличающегося весьма специфическим извращением, — чтобы по-настоящему возбудиться, ему надо было созерцать разъяренного хищника, в панике мечущегося по клетке. На секунду в мозгу снова мелькнула соблазнительная мысль подать в отставку, плюнув на последствия.

Вместо этого я отправился домой и вставил модик Ниро Вулфа.

* * *

Первое впечатление чуть было не повергло его в панику: Одрана внезапно поглотила фантастическая гора плоти. Ниро Вулф весил одну седьмую тонны, двести восемьдесят фунтов или даже больше. Все органы чувств Одрана под воздействием модуля свидетельствовали, что он за какую-то долю секунды поправился на сто тридцать фунтов. Задыхаясь, Одран упал на пол. Его предупреждали, что, прежде чем мозг адаптируется к личностному модулю, будь это запись с живого человека либо искусственно созданный образ, должно пройти какое-то время. Нервная система, мускулы Одрана не способны были адаптироваться в новых условиях сразу, им требовалось время. Теперь Мариду придется разгуливать походкой Вулфа, жестикулировать так же, как он, усаживать воображаемое дородное тело с осторожностью и заботой живущего в нем персонажа книги. Потрясение оказалось гораздо сильнее, чем ожидал Марид.

Минуту спустя Вулф услышал голос молодой женщины. Она казалась чем-то обеспокоенной. Одран все еще корчился на полу, пытаясь подняться и восстановить дыхание.

— Что с вами? — хотела знать женщина.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, мисс Наблузи, — ответил он.

Вулф медленно сел, и она подошла, чтобы помочь ему подняться на ноги. Он нетерпеливо отмахнулся, но все же, вставая, оперся на нее.

Придуманные создателями модика в соответствии с романами Стаута воспоминания Вулфа смешались с отодвинутыми на второй план приглушенными мыслями, ощущениями Одрана. Вулф свободно владел многими языками: английским, французским, испанским, итальянским, сербским, хорватским и другими. В модике не хватило места на такое количество языковых училок. Одран спросил себя, как будет по-французски «кот», и сразу же вспомнил: «ле ша». Но Марид и сам неплохо знал французский. Он захотел узнать английский и хорватский эквиваленты, но они словно забылись, вертелись на кончике языка; очень неприятное, раздражающее чувство, провал в памяти. Одран и Вулф не могли припомнить, что за люди говорят по-хорватски, где они живут, а Одран никогда раньше не слышал о существовании такого языка. Все это заставило его усомниться в глубине и прочности иллюзии. Оставалось надеяться, что подобный провал не произойдет в критический момент, когда жизнь Одрана будет зависеть от способности Вулфа спасти их от смертельной опасности.

— Фу! — произнес Вулф.

Он поднял руку и вытащил модик.

* * *

Снова мгновенная потеря ориентации и, как следствие, приступ головокружения. Я стою посередине комнаты, тупо уставившись на свою руку, сжимающую модик. Тело и разум вернулись ко мне.

— Ну как? — спросила Ясмин.

Я взглянул на нее.

— Вполне удовлетворительно, — так Ниро Вулф выражал свой восторг. — Но лучше я подберу себе какой-нибудь другой модик. А пока буду собирать информацию, как желает Папа. Попытаюсь ее систематизировать, чтобы посмотреть, вырисовывается там какая-то схема, закономерность или черт его знает что...

Через час я уже был в кабинете Оккинга. Как обычно, лейтенант не проявил должной радости, увидев своего старого друга.

— А, Одран... Зачем пожаловал?

— Мне нужно все, что ты знаешь о Луце Сейполте и русском, убитом в клубе Чири.

Оккингу понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

— Одран, какая может быть связь между ними?

Ну, это мы уже проходили: он просто увиливал от ответа.

— Должны существовать какие-то общие мотивы или серьезный конфликт интересов, о которых мы не знаем; составная часть его — события, происходящие здесь.

— Необязательно, — отмахнулся лейтенант. — Русский не имеет отношения к Будайину. Он мелкая политическая букашка, залетевшая на нашу территорию только потому, что ты назначил ему здесь встречу.

— Ты прекрасно умеешь менять тему разговора, Оккинг. Ладно, скажи, откуда взялся Сейполт и что он здесь делает?

— Сейполт приехал в город три или четыре года назад откуда-то из Четвертого Рейха, по-моему, из Франкфурта. Объявил себя агентом по импорту и экспорту. Сам понимаешь, за этой вывеской может скрываться все, что угодно. В основном имеет дело с продовольствием, специями, кофе, хлопком, тканями, восточными коврами, медью и бронзой, дешевыми украшениями, каирскими изделиями из стекла и другой мелочью. Похоже, среди здешних европейцев он имеет кое-какой вес, заколачивает неплохие денежки. Ни разу не вызвал подозрений по поводу незаконной торговли, по крайней мере, в серьезных масштабах. Вот практически все, что мне известно.

— А почему тогда он направил на меня пушку, стоило мне задать пару невинных вопросов насчет Никки?

Оккинг пожал плечами.

— Возможно, он просто не любит, когда его допрашивают. Послушай, Одран, по твоему виду не скажешь, что ты самый честный человек на свете и благородный искатель истины. Бедняга вполне мог подумать, что ты явился, чтобы ограбить его и исчезнуть, прихватив коллекцию древних статуэток, скарабеев и всяких мумифицированных мышей.

— Значит, ты был у него?

Оккинг покачал головой.

— Эх, Одран, Одран! Хочешь верь, хочешь нет — мне регулярно докладывают о том, что происходит. Разреши напомнить тебе: я как-никак шеф полиции.

— Извини, все время забываю. Итак, версия Никки-Сейполт — тупиковая. А этот русский, Богатырев?

— Он ноль, мелкий чиновник, работающий на белорусов. Сначала пропал его парнишка, потом он

поймал пулю психованного Бонда. Этот тип еще меньше связан с убийствами, чем Сейполт.

Я улыбнулся.

— Спасибо, лейтенант. Фридландер-Бей хотел, чтобы я удостоверился, не появились ли у тебя новые улики за последнее время. Уверяю тебя, я действительно не хочу мешать расследованию. Но скажи, что мне делать дальше.

Он поморщился.

— Я бы, конечно, мог предложить, чтобы ты отправился добывать улики, скажем, в Терро-дель-Фуэго или Новую Зеландию, но ты ведь не захочешь... Ну проверь тех, кто точит зубы на Абдуллу или всех самых страстных ненавистников «Сестер Черной Вдовы». Выясни, видел ли кто-нибудь сестер с чужим или подозрительным человеком незадолго до их убийства.

— Ладно, — сказал я, поднимаясь.

Меня только что послали... ну, скажем, подальше Новой Зеландии, но я хотел, чтобы у Оккинга сложилось впечатление, что я принял его слова за искренний совет. Возможно, у него были сведения, которыми он не желал делиться со мной, несмотря на настойчивые призывы Папы. В любом случае я обязательно вернусь сюда, когда Оккинга не будет поблизости, залезу в полицейский компьютер и пороюсь в прошлом Сейполта и Богатырева.

Когда я вернулся домой, Ясмин указала на стол.

— Кто-то оставил тебе записку.

— Записку?

— Ну да, засунул ее под дверь и постучал. Я подошла, но там никого не было; спустилась по лестнице, однако на улице тоже не увидела ни души.

По моей спине пробежал холодок. Я разорвал конверт. Короткая записка, напечатанная на компьютере.

ОДРАН, ТЫ СЛЕДУЮЩИЙ! ДЖЕЙМСА БОНДА БОЛЬШЕ НЕТ. Я СТАЛ ДРУГИМ. УГАДАЙ, КЕМ? ПОДУМАЙ О СЕЛИМЕ, И ВСЕ ПОЙМЕШЬ. НО ЭТО НЕ ПРИНЕСЕТ ТЕБЕ ПОЛЬЗЫ, ПОТОМУ ЧТО СКОРО ТЫ БУДЕШЬ МЕРТВ!

— Что там написано? — спросила Ясмин.

— Ничего, — ответил я. Руки у меня слегка дрожали. Я отвернулся от Ясмин, скомкал бумагу и засунул ее в карман.

15.

С того вечера как у Чириги пришили Богатырева, я познал всю гамму чувств, доступных человеческому существу: отвращение, ужас и ликование, любовь и ненависть, надежду и отчаяние, трусость и отвагу. Но ни одна из этих эмоций ни разу не заполняла душу так полно, как черная ярость, охватившая меня сейчас. Все, игры кончились; всякие соображения насчет справедливости, чести и долга вытеснились одним простым императивом — остаться в живых. Время колебаний и сомнений прошло: сегодня угрожали мне. Анонимная записка расставила все на свои места.

Клокотавшая во мне ярость обратилась на Оккинга. Он скрывал информацию, может, прятал что-то, а стало быть, подвергал опасности мою жизнь. Поступи он так с Абдуллой или Тами, я сказал бы: что ж, это дело полиции. Но когда речь идет о шкуре Одрана, это *мое* дело, и, как только доберусь до Оккинга, я заставлю его осознать данный факт, *заставлю*!

Кипя от злости, я шагал по улице и репетировал речь, которую обрушу на лейтенанта. Много времени мне не потребовалось. Вот как все будет: Оккинг удивится, увидев меня снова, после того как отправил из кабинета всего час назад. Я врываюсь внутрь, хлопаю дверью так, что у поганца закладывает уши, сую ему под нос смертный приговор, вынесенный мне неизвестным автором записки, и требую говорить правду и ничего, кроме правды. В противном случае, отволоку его вниз, запру в одной из камер для допросов и немного побью о стены его собственного участка. Готов поспорить, сержант Хаджар окажет мне любую помощь, если потребуется. Подойдя к Восточным воротам, я невольно замедлил шаг. Еще одно внезапное озарение. Мои мозги пытались разродиться некоей идеей дважды: утром, когда я разговаривал с лейтенантом, и позже, когда смотрел на труп Селимы. Как всегда, я возложил функцию акушера на подсознание, и вот наконец-то на свет появился младенец!

Итак, вопрос: какая деталь головоломки отсутствует? Ответ: взглянем на дело повнимательней. Первое — в нашем квартале за последние несколько недель совершено несколько убийств, до сих пор не раскрытых. Сколько? Богатырев, Тами, Деви, Абдулла, Никки, Селима. Второе — как ведут себя, расследуя убийства, легавые, когда упираются в стенку или заходят в тупик? Суть полицейской работы — дотошность и методичность, прокручивание одних и тех же эпизодов по нескольку раз; скажем, всех свидетелей опять вызывают, заставляя повторять показания снова и снова на тот случай, если была упущена какая-то важная деталь. Легавые задают одни и те же вопросы пять, десять, двадцать, сто раз! Вас за шкирку тащат в участок, вас будят посреди ночи. И все повторяется: вопрос — ответ, вопрос — ответ...

Почему полиция, имея шесть нераскрытых и явно связанных между собой убийств, демонстрирует нулевую активность? Мне не пришлось повторять свои показания, и очень сомневаюсь, что Ясмин или кого-то еще заставляли делать это. Такое впечатление, что Оккинг решил устроить себе и своим ребятам внеочередной отпуск. Почему легавые подонки ни черта не делают? Шестеро уже убиты; уверен, трупов будет больше. Мне лично твердо обещали один — мой собственный.

Добравшись до полицейского участка, я молча прошел мимо дежурного сержанта. Мне было наплевать на правила и формальности, я жаждал крови. Наверное, от меня исходили флюиды такой жуткой злобы, а физиономия отражала такую гамму чувств, что никто не осмелился меня остановить. Я поднялся наверх, прошел сквозь лабиринт узких коридоров и наконец добрался до Хаджара, сидящего возле скромной «ставки» своего шефа. Сержант, должно быть, тоже оценил по достоинству мое состояние, потому что, не говоря ни слова, указал пальцем на дверь. Он не собирался закрывать грудью вход к Оккингу, но и не хотел злить начальника. Хаджар не отличался глубоким умом, зато обладал примитивной хитростью. Он отойдет в сторонку, с удовольствием наблюдая за нашей дракой. Не могу сказать, обменялись мы с Хаджаром парой фраз или нет. Не знаю, как очутился в кабинете. Помню только, как перегнулся через стол Оккинга, правой рукой вцепившись в ворот его рубашки. Мы оба кричали.

— Что это такое, что это значит! — орал я, размахивая бумажкой перед его глазами.

Вот все, что я успел, прежде чем меня развернули, повалили и прижали к полу двое полицейских, а еще трое направили на меня иглометы. Сердце колотилось так бешено, что еще немного, и оно вырвется из груди. Я поднял голову, окинул взглядом одного из легавых, глядя прямо в крошечное черное отверстие игломета. Как мне хотелось заехать ногой ему в рожу! Но увы, моя подвижность была ограничена.

— Отпустите его, — скомандовал Оккинг. Он тоже тяжело дышал.

— Лейтенант, — возразил один из его людей, — если...

— Я сказал, отпустите!

Они молча повиновались. Я поднялся на ноги и наблюдал, как они неохотно убрали оружие и направились к выходу, недовольно бормоча что-то. Оккинг дождался, пока последний из них вышел за порог, затем медленно закрыл дверь, провел рукой по волосам и вернулся к столу. Он тянул время, чтобы успокоиться: лейтенанту не хотелось начинать разговор, пока он не возьмет себя в руки. Наконец он опустился в свое вращающееся кресло и обратился ко мне.

— Что это?

Ни насмешки, ни сарказма, ни скрытой угрозы в голосе. Для меня кончилось время неопределенности и метаний; для Оккинга безвозвратно ушли дни, когда он мог играть снисходительно-презрительного профессионала.

Я положил записку на стол и дал ему возможность прочесть ее. Сел на жесткий пластиковый стул и стал терпеливо ждать. Внимательно изучив ее, он закрыл глаза, устало потер веки.

— Да, новость...

— Кто бы ни был этот «Джеймс Бонд», он сменил модик. Тут написано, что, если как следует подумаю, догадаюсь, кто он теперь. Мне ничего не приходит в голову.

Оккинг уставился на стену, восстанавливая в памяти подробности убийства Селимы. Его глаза широко открылись, отвисла челюсть, потом с хрипом выговорил:

— Тебе что-нибудь говорит имя Ксаргиса Мохадхил Хана?

Я где-то слышал это имя, но в связи с чем? Не помню... Но могу сказать заранее — этот парень мне не понравится.

— Кто это? — спросил я.

— Лет пятнадцать назад он был довольно-таки известен. Этот психопат провозгласил себя новым пророком то ли в Ассаме, то ли в Сиккиме. Сказал, что сияющий голубой металлический ангел спустился к нему, одарив откровением и священными заветами, главный из которых гласил, что новоявленный посланец Аллаха должен начать свой джихад против белых женщин, убивая всех встретившихся по дороге, а попутно уничтожать каждого, кто станет у него на пути. Он хвастался, что прикончил две или три сотни мужчин, женщин и детей, прежде чем его остановили. Перед казнью, уже сидя в тюрьме, он убил еще четверых. Парню нравилось вырезать из тела жертв органы, чтобы приносить жертву голубому металлическому ангелу. Разные органы для каждого дня недели или фазы луны.

Воцарилась напряженная тишина.

— Став Ханом, он будет гораздо опаснее, — заключил я.

Оккинг мрачно кивнул.

— По сравнению с Ксаргисом Мохадхил Ханом все будайинские головорезы кажутся компанией невинных сорванцов, вроде Тома и Джерри.

Я закрыл глаза, чувствуя себя беспомощным.

— Надо выяснить: он просто чокнутый или работает на кого-то?

Лейтенант созерцал стену за моей спиной, напряженно раздумывая. В правой руке он вертел дешевую бронзовую статуэтку русалки, украшавшую стол. Наконец он перевел взгляд на меня и вполголоса произнес.

— Насчет этого я могу тебя просветить.

— Я с самого начала был уверен, что ты что-то недоговариваешь. Ты знал, на кого работает Бонд, ныне Хан. Ты знал, что я прав насчет политических убийств, верно?

— Послушай, давай отложим раздачу орденов на потом. Сейчас нет времени.

— Выкладывай-ка лучше свою историю. Если Фридландер-Бей узнает, что ты что-то от него утаиваешь, ты окажешься без работы прежде, чем успеешь покаяться.

— Не думаю, Одран, — сказал Оккинг. — Но экспериментировать пока не хочется.

— Ну хорошо, ты скажешь наконец, на кого работал Бонд? Лейтенант отвернулся. Когда снова взглянул на меня, лицо было искажено, словно от физической боли.

— Он работал на меня, Одран.

Честно говоря, этого я не ожидал услышать. Я не знал, как реагировать, и молчал.

— Ты наткнулся на нечто более серьезное, чем просто серия убийств, — сказал он. — Полагаю, ты об этом догадываешься, однако понятия не имеешь, насколько все серьезно. Ладно. Я получал деньги от одного европейского правительства за то, что взялся найти некоего субъекта, сбежавшего оттуда в наш город. Этот тип дожидался своей очереди управлять страной. Определенные политические силы хотели его прикончить. Правительство, на которое работал я, хотело его разыскать и вернуть живым и здоровым на родину. Тебе ни к чему знать подробности интриги; я изложил все в общих чертах. Я нанял Джеймса Бонда, чтобы он нашел этого человека, а также помешал другой стороне убить его.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы это переварить. Трудно усвоить такое количество информации в один присест; можно заработать острое несварение мозга.

— Бонд убил Богатырева. Потом Деви. А после того как превратился в Ксаргиса Хана, Селиму. Значит, я был на верном пути с самого начала — русского убили не просто так, это вовсе не нелепая случайность, как ты, Папа, да и все остальные упорно пытались мне внушить. Вот почему ты не очень-то старался, расследуя эти убийства. Ты и так знал, кто преступник.

— Если бы так, Одран. — Оккинг выглядел невероятно уставшим, почти изможденным. — Я не имею ни малейшего понятия, кто работает на другую сторону. У меня достаточно улик — одинаковые следы: кровоподтеки, отпечатки ладоней и пальцев убийцы на истерзанных телах; к тому же довольно хорошие данные о габаритах и весе преступника. В общем, масса небольших деталей. Но я не знаю, кто он, и это меня пугает.

— Ах, пугает? Тогда ты просто образец смелости! Все в квартале неделями не высовывают носа из-под одеяла, молясь о том, чтобы нож убийцы располосовал кого-то другого, а ты всего лишь немного напуган. Так что же тебя заботит, Оккинг?

— Другая сторона выиграла: наследник престола уничтожен. Однако убийцы на этом не успокоились. Почему? Цель достигнута, операция завершена. Возможно, они уничтожают всех, кто может их опознать.

Я задумчиво пожевал губу.

— Вернемся немного назад, хорошо? Богатырев работал на посольство одного из русских царств. Что связывало его с Деви и Селимой?

— Я ведь говорил, что не хочу углубляться в детали. Это грязное дело, Одран. Может, хватит того, что я уже рассказал?

Я снова взорвался.

— Оккинг, твой поганый наемник наметил меня в качестве следующей жертвы! Поэтому я имею

полное право знать все подробности. Например, почему ты не прикажешь своему парню немного отдохнуть?

— Потому что он исчез. Когда принца убила другая сторона, Джеймс Бонд словно растворился в воздухе. Я не знаю, где он, или как войти с ним в контакт. Теперь он работает на самого себя.

— Или новый хозяин выдал другие инструкции.

Первый, о ком я подумал, был не Сейполт (что выглядело вполне логично), а Фридландер-Бей. Я не смог сдержать дрожи.

Теперь я понимал, что обманывал себя, рассуждая о причинах участия Папы в данном деле — страх за собственную жизнь и похвальное желание защитить свою «паству». Нет. Папа никогда ничего не делал просто так. Каждый его поступок имел как бы двойное дно. Что если он стоял за ужасными событиями последних месяцев?

Такую возможность больше нельзя отвергать... Оккинг тоже погрузился в размышления. В глазах его то и дело мелькал страх; руки нервно вертели статуэтку.

— Богатырев не был обычным чиновником из посольства, — сообщил он. — На самом деле, он Великий Князь Василий Петрович Богатырев, младший брат Вячеслава, царя Белоруссии и Украины. Его племянник, наследный принц, столько всего натворил, что его выслали. Партия неофашистов в Германии вознамерилась вернуть его в Белоруссию, надеясь использовать в своих целях, чтобы сбросить папашу с трона и заменить монархию «протекторатом» под германским контролем. Возродившиеся после краха Союза коммунисты поддержали их, тоже мечтая разрушить монархию, но, естественно, планируя заменить ее своим собственным правительством.

— Стратегический союз «красных» и «коричневых»?

Оккинг слабо улыбнулся.

— Это случалось и раньше.

— И ты работал на немцев.

— Точно.

— Через Сейполта?

Оккинг кивнул. Весь этот разговор ему очень не нравился.

— Богатырев хотел, чтобы ты нашел принца. Как только тебе это удалось бы, человек князя убил бы парня.

Мою арабскую половину возмутила сама мысль о подобном.

— Богатырев готовил убийство собственного племянника? Сына своего брата?

— Да, во имя сохранения монархии. Они решили, что это печальная необходимость. Я предупреждал тебя, Одран, это грязное дело. Занимаясь политикой, всегда вляпываешься в дерьмо.

— Почему Богатыреву понадобился именно я?

Оккинг пожал плечами.

— За последние три года своего изгнания принц ухитрился изменить облик и хорошо замаскироваться. Богатырев, по вполне понятным причинам, не мог обратиться в полицию, а частных сыскных агентств, как ты знаешь, в нашем вонючем районе нет.

— Значит, так называемый сын Богатырева не погиб во время аварии, ты соврал мне, когда объявил, что дело закрыто. Он был еще жив. Но ты только что сказал, что в конце концов принца убили?

— Принц — это твоя подружка Никки. До изменения пола она была... он был наследным принцем Николаем.

— Никки? — произнес я бесцветным голосом. Бред... Я вновь услышал голос до смерти напуганной Никки, три слова, которые она успела прокричать в трубку, прежде чем разговор оборвался... Мог ли я спасти ее? Почему она не открыла мне правду, не поделилась своими подозрениями?

— Потом убили Деви и остальных сестер.

— Только потому, что они близко знали ее. Неважно, обладали сестры какой-нибудь опасной информацией или нет. Оба — немецкий убийца, сейчас ставший Ханом, и русский агент — не хотели рисковать. Вот почему ты, Одран, тоже занесен в черный список. Вот почему... вот почему я получил это.

Лейтенант выдвинул ящик стола и, вытащив что-то, перекинул через стол.

Еще одна записка, напечатанная на компьютере, по содержанию ничем не отличавшаяся от моей. Только адресована она была Оккингу.

— Хуже всего, что я не знаю, кто убийца: мой ли агент, перевербованный противной стороной, наемник Богатырева или кто-то еще, связанный с этой историей. Я не покину участок, пока все не кончится, — сказал он. — Останусь в кабинете, окруженный ста пятьюдесятью верными полицейскими.

— Надеюсь, среди них нет наемника Богатырева, — заметил я.

Оккинг поморщился. Эта мысль уже приходила ему в голову. Сколько еще имен в списке намеченных жертв, кто должен умереть после меня и Оккинга? Я с ужасом осознал, что имя Ясмин вполне может быть внесено в список. Она знала не меньше Селимы, даже больше, потому что я поделился с ней всем, что знал и о чем догадывался. А имя Чириги? И как насчет Жака, Сайеда и Махмуда? Сколько еще моих знакомых должны умереть? Представив себе Никки, сначала превратившуюся из принца в принцессу, а затем — в труп, представив, что ждет меня в будущем, я новыми глазами посмотрел на Оккинга. Он тоже раздавлен тем, что случилось. Причем его положение гораздо хуже моего. С карьерой лейтенанта полиции в нашем городе придется распроститься: он ведь признался, что работал иностранным агентом.

— Мне больше нечего тебе сказать, — произнес Оккинг.

— Если узнаешь что-нибудь или мне надо будет с тобой связаться...

— Я буду здесь, — сказал он безжизненным голосом. — Иншалла.

Я встал и быстро вышел из убежища Оккинга. Мне казалось, что я бегу из тюрьмы.

На улице я отстегнул телефон, позвонил в больницу и попросил позвать доктора Еникнани.

— Здравствуйте, господин Одран, — ответил низкий голос.

— Я хотел бы узнать о состоянии пожилой женщины по имени Лайла.

— Если честно, что-то определенное пока сказать нельзя. Она может со временем прийти в норму, но шансов мало. Пациентке уже много лет, она слаба. Боюсь, она может впасть в кому. Даже если этого не случится, велика вероятность, что нормально функционировать мозг уже не будет. Она никогда не сможет жить без присмотра, делать простейшие вещи.

Я с шумом втянул в себя воздух. Все это сотворил я...

— Такова воля Аллаха, — выдавил я наконец.

— Да, Аллах велик.

— Я попрошу Фридландер-Бея оплатить лечение. То, что с ней случилось, произошло в результате расследования.

— Понимаю, — сказал доктор Еникнани. — Нет нужды обращаться к вашему... спонсору. Эту женщину лечат бесплатно.

— У меня нет слов, чтобы выразить благодарность за все. Я говорю от себя и от имени Фридландер-Бея.

— Мы исполняем священный долг правоверного, — ответил он просто. — Кстати, наши специалисты выяснили, что записано на модуле, который вы передали. Вас это еще интересует?

— Да, конечно.

— Там три слоя. Первый, как вы уже знаете, запись поведения большого, сильного хищника, скорее всего, бенгальского тигра, с которым скверно обращались, безжалостно дразнили и мучили. Второй — мозг младенца. Последний слой — самый ужасающий. Это запись затухающего сознания смертельно раненной женщины.

Я знал, что ищу чудовище, но все же не ожидал подобного ужаса. Меня трясло от отвращения и ненависти.

— Разрешите дать вам небольшой совет, господин Одран. Никогда не пользуйтесь такими самодельными кустарными модулями. Они плохо записаны, с большим уровнем вредного «шума». У них отсутствуют предохранители, встроенные в модули заводского производства. Частое использование нелегальных модулей заканчивается повреждением центральной нервной системы, а следовательно, всего организма.

Я поблагодарил доктора Еникнани и прицепил телефон к поясу. Меня терзало сознание собственной вины за то жалкое существование, на которое я обрек Лайлу. Еще я думал о неизвестном противнике, который использовал задание белорусских монархов как предлог для удовлетворения своей подспудной страсти — мучить и убивать. Известия из больницы полностью изменили почти готовый план действий. Теперь я точно знал, что делать и как действовать.

Шагая по Улице, я наткнулся на беднягу Фуада.

— Мархаба, — объявил он, скосив на меня глаза, прикрываясь рукой от солнца, чтобы лучше видеть.

— Как дела, Фуад? — спросил я.

Мне не хотелось застрять на час посредине улицы; нет настроения, чтобы слушать нашего местного дурачка, а кроме того, нужно кое-что приготовить...

— Хассан хочет тебя видеть по какому-то делу, это связано с Фридландер-Беем. Сказал, ты поймешь, что он имеет в виду.

— Спасибо, Фуад.

Прежде чем отправиться домой, я заглянул к Хассану. Юный американец по-прежнему восседал на стуле в пустом помещении магазина. Он подарил мне призывную улыбку. Черт побери, я определенно понравился этому парню! Я молча нырнул за занавес. Хассан, как всегда, проверял накладные, считал свои бесконечные коробки с товаром. Заметив меня, Шиит расплылся в улыбке. Как я понял, мы с Хассаном теперь лучшие друзья. Вообще, за переменами Хассана в отношении к людям так трудно уследить, что я перестал даже пытаться. Он убрал папку, положил руку мне на плечо и, как принято у арабов при встрече, поцеловал в щеку.

— Добро пожаловать, мой дорогой племянник!

— Фуад сказал, у тебя есть сообщение для меня от Папы.

Лицо Хассана сразу стало серьезным.

— Я только сказал так Фуаду. Я очень обеспокоен, о мой друг, и даже более того — ужасно напуган. Не мог сомкнуть глаз целые четыре ночи подряд: эти ужасные кошмары... Когда я наткнулся на убитого Абдуллу, то думал, что хуже нет ничего... Да, когда я нашел его... — Его голос задрожал. — Абдуллу нельзя назвать достойным человеком, мы оба знаем это, и все же я был с ним тесно связан в течение нескольких лет. Ты знаешь, что он работал на меня, как я — на Фридландер-Бея. А теперь Папа предупреждает меня, что...

Голос Хассана прервался, несколько секунд он не мог сказать ни слова. Я испугался, что мне придется наблюдать, как эта раздувшаяся свинья устроит здесь истерический припадок. Мысль о том, что придется успокаивающе хлопать его по руке, приговаривая: «Ну, ну, маленький, успокойся, все будет хорошо», вызвала тошноту. Но Шиит сумел взять себя в руки и продолжил.

— Фридландер-Бей предупреждает меня, что над его друзьями нависла такая же опасность. Это относится и к тебе, о мой проницательный друг, и ко мне. Я уверен, ты уже давно понял, на какой идешь риск, но я увы не отличаюсь храбростью. Фридландер-Бей не выбрал меня для этой работы, потому что знает — у меня нет ни мужества, ни стойкости. Да, я трус: я думаю только о себе, дрожу при мысли об опасности, которая может угрожать мне, о том, что, возможно, придется принять страдания и смерть, подобно... — На этом месте Хассан все-таки сорвался и зарыдал. Я терпеливо ждал, когда схлынет ливень; тучи постепенно разошлись, но солнышко так и не показалось.

— Я принял все необходимые меры, Хассан. Нам просто следует соблюдать осторожность. Те, кого убили, поплатились жизнью за свою глупость или доверчивость, что, в общем-то, одно и то же.

— Я не доверяю никому, — сказал Хассан.

— Знаю. Это поможет тебе сохранить жизнь.

— Что ж, наверное, ты прав, — заметил он с сомнением.

Интересно, чего он ждал от меня — письменного обязательства? «Дано в том, что я, Марид Одран, гарантирую сохранение паршивой жизни жирного ханжи по прозвищу Шиит»?

— Но если ты так боишься, почему не попросишь убежища у Папы, пока этих убийц не поймают?

— Ты думаешь, их двое?

— Не думаю — знаю!

— Тогда дело обстоит ровно в два раза хуже.

Он несколько раз с размаху ударил себя кулаком в грудь, умоляя Аллаха о справедливости: чем заслужил его раб, правоверный и богобоязненный Хассан, такую напасть?

— Что ты собираешься делать? — обратился ко мне этот разжиревший боров.

— Пока не знаю.

Хассан задумчиво кивнул.

— Пусть тогда Аллах защитит тебя.

— Мир тебе, Хассан, — попрощался я.

— И с тобой да пребудет мир. Прими этот небольшой подарок от Фридландер-Бея.

«Подарком», естественно, оказался еще один конверт, туго набитый хрустящими банкнотами.

Я вышел на улицу. Надо бы навестить Чири: предупредить об опасности, дать пару ценных советов... А если честно — просто хотелось укрыться в ее баре от реального мира, в котором мне самому грозит опасность.

Чирига приветствовала меня с обычным энтузиазмом.

— Хабари гани?! — вскричала она («Как жизнь?» на суахили), затем, прищурившись, стала разглядывать мою обновленную голову.

— Я слышала, но пока сама не увидела, не поверила. Неужели и правда — две розетки?

— Правда.

Пожав плечами, она пробормотала:

— Сколько возможностей...

Интересно, что сейчас пришло в голову Чири?

Она всегда безнадежно опережала меня, если надо было придумать, как обратить себе на пользу любые начинания.

— Как ты? — поинтересовался я.

Она пожала плечами.

— Вроде бы все как обычно.

— Ох, Чири, — произнес я мрачно, — каждому из нас придется потрудиться, чтобы все действительно было как обычно.

Она нахмурилась.

— Ты имеешь в виду это дело... — она описала круг в воздухе.

— Да, Чири, «это дело». — Я повторил ее жест. — Никто из вас не желает понять, что убийства продолжатся, и практически любой — потенциальная жертва.

— Ты прав, Марид, — тихо произнесла Чири, — но что ты мне посоветуешь?

Черт, я сам загнал себя в ловушку. Для того чтобы давать рекомендации, надо, по крайней мере, понять, как действуют убийцы. Любого из нас, в любое время, по любой причине могли пришить — вот и все, что я знаю! Так что единственное, что я могу сказать: «Будь осторожна». Есть два способа воплотить в жизнь этот тривиальный совет: утроить бдительность или уехать на другой континент. В последнем случае надо убедиться, правильно ли выбран конечный пункт. Иначе можно привезти свои проблемы в новое место, словно тараканов в чемодане.

Поэтому я, не ответив Чири, пожал плечами и заметил, что сегодня подходящий вечер для того, чтобы подкрепиться джином и бингарой. Она приготовила две порции: мне двойную за счет заведения и себе. Какое-то время мы просто сидели и грустно глядели друг на друга. Ни подшучиваний, ни ритуального легкого флирта. Я даже не обратил внимания на новых девочек. Мы с Чири казались настолько поглощенными созерцанием друг друга, что никто не осмелился подойти, чтобы поздороваться. Прикончив свое пойло, я поднялся, собираясь уйти, но, поддавшись внезапному приступу нежности, ласково провел пальцами по покрытой шрамами щеке, потом погладил руку. Чири ответила мне своей фирменной улыбкой, мгновенно преобразившись в прежнюю чернокожую амазонку. Еще немного, и мы бы решили начать новую жизнь вдвоем где-нибудь в Свободном Курдистане... Я торопливо вышел из бара.

Ясмин спала в моей кровати: девочка очень старательно опаздывала на работу в очередной раз. Сегодня утром она проснулась пораньше, дабы избавиться от накопившейся в душе горечи и боли, выплеснув их на меня. Потом, чтобы поддержать репутацию и все-таки не опоздать к Френчи, бедняжке пришлось снова лечь и заснуть. Она сонно улыбнулась, пробормотала «привет». Похоже, Ясмин вкупе с Полу-Хаджем были единственными во всем квартале идиотами, демонстрирующими непробиваемую смелость, в то время как остальные разумные обитатели Будайина дрожали от страха. Мужество Сайеда регулярно подпитывал его суперменский модик, но у Ясмин единственной опорой был я. Девочка ни минуты не сомневалась, что Марид Одран защитит ее, и это делало мою подругу даже большей идиоткой, чем Полу-Хадж.

— Слушай, Ясмин, у меня миллион всяких дел... Тебе придется несколько дней пожить у себя. О'кей?

Ясмин сразу надулась.

— Ты не хочешь, чтобы я была с тобой?

В переводе это означает: «Ты что, завел себе другую?».

— Нет, не хочу, потому что сейчас я на прицеле у убийц. Оставаться здесь опасно. Понятно?

Такое объяснение понравилось ей намного больше.

— О'кей, Марид. Ключи отдать?

Я немного подумал.

— Пожалуй. Тогда я буду знать, где они, и никто не сможет вытащить их у тебя и проникнуть в мою квартиру.

Она вытащила ключи из сумочки и бросила мне. Потом Ясмин начала свой традиционный спектакль: «Я спешу на работу». Я раз тридцать сообщил, как я люблю ее, заверил, что буду беречь себя (совершенно искренне) и звонить ей по меньшей мере дважды в день. Она поцеловала меня, бросила взгляд на часы, неискренне охнула и поспешила к двери. Придется ей и сегодня заплатить Френчи штраф.

Как только Ясмин вышла, я начал собирать свои вещи. Верх глупости подставлять себя под пули, сидя в собственном доме. Стало быть, надо найти убежище; по этой же причине я захотел изменить свой облик. На счету у меня — куча денег, а только что полученная от Хассана порция наличных позволит обрести относительную свободу действий.

Упаковал вещи я как всегда быстро, запихнув кое-какую одежду в черную пластиковую сумку на молнии. Поверх положил завернутую в футболку коробку с модиками, потом закрыл сумку и вышел на улицу. Интересно, запланировал ли для меня Аллах благополучное возвращение? Я сознавал, что напрасно накручиваю себя, но такова уж извращенная человеческая натура — всегда тянет нажать на больной зуб. Надо же, сколько забот и переживаний появляется у человека, который ставит перед собой простую задачу — выжить.

Я вышел из ворот, пересек широкую улицу. Здесь, рядом с Будайином, сверкали витринами дорогие магазины, совсем не похожие на лавочки в нашем районе.

Я зашел в магазин мужской одежды, торгующий европейскими костюмами. Как правило, у меня не набиралось денег и на один носок, но теперь, осчастливленный Папой, я решил наконец преобразиться. Это было настолько необычно, что я даже не знал толком, что мне нужно, а потому сообщил продавцу, что хочу экипироваться полностью, назвал сумму, которую собираюсь истратить, и позволил ему поработать над моим гардеробом. Парень не просто изображал дружелюбие, как большинство ему подобных, он даже не брезговал прикасаться ко мне, хотя в то время я был одним из самых неряшливых обитателей Будайина, а в нашем квартале существует очень много видов неряшливости.

Я заплатил за одежду и пару кварталов до отеля «Палаззо ди Марко Аврелио» нес в руках пакет.

Портье, выдавший ключи, даже отдаленно не напоминал услужливого малого из магазина одежды; я сразу понял, что он сноб. Мало того, что парень был таким от рождения, ему платили за снобизм, и, наверное, специально тренировали, дабы этот естественный дар достиг космических высот. И ничто не могло пробить стену его высокомерия и презрения: он оставался твердым, как камень. Однако какую-то брешь мне все-таки удалось проделать. Я вытащил все свои хрустики, любовно разложил на розовом мраморе стойки и объяснил, что хочу снять номер на неделю-две и заплачу вперед наличными.

Выражение его лица не изменилось — портье с трудом выносил мое присутствие. Но он велел подыскать мне комнату. Это не заняло много времени. Никто не предложил понести мой багаж, я сам держал пакеты с одеждой, поднимаясь в лифте, и, войдя в номер, бросил их на кровать. Должно быть,

номер считался неплохим, здесь был телевизор с видео и не просто душ, а даже ванна! Я вывалил содержимое сумки на кровать и переоделся в джеллабу. Настало время нанести еще один визит герру Луцу Сейполту. На этот раз я взял с собой несколько училок. Сам Сейполт показался мне неглупым человеком, но вот его парень Рейнхарт вполне способен создать проблемы. Я вставил училки немецкого языка и прихватил с собой на всякий случай несколько специальных — для контроля над эмоциями. С этого часа я буду человеком-невидимкой. Не собираюсь маячить где бы то ни было, чтобы попасть на прицел.

Билл, безумный американец, как обычно, сидел в своем помятом стареньком такси.

— Билл, ты отвезешь меня к дому Луца Сейполта?

— Я тебя знаю?

— Ну конечно. Мы ездили туда несколько недель назад.

— Тебе легко говорить... Сейполт, значит? Немецкий парень, увлекается длинноногими блондинками. Скажу сразу, старик: ты не в его вкусе.

Сейполт клялся, что давно уже никем не увлекается. Великий Боже, значит, он мне лгал! Зачем? Я молча провалился в сиденье и стал смотреть на проносящиеся мимо здания.

Я вылез из такси и медленно подошел к массивной двери. Долго стучал и звонил; никто не ответил. Тогда я обошел здание, надеясь найти старого араба-слугу. В саду зеленела сочная трава, цвели экзотические растения. Спрятавшись в густой листве деревьев, пели птицы. Довольно необычная гамма звуков для города, потому что никакого шума, выдававшего здесь присутствие людей, я не услышал. Может, Сейполт ушел на пляж. Или отправился за покупками. Или вместе со своим голубоглазым блондинчиком решил провести вечер, прогулявшись по злачным местам города, обедая и танцуя под луной и звездами...

Справа, за углом дома, между двумя высокими пальмами в выбеленной стене была небольшая дверь. Не думаю, что ею пользовался Сейполт, скорее, она предназначалась для тех, кто привозил продукты и увозил мусор. По эту сторону дома, в отличие от роскошных тропических джунглей перед виллой, росли алоэ, юкки и цветущие кактусы. Я схватился за дверную ручку, и она легко повернулась. Я вошел и оказался у ступеней, ведущих вниз, в неприветливую темноту. Пролет лестницы рядом — путь наверх. Я выбрал второе, прошел кладовку, прекрасно оборудованную кухню и оказался в изысканно обставленной столовой. Я никого не увидел, не услышал ни звука. Немного пошумел, чтобы Сейполт или Рейнхарт знали о моем присутствии: пусть не думают, что я шпионю или, скажем, подтверждаю слова старого немца об арабах.

Я вышел из столовой, миновал гостиную, прошел коридор. Передо мной стояли шкафы с бездарно подобранной коллекцией. Здесь я уже мог ориентироваться. Так, посмотрим. Кабинет Сейполта должен быть...

... здесь! Дверь закрыта; я громко постучал. Тишина. Я открыл дверь и шагнул в кабинет. Полумрак. Шторы плотно закрывали окна. Затхлый воздух, как будто кондиционер отключили и комнату давно не проветривали. Интересно, что будет, если я наберусь наглости и пороюсь немного в бумагах на рабочем столе немца? Я торопливо перелистал несколько отчетов, лежащих сверху кипы документов. Ничего интересного... Я решил порыться основательней и обошел стол.

Сейполт лежал почти под столом. На нем был темный костюм, ставший еще темнее от крови. Я наклонился поближе, ожидая самого худшего и, конечно, не ошибся...

Сейполта разрезали от горла до паха, и темные внутренности вывалились на ковер. Один из окровавленных органов был втиснут в окоченевшую руку.

Это сделал Ксаргис Мохадхил Хан. Наверное, экс-Джеймс Бонд, который до недавнего времени работал на Сейполта. Он убрал еще одного свидетеля.

Рейнхарта я нашел в его комнате наверху; он выглядел не лучше хозяина. А старик араб погиб за домом, когда ухаживал за прелестными цветами, выращенными им вопреки природе и климату. Все были убиты быстро; все трупы были осквернены. Хан крался от одной жертвы к другой, тихо и молниеносно отбирая жизнь. Он скользил бесшумно, как призрак. Прежде чем вернуться в дом, я вставил несколько училок, которые подавили страх, боль, гнев, голод и жажду; училка немецкого языка уже была подключена, но, похоже, она мне сегодня не пригодится.

Так ничего и не найдя интересного в кабинете Сейполта, я прекратил поиски. Вышел через парадный вход и направился к такси Билла. По дороге я оглянулся на сверкающий свежими красками парк, созданный богатством Сейполта на самой границе с наступающими дюнами. Через пару недель это место станет таким же сухим и мертвым, как середина великой пустыни...

16

Еще в такси я снял училки-блокаторы. Вот тогда то мне и пришлось уяснить пункт № 154 из перечня особо важных сведений о спецучилках, которым одарил меня Папа.

«За все приходится платить». Понимаете, на самом деле я знал это; выучил еще много-много лет назад, сидя на коленях у матушки. Просто такие истины почему-то постоянно забываются, и приходится каждый раз открывать их заново.

«Никому никогда ничего не достается даром». Во время визита в логово Сейполта училки все время держали под контролем мои гормоны. Когда я вернулся, чтобы обыскать рабочий стол немца, я должен был пребывать в полувменяемом состоянии от страха и массы сопутствующих эмоций, зная, что изуродованные трупы, которые обнаружил, стали таковыми совсем недавно, и ублюдок Хан вполне может еще где-то ошиваться поблизости.

Так вот, когда я вытащил училки, обнаружилось, что я вовсе не избежал всего этого, а просто отложил удовольствие на некоторое время. И теперь такое время наступило. Мой мозг и нервы сразу как бы сжались, сплелись в тугой клубок. Невозможно было отделить одну эмоциональную «нить» от другой: я испытывал дикий, бессмысленный животный ужас, страстную ненависть к Хану за поистине дьявольский метод, с помощью которого он хотел остаться неуловимым, и за то, что подонок заставил меня созерцать плоды своей нечеловеческой жестокости. Накатила волна страшной усталости и жуткой боли в работавших сверх всякой меры мускулах (училка «запрещала» мозгу и телу чувствовать утомление и физическую боль, и в результате я сейчас получил и то, и другое); вдобавок я вдруг осознал, что ужасно голоден и умираю от жажды, а мочевой пузырь вот-вот лопнет. В кровь хлынул адреналин, и сердце забилось еще быстрее. Хотя опасность давно миновала, мой организм подготовился к смертельной битве или бегству. В общем, я за несколько мгновений прошел через все, что долж

был ощутить в течение прошедших трех-четырех часов: на тело и мозг обрушился страшный удар, пославший меня в нокаут.

Дрожащими руками я поскорее вернул училки на прежнее место, и через минуту почувствовал себя почти в норме. Голод, жажда, дикая злость, усталость и мучительные сигналы переполненного мочевого пузыря перестали донимать меня. Я благодарил судьбу и хирургов, но сознавал, что просто еще раз оттянул час расплаты, а когда он наступит, самое ужасное постнаркотическое похмелье покажется мне легкой, быстрой встряской, словно мимолетный поцелуй в темноте. «Дас ист террибль платить по счетам, не спа, бвана месье Марид-сан»?

Это ты верно сказала, Чири.

Когда я возвратился в отель, кто-то окликнул меня:

— Месье Одран?

Терпеть не могу, когда мое имя выкрикивают, если вокруг полно народа, и тем более если я маскируюсь.

Я повернулся и окинул одного из служащих, позвавшего меня, безмятежно-холодным взглядом.

— Да?

— Для вас записка, месье. Оставлена в вашем ящике. — Парня явно смущал мой простонародный наряд — джеллаба и все прочее. Он твердо выучил, что в их замечательном отеле останавливаются только «культурные европейцы».

То, что он сказал, было просто невероятно по двум причинам: во-первых, никто не знал, что я здесь остановился, и, во-вторых, я зарегистрировался под чужим именем. Что ж, надо сделать вид, что мне просто стало интересно, что они там напутали, а потом возмущенно бросить бумажку в надутую физиономию парня.

Попробую угадать... Компьютерная распечатка, верно? Я развернул записку.

ОДРАН! ВИДЕЛ ТЕБЯ У СЕЙПОЛТА, НО РЕШИЛ, ЧТО ВРЕМЯ И ОБСТАНОВКА НЕ ПОДХОДЯТ. ИЗВИНИ. ХОЧУ ЗАНЯТЬСЯ ТОБОЙ СПОКОЙНО, НЕ ТОРОПЯСЬ, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ МАКСИМУМ УДОВОЛЬСТВИЯ. ПОВЕРЬ, КОГДА НАЙДУТ ТВОЕ ТЕЛО, ОНИ ПОЙМУТ: ТЕБЕ УДЕЛИЛИ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ. ХАН.

Ноги подкашивались, упрямо игнорируя приказы училок. Я сложил послание и сунул его в сумку.

— Вы в порядке, месье? — заботливо осведомился парень.

— Это все проклятая высота, — ответил я, — каждый раз так трудно приспосабливаться...

— Высота? Но здесь ведь совсем невысоко, месье! — изумился он.

— В том-то и дело.

Я оставил его стоять с открытым ртом, а сам направился в участок. Почему я один должен дрожать? Присоединяйтесь, лейтенант!

В коридоре на втором этаже меня остановил сержант Хаджар.

— Что случилось? — хмуро спросил он. Сейчас сержант забыл о всех своих побочных занятиях и был настоящим легавым. Наверное, чтобы просто доказать, что, если поднатужиться, еще может сделать это.

— А ты как думаешь? Ксаргис Хан, тот самый, что работал на Сейполта и твоего шефа, продолжает заметать следы. Только что убрал очередную парочку свидетелей. Черт, парень жуткий педант: ничего не забывает. На месте Оккинга я бы просто сходил с ума от страха. Ведь лейтенант — живая мишень.

— Он это понимает. Я подарил ему тридцать — сорок пилюлек паксиума. Он заглотал целую горсть вместо завтрака. — Хаджар недобро ухмыльнулся.

Из кабинета Оккинга вышел полицейский в форме.

— Одран, — сказал он громко и мотнул головой в сторону двери.

Я стал членом их команды.

— Минуточку, — я снова повернулся к Хаджару. — Слушай, я хочу посмотреть на то, что ты выудишь из сейфов Сейполта.

— Я так и подумал, — ответил Хаджар. — Лейтенант сейчас слишком занят, чтобы забивать всем этим голову, так что он наверняка свалит работу на меня. А я устрою, чтобы ты первым осмотрел улики.

— Отлично. Надеюсь, там будет что-то важное.

Я вошел в кабинет.

— Сядь, Одран, — сказал Оккинг. Его голос был хриплым, как будто лейтенант сорвал его или простудился.

Я уселся и посмотрел на него.

— Тебе уже доложили?

— Хан подбирается все ближе и ближе, — сказал Оккинг, — но второй убийца после смерти Никки вообще не высовывается.

— А есть ли второй, лейтенант? Может, это один и тот же человек. Что ты знаешь о своем агенте, до того как он стал Бондом?

Оккинг посмотрел на меня как на чокнутого.

— Да откуда мне знать, Одран? Никогда не встречался раньше. Мы связывались по телефону или по почте. Насколько мне известно, в Будайине ты единственный человек, который его видел. Вот почему я никак не могу избавиться от подозрений. Что-то с тобой не в порядке, Одран, я просто чувствую это.

Со мной что-то не в порядке, вот как?! И такое мне говорит иностранный агент, получающий деньги от национал-социалистов? Ну ладно... Очень жаль, что лейтенант не сможет даже опознать Хана, если когда-нибудь нам посчастливится его поймать. Я не знал, говорит ли Оккинг правду. Скорее всего, да, — какой ему смысл врать мне? Он знал, что занесен в черный список, а может, стоит там первым. Кроме того, когда лейтенант сказал мне, что не покинет свой кабинет, он явно не шутил; здесь стояла раскладушка, а на столе — поднос с остатками обеда.

— Единственное, что мы вроде бы знаем точно: исполнитель — или исполнители — используют свои модики не только для убийства, но и чтобы посеять ужас и панику. Кстати, это у них пока получается неплохо, — сказал я. — Твой наемный убийца...

Оккинг пронзил меня взглядом, но, черт побери, правда есть правда!

— Твой убийца превратился из Бонда в Хана. А второй (допустим, что есть и второй), судя по всему, остался прежним. Очень надеюсь, что этот парень, работающий на русских, убрался домой. Хотелось бы знать точно: по крайней мере, одной заботой станет меньше.

— Ага, — хмуро произнес Оккинг. — А одной больше. В дело вмешался Махмуд.

— Махмуд? Мой друг Махмуд? Тот, который промышлял у Джо-Мамы до перемены пола?

— Точно, он самый.

— Как он оказался замешан в этом деле?

— Пока ты лежал в госпитале, Махмуд получил повышение. Он занял место, оставшееся вакантным после того как пришили Абдуллу.

Махмуд... Как быстро ты прошел путь от очаровательной шлюшки, работавшей в греческих клубах, ничтожного полублатного паразита, до современного работорговца, важного человека на службе у

Папы. Единственное, что приходит в голову, когда узнаешь о таком повороте судьбы: «Только у нас в Будайине возможно подобное!» Квартал равных возможностей, дамы и господа!

— Мне надо поговорить с Махмудом, — пробормотал я.

— Тогда встань в очередь. Он обязательно посетит мою обитель, как только ребята его выкурят.

— Расскажешь мне потом, что ты из него вытряс?

Оккинг оскалился.

— Что за вопрос, друг! Разве я не обещал тебе? Разве не обещал Папе, что буду пай-мальчиком? Что-нибудь еще? Все, что угодно — слушаю и повинуюсь!

Я встал и перегнулся через стол, глядя ему прямо в глаза.

— Послушай, Оккинг, ты привык смотреть на куски человеческого мяса, разбросанные по комнате в квартирах разных приятных людей, а вот меня от такого зрелища сразу тянет блевать. — Я показал ему последнюю весточку от нашего общего друга Хана. — Скажи, можно мне получить оружие?

Словно загипнотизированный, он уставился на клочок бумаги. Потом поймал мой взгляд и тяжело вздохнул. Выдвинул нижний ящик стола, извлек оттуда целую коллекцию разных орудий убийства.

— Что тебе больше нравится?

Два иглomета, парочка статических пистолетов, мощный парализатор и даже здоровенное автоматическое чудовище, стреляющее пулями! Я выбрал маленький игломет «Смит и Вессон» и парализатор «Дженерал электрик». Оккинг выбросил на стол коробку боеприпасов: двенадцать игл в обойме, сто обойм в коробке. Я быстро убрал все это в сумку.

— Спасибо.

— Счастлив? Теперь ты чувствуешь себя неуязвимым, Одран?

— А ты чувствуешь себя неуязвимым, Оккинг?

С его лица сползла усмешка.

— Как же, черта с два, — сказал он и небрежно махнул рукой, с присущей всем легавым тактичностью намекая, чтобы я убирался вон. Я подчинился, испытывая не больше благодарности, чем обычно.

Когда я выбрался наружу, небо на востоке уже начало темнеть. С минаретов, где были установлены динамики, раздались мелодичные призывы муэдзинов; их голоса, записанные на пленку, разносились по всему городу. Сегодня выдался тяжелый день, мне нужно выпить. Но прежде чем расслабиться за стаканом в каком-нибудь баре, необходимо еще коечто сделать. Я вошел в отель, поднялся в свой номер, скинул одежду и встал под душ. Четверть часа горячие струи 'массировали мое тело; я просто ворочался под их яростным напором, словно ягненок на вертеле. Два-три раза вымыл волосы и лицо. Увы, с бородой придется расстаться: это очень печально, но необходимо. Я стал умнее и осторожнее, но записка Хана доказывает, что и того, и другого мне все еще явно недостает.

Сначала я коротко обрезал свою рыжеватую шевелюру. Так, теперь борода и усы. В последний раз я созерцал свою верхнюю губу лет в четырнадцать-пятнадцать, поэтому быстро орудуя бритвой, ощутил на мгновение жалость и боль потери. Правда, вскоре мне стало интересно, как я выгляжу без этого украшения. Спустя пятнадцать минут я полностью ликвидировал бороду.

Я омыл саднящую кожу холодной водой, вытерся. Как бы сейчас хотелось послать подальше Фридландер-Бея и остальную шайку респектабельных бандитов нашего квартала! После этого подвига придется быстро сматываться на свою далекую родину — Алжир, а там провести остаток жизни на пастбище, созерцая, как одно поколение овец сменяет другое..

Я тщательно причесался, потом отправился в спальню, где распаковал одежду из дорогого магазина. Медленно, тщательно оделся, прокручивая в мозгу возможные варианты действий. Одно я знал точно: что бы ни случилось, я больше никогда не воспользуюсь модулями.

Если потребуется, вставлю любую училку — они просто обогащают меня, не накладывая искусственно созданную личность на мою собственную. Вообще, Великие Детективы, живые логические машины, будь это реальные люди либо персонажи какойнибудь книги, не в силах помочь мне: ни один из ни не сталкивался с подобной ситуацией, ни один и них не жил в таком специфическом месте, ка Будайин. Тут меня выручат только собственны знания, привычки, сноровка — одним словом, со бственные серые клеточки.

Решив вопрос раз и навсегда, я почувствова немалое облегчение. Наконец-то удалось придумат компромиссный вариант, который я тщетно пыта ся найти с того самого дня, когда Папа доходчив объяснил, почему мне необходимо вставить розетк в мозг. Я улыбнулся. Что ж, одной проблемо меньше. Пусть она не самая важная, все равно стал легче дышать...

Не могу сказать, сколько времени прошло, пр жде чем я сумел повязать галстук. Конечно, суще твовали модели, которые требовалось только за стегнуть, но в чопорном магазине, где я приобре одежду, подобное считали плебейством.

Я засунул рубашку в брюки, застегнул все пуг вицы, надел туфли, набросил на плечи пиджа Потом рискнул взглянуть на себя в зеркало. Что получилось совсем неплохо: современный горо ской тип, ловкий, человек действия, с небольши капиталом в бумажнике. На самом деле, конечн ваш друг остался самим собой. Я просто хо сказать, что костюм смотрелся первоклассно. Но принципе другого и не требуется; большинство т или иначе обращает внимание именно на одежд Важнее другое: в первый раз за все время я повери что кошмарное дело, за которое взялся, близко завершению. Я прошел большую часть пути, и лиш парочка неясных, пока еще скрытых во мраке фиг мешает увидеть картину целиком.

Я прицепил телефон к поясу; пиджак полность скрыл его. Подумав, взял с собой маленький игл мет. Он почти не оттопыривал ткань; я всег считал, что лучше пистолет в кармане, чем пуля башке. Мой зловредный рассудок подсказывал др гой возможный вариант: «пистолет в кармане и пу в башке», но я так устал за день от его советов, ч просто не обратил внимания. Я только спущусь бар и посижу там немного, вот и все...

Так или иначе, Хан знал, как я выгляжу, а д меня его облик пока оставался загадкой. Одн пожалуй, ясно — он не будет походить на Джейм Бонда. Я вспомнил, что сказал Хассан пару час назад. «Я никому не доверяю».

Итак, план действий вырисовывается, но в осуществим ли он? Вообще, найдется хоть оди кого сразу можно заподозрить в дурных намерен ях? Скольким я доверял безоглядно, ни разу усомнившись в их лояльности, а ведь посчитай о выгодным избавиться от меня в один прекрасн день, сделать это не составило бы никакого тру Ясмин, например, или Полу-Хадж. Даже Би безумный американец, мой любимый таксист, да Чири, счастливая обладательница самой большо Будайине коллекции модиков. Ладно, если прод жать думать в таком духе, можно свихнуться.

А если сам Оккинг и есть убийца, поиски которого он старательно имитирует? Или Хаджар?

Или... Фридландер-Бей?

Я отогнал все эти мысли, вышел из своего номера и спустился на лифте на первый этиж, направившись в бар. Я окинул взглядом стойку: здесь сидели трое, они о чем-то оживленно беседовали вполголоса. Справа четыре столика были заняты посетителями, в основном мужчинами. Тихо играла музыка: прокручивали мелодии в европейском или американском стиле. Бармен вопросительно поднял брови, и я заказал свою обычную смесь: джин и бингара со льдом. Вышло просто великолепно, все ингредиенты в нужных пропорциях, именно так, как мне нравилось. Что ж, даже респектабельность имеет свои положительные стороны...

Я расплатился и не спеша, с наслаждением потягивал свою выпивку.

Словом, накачался я основательно. Не помню, как добрался до своего номера и оказался в кровати...

17.

На следующее утро я осторожно и тщательно сложил свою новую одежду и упаковал в сумку. Сегодня снова надену свою белоснежную джеллабу и предстану перед людьми в новом облике — араб в традиционном костюме, но гладко выбритый, как европеец. Вот я какой — человек с тысячей лиц! Я решил, что настало время поймать Хаджара иа слове и воспользоваться информацией, хранящейся в памяти полицейского компьютера. Хочу узнать кое-что о самих легавых и о связи Оккинга с Бондом-Ханом.

Вместо того чтобы дойти до полицейского участка на своих двоих, я поймал такси. Нет, меня не начала развращать роскошь, оплаченная Папой, просто события развивались слишком быстро, и мне не хотелось терять время. Да, сейчас мы были с временем на равных: я торопил его, оно торопило меня. Училки старательно обновляли мою энергию — я не испытывал ни усталости, ни голода или жажды. А также страха или злости. Кстати, многие сочли бы это опасным. Наверное, страх все-таки полезная штука...

Хаджар куда-то ушел. Я сидел и ждал его, наблюдая, как Оккинг поглощает поздний завтрак, сидя в своей застекленной клетке, словно редкий зверь в зоопарке. Наконец появился сержант и недовольно взглянул на меня.

— Ты не единственный придурок, доставляющий мне уйму беспокойства, Одран, — сказал он желчно. — У нас побывало не меньше тридцати идиотов, жаждущих поделиться важнейшими сведениями, которые они откопали в своих снах, видениях, и так далее.

— Я тебя обрадую, Хаджар: никакой информации у меня нет. Наоборот, я пришел, чтобы получить ее от тебя. Ты сказал, что разрешишь мне поработать с вашим компьютером.

— Только не здесь. Если тебя засечет Оккинг, он мне сразу башку проломит. Я сейчас свяжусь с нижним этажом. Можешь использовать терминал на втором.

— Мне все равно, — сказал я. Хаджар позвонил вниз, напечатал мне пропуск и подписал его. Я поблагодарил его и отправился вниз. Молодая женщина, черты лица которой свидетельствовали, что она родом из Юго-Восточной Азии, показала, как выбрать программу, вести поиск и объяснила, что, если у меня возникнут вопросы, компьютер сам ответит иа них.

Первым я запросил данные на Оккинга. Кроме самых общих сведений, о нем не было ничего. Абсолютно ничего. Аль-сифр — ноль!

Сначала я решил, что просто возникла какая-то проблема с компьютером, снова залез в выбор программ, опять напечатал имя Оккинга и стал ждать.

Ничего! Ну конечно, это сделал сам лейтенант. Замел следы точно так же, как его наемник Хан сейчас старался замести свои. Если не пожалею времени и денег, могу отправиться за нужной информацией в Европу, но там я узнаю, чем он занимался до отъезда в наш город. Дальше, если смотреть с формальной точки зрения, он просто не существовал.

Я напечатал кодовое название шпионской группы Джеймса Бонда, «Юниверсал экспортс». Как-то раз я видел такой адрес на одном из конвертов в кабинете Оккинга. Снова ничего!

Ни на что особенно не надеясь, запросил данные о Джеймсе Бонде: ничего. Тот же результат с Ксаргис Ханом. Подлинный Хан и «настоящий» Бонд никогда не посещали наш город, поэтому информация о них отсутствовала.

Я перебрал в уме людей, сведения о которых стоит запросить, — Ясмин, Фридландер-Бей, а может, сам Марид Одран, — но потом решил удовлетворить любопытство позднее, при более благоприятных обстоятельствах, и остановил свой выбор на Хаджаре. То, что я узнал, не было неожиданным. Он на два года моложе меня, выходец из Иордании, перед тем как поселиться в городе, неоднократно имел дело с полицией. Психологические характеристики подтверждали мое мнение об этом субъекте: ему ни в коем случае нельзя доверять. Хаджар подозревался в том, что передавал заключенным деньги и наркотики. В досье содержалось предположение, что Хаджар может использовать служебное положение в личных целях, работать в интересах отдельных лиц, либо той или иной преступной организации. В досье говорилось, что Хаджар, возможно, способен на такие противоправные действия, как лжесвидетельство, вымогательство, преступный сговор и многое другое.

Да неужели! Хаджар? А мы и не знали! Я грустно покачал головой. Легавых всех стран мира объединяют две вещи: во-первых, они жаждут разбить тебе дубинкой башку под любым, самым ничтожным предлогом, а то и вовсе без такового, а, во-вторых, не способны, так сказать, познать правду, даже когда эта голая правда лежит у них перед носом. Полиция не следит за исполнением законов; фараон никогда не оторвет от стула свою толстую задницу, пока закон не будет нарушен. Они раскрывают ничтожное количество преступлений. По сути полиция — просто что-то вроде статистической службы, регистрирующей имена жертв и показания свидетелей. После того как проходит определенное инструкциями время, они спокойно убирают эту информацию подальше, чтобы освободить место для новой.

Ну да, чуть не забыл: полицейские еще помогают беспомощным старушкам перейти улицу. По крайней мере, так принято думать...

Одно за другим я скормил компьютеру имена всех, кто хоть как-то был связан с Никки начиная с ее (его) дяди Богатырева. Высветившиеся на дисплее данные в точности соответствовали тому, что рассказал мне лейтенант. Я решил, что раз Оккинг способен убрать все сведения о себе, он вполне мог «откорректировать» и остальную информацию. Если мне что-нибудь удастся раскопать, то либо по чистой случайности, либо из-за того, что лейтенант допустил оплошность. Я продолжил работу, хотя надежда найти хоть какую-то зацепку таяла с каждой минутой.

Увы эти опасения подтвердились. В конце концов я все-таки решил заглянуть в досье на Ясмин, Папу, Чири, на «Черных Вдов», Сейполта и Абдуллу.

Мое неуемное любопытство не распространялось лишь на одного жителя нашего квартала — Марида Одрана. Я решил, что не желаю знать, что они обо мне думают. Зачем расстраивать себя понапрасну?

Прочитав досье на своих друзей и знакомых, я пожелал ознакомиться со счетами телефонной компании полицейскому участку. И тут ничего, но, конечно, Оккинг не такой дурак, чтобы звонить своему Бонду прямо из кабинета. Я словно стоял на перекрестке множества дорог, и каждая из них заканчивалась тупиком.

В результате я получил пищу для размышлений, но не новые факты. На самом деле мне было интересно узнать всю подноготную Хаджара и других жителей Будайина, а скудость данных об Оккинге — и, что вполне понятно, о Фридландер-Бее, — давала почву для определенных предположений, а может, даже утверждений... Я размышлял обо всем этом, шагая по улице, и не заметил, как оказался дома.

Какого черта я сюда пришел? Ну, вообще-то меня вовсе не привлекала перспектива провести еще одну ночь в отеле. По крайней мере один из убийц знал, что я остановился там; мне нужна новая «крыша», хотя бы на день-два... Я все больше свыкался с училками, мои решения не зависели от всяких эмоций, и я принимал их намного быстрей, чем раньше. Меня не покидало чувство уверенности в своих силах, хладнокровие. Надо связаться с Папой, а затем подыскать себе другое место для ночлега.

В комнате все было так, как перед уходом. На самом деле я недолго отсутствовал, но чувство было такое, словно прошла целая вечность: я потерял ощущение времени. Бросив сумку на кровать, я сел и пробурчал код Хассана в трубку. Три долгих гудка... наконец Шиит взял трубку.

— Мархаба, — произнес он устало.

— Привет, это Одран. Мне нужно встретиться с Фридландер-Беем; я надеюсь, что ты сможешь организовать мой визит?

— Разумеется, он захочет увидеть тебя и узнать из твоих уст, как обстоят дела. Тебя устраивает сегодня во второй половине дня?

— Как можно раньше, Хассан.

— Я позабочусь об этом, о мой проницательный друг, и перезвоню, чтобы сообщить точное время.

— Спасибо. Подожди, я хочу задать тебе один вопрос. Скажи, существует ли какая-то связь между Папой и Сейполтом?

Хассан надолго замолчал, очевидно, обдумывая, как лучше сформулировать ответ.

— Уже нет, мой племянник. Ведь, если я не ошибаюсь, Сейполт мертв?

— Знаю, — нетерпеливо произнес я.

— Сейполт занимался только мелкими операциями по импорту и экспорту — такое не интересовало Папу.

— Значит, насколько ты можешь судить, Папа не пытался наложить руку на часть его бизнеса?

— О мой племянник, этот «бизнес» настолько мелок, что даже не достоин называться бизнесом. Сейполт был просто мелким дельцом, таким же, как я.

— Но ведь он так же, как и ты, решил, что для того чтобы свести концы с концами, нужно искать дополнительный заработок. Ты работаешь на Фридландер-Бея, он работал на немцев.

— Клянусь светом моих глаз! Не может быть! Сейполт — шпион?

— Могу поспорить, это для тебя не новость. Неважно. Ты когда-нибудь имел с ним дело?

— Что ты имеешь в виду? — голос Шиита сразу приобрел жесткость.

— Бизнес. Импорт-экспорт. Здесь у вас общие интересы.

— О, понятно. Да, время от времени я покупал кое-что, если Сейполт предлагал хорошие европейские товары, но не припомню, чтобы он хоть раз делал закупки у меня.

Он не сказал мне ничего полезного.

По просьбе Хассана я быстро познакомил его с тем, что произошло после того как обнаружили убитого Сейполта. Когда я закончил, Шиит был снова здорово напуган. Попутно я рассказал об Оккинге и явно неполных досье полиции.

— Поэтому мне надо увидеть Фридландер-Бея.

— Ты что-то нащупал? — спросил Хассан.

— Дело не только в исчезнувшей информации или в том, что Оккинг — иностранный агент. Я просто не могу поверить, что, бросив весь свой отдел на расследование этих убийств, он так и не нашел ни единой зацепки, чтобы поделиться со мной. Я уверен, что лейтенанту известно намного больше чем он мне говорит. Папа обещал, что заставит Оккинга выложить все. Мне необходима информация.

— Ну разумеется, мой племянник, об этом можешь не беспокоиться. Иншалла, все будет сделано Как я понял, ты не можешь сказать точно, как много знает Оккинг?

— Трудно сказать... Все они мастера пудрить мозги.

— Он не посмеет пудрить мозги Фридландер-Бею

— Попытается, Хассан.

— Из этого ничего не выйдет. Тебе нужны ещ деньги, о мой проницательный друг?

Черт, вообще-то хрустики никогда не помешают...

— Нет, Хассан, с этим все в порядке. Папа бы. более чем щедр со мной.

— Если тебе понадобятся наличные, чтобы продвинуть вперед расследование, просто дай мн знать. Ты прекрасно справляешься, сын мой.

— По крайней мере, до сих пор еще жив.

— Ты красноречив и остроумен, как поэт, дорогой мой! Но прости, сейчас я должен идти. Са знаешь, бизнес есть бизнес...

— Это точно, Хассан. Позвони мне, как тольк переговоришь с Папой.

— Хвала Аллаху, пусть Он оградит тебя от бе

— Аллах йисаллимак.

Я встал, спрятал телефон. Затем принялся ры кать по комнате в поисках маленькой вещиц которую нашел в сумочке Никки: скарабея, украде ного моей подругой из коллекции Сейполта. Эт кусочек меди, как и кольцо, увиденное мной в время первого посещения дома немца, напряму связывали его с Никки. Конечно, теперь, ког Сейполт присоединился к бесконечной армии усо ших, ценность обеих улик стала довольно сомни тельной. Кстати, у доктора Еникнани все еще бы самодельный модик; он может оказаться важны вещественным доказательством. Я решил, что н стало время как-то обобщить все, что мне удало узнать, чтобы со временем передать властям. Н Оккингу, конечно, и не Хаджару. Вообще, сейчас смутно представлял себе, кого конкретно имею виду, но был твердо уверен, что существуют честн представители закона и порядка. В европейско суде мало трех улик для вынесения обвинительно приговора, но по исламским законам и обычая этого более чем достаточно, чтобы опустить кар ющий меч на голову убийцы.

В конце концов скарабей все-таки нашелся п

кроватью; я раскрыл сумку и засунул его поглубже. Я собирал свои вещи неторопливо и тщательно, чтобы ничего не оставить в квартире. Упаковавшись, сгреб мусор на полу в несколько аккуратных кучек. На настоящую уборку не было ни времени, ни сил, ни желания. Теперь ничто не указывало на то, что в квартире жил некий Марид Одран. Сердце охватила щемящая боль: я провел здесь больше времени, чем в любом другом убежище, это единственное место, которое можно назвать моим домом. Но сейчас оно превратилось в обычное, покинутое жильцом помещение с грязными окнами и продавленной кроватью. Я тихонько вышел и запер дверь.

Ключи я передал хозяину дома Казему. Он был удивлен и искренне огорчен моим внезапным уходом.

— Мне нравилось жить здесь, — сказал я, — но Аллах пожелал, чтобы я покинул твой дом.

Казем обнял меня, пожелал благополучно пройти по дороге, указанной Аллахом, прямиком до райских кущ.

Потом я отправился в банк и снял все деньги со счета. Бумажки засунул в конверт, полученный от Фридландер-Бея. Когда найду новое жилье, вытащу хрустики и посмотрю, сколько их осталось: я как бы растягивал удовольствие, наслаждаясь сознанием, что в кармане лежит целое состояние.

Третья остановка — отель «Палаззо ди Марко Аврелио». На мне была джеллаба, но волосы коротко острижены, а лицо гладко выбрито. Не думаю, что служащий узнал меня.

— Я заплатил за неделю вперед, — объяснил я ему, — но вынужден покинуть вас раньше, чем я планировал.

Служащий пробормотал:

— Нам очень жаль терять такого постояльца, господин.

Я кивнул и бросил ему свой жетон.

— Разрешите взглянуть... — он набрал номер комнаты на своем компьютере, увидел, что отель действительно должен мне немного денег, и стал печатать чек.

Бережно неся сумку, где лежали наличные, коробка с модиками и училками, а также одежда, я шел по городу, направляясь на юго-запад, с каждым шагом все больше и больше удаляясь от Будайина и района дорогих фешенебельных магазинов у бульвара иль-Джамил.

Вскоре я стоял в самом центре бедняцкого квартала, где живут одни нищие феллахи. Узкие петляющие улочки, маленькие низкие дома с плоскими крышами и облупившимися стенами; окна закрыты ставнями или тонкими деревянными решетками. Некоторые здания были кое-как отремонтированы, их обитатели пытались даже посадить кусты или еще что-то в иссушенной земле возле стен. Другие, казалось, давно уже пустуют: зияющие провалы окон, полусорванные ставни раскачиваются, едва держась на ржавых гвоздях, словно вывалившийся язык голодной усталой собаки. Я выбрал довольно аккуратный домик и постучал в дверь. Несколько минут пришлось подождать. Наконец выглянул высоченный мускулистый мужчина с пышной черной бородой и уставился на меня, подозрительно прищурив глаза; изо рта торчала щепка, которую он использовал вместо жвачки. Хозяин ждал, когда пришелец скажет, что ему нужно.

Без всякой уверенности в успехе, я приступил к изложению своей легенды.

— Я был брошен здесь, в незнакомом городе, подлыми компаньонами. Они похитили все товары и деньги. Во имя Всевышнего и его Пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, прошу тебя оказать гостеприимство.

— Понятно, — мрачно произнес мужчина. — Этот дом закрыт для чужих.

— Я не доставлю никакого беспокойства. Я...

— Советую тебе просить о ночлеге тех, чье гостеприимство основано на благополучии. Люди говорят, здесь живут семьи, где всегда есть в избытке еда для домашних, для собак и гостей, подобных тебе. Что касается меня, то, заработав на хлеб и горсть бобов для жены и четверых детей, я считаю день удачным.

Я понял, на что он намекает.

— Конечно, ты не хочешь затруднений для своей семьи. Проклятые лжедрузья, ограбившие меня, не знали, что я всегда ношу в сумке немного денег. Они, урча от жадности, схватили то, что лежало на виду, но у меня осталось достаточно средств, чтобы прожить день-два в этом городе, пока я не смогу вернуться и потребовать законного возмещения.

Хозяин молча смотрел на меня; словами его не убедишь, нужна маленькая демонстрация.

Я дернул молнию и открыл сумку; под его внимательным взглядом неторопливо порылся в одежде — рубашках, носках, штанах, — засунул руку поглубже и извлек банкноту.

— Двадцать киамов, — произнес я душераздирающим тоном. — Это все, что они мне оставили.

На лице моего нового друга отразилась жестокая внутренняя борьба. Для жителей этого квартала двадцать киамов — серьезная сумма.

— Если ты примешь меня, как гостя, под свое покровительство на два дня, — объявил я, — все эти деньги будут твоими. — Я помахал бумажкой перед его расширившимися от жадности глазами.

— О мой господин, мы люди небогатые...

— Тогда двадцать киамов облегчат твою жизнь.

В конце концов, я стал гостем Исхака Джарира, достойного хозяина дома. Его женщин я, естественно, не увидел. На втором этаже находилась общая спальня, а на первом было несколько чуланчиков для хранения всякой снеди. Джарир распахнул деревянную дверь одного из них и невежливо впихнул меня внутрь.

— Здесь ты можешь чувствовать себя спокойно, — прошептал он. — Если твои негодяи-друзья придут и начнут расспрашивать, мы ничего не скажем. Но ты останешься здесь только до завтра. После утренней молитвы придется покинуть наш дом.

— Хвала Аллаху за то, что направил меня к такому щедрому и великодушному человеку! Но мне еще надо завершить одно дело. Если все произойдет так, как я ожидаю, вернусь с двойником бумажки, которую ты сейчас сжимаешь в руке. Она также станет твоей.

Джарир не хотел ничего знать о подробностях моего «дела».

— Да будут успешными все твои начинания! — сказал он. — Но знай, если не вернешься до последней молитвы, в дом тебя не пустят.

— Как скажешь, о достойнейший. — Я оглянулся на ворох тряпок, которые послужат мне постелью сегодня ночью, невинно улыбнулся Исхаку Джариру и, подавив невольную дрожь, вышел на улицу.

Я повернул на узкую, мощенную камнем улочку, которая, как я думал, выведет меня на бульвар иль-Джамил. Но, дойдя до того места, где улица поворачивала влево, понял, что ошибся. Поскольку я все равно шел в верном направлении, последовал вперед. Однако когда я завернул за угол, увидел лишь голые стены домов: тупик. Я вполголоса выругался и повернулся. Придется идти обратно.

Путь преграждал какой-то человек. Он был ужасно тощим, носил растрепанную жиденькую неряшливую бородку. На лице незнакомца расползлась

заискивающая улыбка деревенского идиота. Одежда его состояла из желтой рубашки без воротника, потертого и сильно мятого коричневого костюма, белой в красную клетку кафии и поношенных коричневых английских ботинок. Его дурацкий вид напомнил мне Фуада, нашего будайинского блаженного. Очевидно, парень шел за мной до самого тупика, однако я не слышал его шагов.

Не люблю, когда ко мне кто-то подкрадывается. Разглядывая незнакомца, я открыл сумку. Он продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу и ухмыляясь. Я вытащил несколько училок, снова задернул молнию и попытался пройти мимо него, но рука парня уперлась мне в грудь. Я остановился.

— Не люблю, когда до меня дотрагиваются, — произнес я.

Он сразу отпрянул, словно только что осквернил величайшую святыню.

— Тысяча извинений, — сказал он дрожащим голосом.

— Зачем ты шел за мной? Тебе что-то нужно?

— Я подумал, что уважаемого господина заинтересует мой товар.— Он указал на портфель из фальшивой кожи, который держал в руке.

— Ты что, торговец?

— Я продаю модули, господин, а также набор самых полезных и интересных приставок, поступивших на рынок. Мне бы хотелось продемонстрировать их.

— Спасибо, не надо.

Он поднял брови, словно я не отказался, а попросил поскорее показать товар. Он уже не выглядел таким тупым и жалким.

— Это не займет много времени. Вполне возможно, у меня найдется как раз то, что ищет уважаемый господин.

— Я ничего не ищу.

— Наверняка ищете; иначе зачем было модифицировать мозг, не так ли?

Я пожал плечами. Он опустился на корточки и раскрыл портфель с образцами. Я твердо решил, что ничего не куплю у такого парня. Не имею дела с хорьками.

Он извлекал модики и училки, укладывая их в аккуратный ряд возле портфеля. Закончив, парень поднял на меня глаза. Он очень гордился своим товаром.

— Итак... — он выжидающе уставился на меня.

— Что «итак»?

— Итак, что вы скажете о них?

— О модиках? По-моему, ничем не отличаются от любых других. Что они собой представляют?

Он схватил модик, лежащий первым в ряду, и бросил мне. Я поймал его на лету. Этикетка отсутствует, корпус сделан из гораздо более грубого пластика, чем у модулей в магазине Лайлы и других модшопах. Самоделка.

— С этим ты уже познакомился, — произнес парень, снова расплывшись в жалкой извиняющейся улыбке.

Я вздрогнул и пристально посмотрел на него. Он сорвал с головы кафию. Редеющие пряди волос свисали до плеч.

Похоже, парень не мылся месяц. Он протянул руку и выдернул модик из розетки в голове. Маска ничтожного торговца исчезла. Глаза незнакомца остекленели, челюсть отвисла, но он быстрым отработанным движением вставил другой самодельный модик и мгновенно преобразился. Глаза неожиданно сузились, а рот исказила садистская гримаса-усмешка. За считанные доли секунды он стал совершенно другим человеком. Тут не нужны обычные средства маскировки: абсолютно иная манера говорить, двигаться, вести себя, иное выражение лица - все это действует гораздо эффективнее, чем всякі фальшивые усы, парик и грим.

Я здорово влип. В руке у меня был зажат моді Джеймса Бонда, а на меня смотрели холодны безжалостные глаза Ксаргиса Мохадхил Хана. Гл за, горящие огнем безумия.

Я дотянулся до розетки и вставил две училк Первая придает особую силу мускулам, блокиру боль либо усталость, пока моя плоть не начн рваться на клочки. Вторая полностью «отключи звук. Мне надо сконцентрировать внимание.

Хан, оскалившись, зарычал. Теперь его ру сжимала длинный, весьма зловещего вида кинжа серебряную рукоятку украшали разноцветные ка ни. «Сесть, — прочитал я по губам Хана. — Сес на землю».

Я не собирался облегчать ему задачу. Вместо то чтобы подчиниться, осторожно начал опускать ру пытаясь нащупать под складками джеллабы игл мет. Потом вспомнил: игломет все еще лежит п подушкой в номере отеля. Хотя нет, горничная у наверняка нашла его. А парализатор находится сумке, закрытой на молнию. Я стал медлен пятиться.

«Я давно уже шел за вами, господин Одран. следил за вами, когда вы были в полицейск участке, у Фридландер-Бея, в доме Сейполта, отеле. Я мог убить вас в ту ночь, когда притворил что считаю вас просто обыкновенным воришк Но я не хотел, чтобы нам мешали. Я ждал, ко: наступит *подходящий* момент. И вот теперь, гос дин Одран, вы умрете».

Читать по губам оказалось на удивление прост делом: жизнь замедлила свое течение, мир двига в два раза медленнее, чем обычно. У нас было вре много времени. Столько, сколько потребуется..

Губы Хана подергивались, рот исказила усмеш Он от души наслаждался каждой секундой сво триумфа. Шаг за шагом он оттеснял меня к сте Я не отрываясь смотрел на сверкающий клин которым Хан собирался не только лишить м жизни, но и разрубить на кусочки. Он хотел ук сить моими потрохами скользкие от грязи ка мостовой, словно праздничной гирляндой! Неко рых ужасает мысль о смерти, других гораздо бол пугает перспектива предсмертных мук. Честно го ря, я принадлежу ко второму типу. Я понимаю, когда-нибудь ко мне придет смерть, но надеюсь, она будет быстрой и безболезненной, наприм если повезет, наступит во сне. Но отдать ко: после страшных мучений, которые придется пре петь от руки Хана, — нет, это явно неподходя способ расстаться с жизнью.

Училки не давали мне впасть в панику. Е сейчас мною овладеет страх, через каких-ниб пять минут превращусь в ромштекс. Я сделал шаг назад, оглядывая улочку, стараясь нащу взглядом что-нибудь, способное дать мне хоть кой-то шанс одолеть этого маньяка с его прокля кинжалом. Времени почти не осталось...

Издавая истошные крики, он бросился впе держа кинжал на уровне плеча. Я дал ему при зиться на три шага, потом отклонился влев устремился навстречу противнику. Он ожидал, я отступлю и опешил от неожиданности. пальцы сомкнулись вокруг запястья руки, сжи шей нож; правой я надежно фиксировал ее, а л резко вывернул. Обычно таким способом можн особого труда обезоружить нападавшего, но оказался очень сильным человеком. Неестеств сильным для обладателя такого тела: безумие дик и училки придали ему дополнительную м

Хан издал пронзительный вопль и отбросил меня, потом прыгнул и, прежде чем я успел отпрянуть, навалился. Я лежал, словно распятый: одна рука прижата к земле коленом, другая — когтистой лапой маньяка. Он занес сжатый кулак, чтобы через мгновение обрушить удар на мое незащищенное горло. Я вскрикнул, попробовал скинуть его, но не смог даже пошевелиться. Напрягая все силы в отчаянных попытках освободиться, я увидел, как глаза Хана зажглись огнем ликования. Он напевал какую-то бессвязную молитву своему металлическому ангелу смерти. Наконец, дико вскрикнув, опустил кулак. Удар пришелся по лицу, я едва не потерял сознание.

Хан вскочил и бросился за кинжалом. Я заставил себя сесть и начал лихорадочно шарить руками по мостовой. Надо найти сумку. Хан подобрал кинжал и кинулся ко мне. Я рванул молнию и вывалил содержимое сумки на землю. Хану осталось сделать всего несколько шагов — и тут я нажал кнопку парализатора и долго не отпускал ее. Хан издал жуткий булькающий вопль и свалился, как подкошенный, рядом со мной. Он очнется лишь через несколько часов.

Училки блокировали боль, правда, не полностью. Однако я пока еще не способен двигаться и вообще, смогу сделать что-нибудь полезное не раньше, чем через пару минут. На моих глазах кожа Хана приобрела синеватый оттенок, он задыхался, разевая рот, словно выброшенная на берег рыба. Потом начались судороги. Неожиданно он обмяк и замер. Убийца, наводивший страх на весь квартал, неподвижно лежал всего в нескольких сантиметрах от меня. Я с трудом сел, всхлипывая, будто маленький мальчик. Как только почувствовал, что немного очухался, выдернул модик Хана из головы неизвестного. Потом нашел телефон и позвонил Оккингу, чтобы сообщить радостную весть.

18.

Когда прибыл Оккинг, он был на седьмом небе от радости. Лейтенант просто ликовал — другого слова не подберешь. Первый раз в жизни я видел его таким счастливым и довольным. Оккинг выказал небывалую вежливость и предупредительность, трогательную заботу о моем самочувствии. Он так хорошо себя вел, что я решил: вместе с легавыми приехали ребята из программы городских новостей и снимают все это для передачи, но, как ни странно, ошибся.

— Что ж, с меня причитается, Одран, — сказал он.

По-моему, он должен мне гораздо больше.

— Я сделал за тебя всю паршивую работу, Оккинг.

Он не отреагировал даже на этот укол.

— Возможно, возможно... Теперь я, по крайней мере, смогу хоть немного выспаться.

Хан очнулся, однако лишившись своего модика, сразу же начал кричать. Я вспомнил, как ужасно себя чувствовал, когда выдернул училки, хотя носил их всего пару дней. Кто знает, сколько времени Хан скрывался, пряча свое истинное «я» сначала под одним личностным модиком, потом под другим... Возможно, лишившись псевдоличности, руководившей его поступками, он осознал всю дикость совершенных им преступлений и был не в силах перенести это. Убийца лежал на мостовой, скованный по рукам и ногам, извиваясь и посылая страшные проклятия на наши головы. Оккинг молча наблюдал за ним несколько секунд.

— Унесите его отсюда, — приказал он наконец двум полицейским в форме.

Они не очень-то нежно сделали это, но я не испытывал к Хану никакого сочувствия.

— Теперь что? — спросил я Оккинга.— Когда узнают, что полицейский получал деньги от иностранной державы, ты станешь не очень-то популярной фигурой в городе.

Он кивнул.

— Уже узнали, мой друг, по крайней мере, те, чье мнение имеет силу. Мне предоставили выбор: либо поискать работу в другом месте, либо провести остаток жизни в одной из ваших типичных крысиных нор, которые почему-то называются тюрьмами. Не понимаю, как можно бросать людей в такие адские дыры, это ведь просто средневековье!

— Ты сам немало сделал для того, чтобы поддерживать прирост населения в наших тюрьмах. Тамошние обитатели будут ждать тебя с большим нетерпением...

Он вздрогнул.

— Как только улажу все дела, упакую чемоданы и тихо исчезну в ночи... Но они могли бы, по крайней мере, как-нибудь отметить мою работу. Понимаешь, неважно, был я иностранным агентом или нет, но я сделал немало полезного для города и никогда не шел на сделку с совестью, за исключением одного-двух случаев.

Я молча отвернулся и начал засовывать в сумку разбросанные по мостовой вещи. Горький урок не прошел даром: я засунул парализатор под джеллабу. Насколько я понял из беседы с лейтенантом, с формальностями было покончено, и я мог идти.

— Ты дождешься, пока поймают убийцу Никки? — спросил я.

Он почти искренне удивился.

— Никки? Ты о чем, Марид? Мы схватили убийцу. Ты просто рехнулся от страха, Одран. Никаких доказательств того, что существует второй убийца, нет. Да ты ведь сам еще недавно говорил об одном убийце. Успокойся и не морочь людям голову, иначе очень скоро убедишься в том, что герои зачастую превращаются в бывших героев.

Вот слова настоящего легавого! Я поймал Хана и передал Оккингу; теперь проклятый сукин сын объявит, что парень, арестованный полицией, убил всех: от Богатырева до Сейполта.

В том, что этих двоих пришил он, сомнений нет: теперь я был убежден — Никки, Абдулла и Тами стали жертвами другого, не известного нам убийцы. Доказательства? Ни одной серьезной улики, но иначе происходящее попросту не складывается в единую картину. Международная интрига: одни пытаются похитить Никки и вернуть на родину к отцу, а другие стремятся убрать ее, чтобы предотвратить скандал при дворе. Если допустить, что Хан убивал агентов и той, и другой стороны, то объяснить его действия можно лишь тем, что парень — психопат, которому просто нравится играть в ангела-истребителя, и искать логику в его поступках бессмысленно. Чушь! Он был профессионалом, наемным убийцей, который уничтожал намеченные цели, чтобы защитить интересы хозяев и обеспечить свою безопасность, не оставив свидетелей. Человек, искромсавший Сейполта не сумасшедший, он только носил модик психа.

Этот человек не имел никакого отношения к смерти Никки. Даже если лейтенант решил, что ему удобнее думать иначе.

Спустя восемь — десять минут после разговора с Оккингом раздался звонок телефона. Хассан. Он обещал перезвонить и передать, что решил Папа насчет нашей встречи.

— У меня тоже есть кое-какие новости, Хассан, — объявил я.

— Фридландер-Бей примет тебя в ближайшее время. Он вышлет машину минут через пятнадцать. Надеюсь, ты дома?

— Нет, но я буду ждать на крыльце. Я встречался с довольно интересными людьми, однако все уже разошлись по домам.

— Это хорошо, мой племянник. Ты заслужил отдых в компании добрых друзей.

Я уставился в затянутое облаками небо, вспоминая недавнюю смертельную схватку с Ханом; в принципе слова Шиита должны меня рассмешить, но смеяться не хотелось.

— Отдыхать мне не пришлось, Хассан. — Я рассказал, что произошло вплоть до того, как брыкающегося убийцу унесли легавые.

Хассан от удивления лепетал что-то неразборчивое.

— Одран, — объявил он наконец, когда взял себя в руки, — Аллаху приятно, что ты, Его верный слуга, жив, маньяк схвачен, и мудрость Фридландер-Бея восторжествовала.

— Да, это точно, — согласился я. — Правильно, Хассан, приписывай все заслуги нашему Папе. Ничего не скажешь, он сильно поддерживал меня своей сверхъестественной мудростью! Если подумать, он помогал не больше, чем Оккинг. Конечно, Папа загнал меня в угол и заставил покорно подставить башку хирургам, но потом наш босс просто восседал в своем кабинете и подбрасывал своему верному слуге хрустики время от времени. Папе известно все, что происходит в Будайине, Хассан. Ты хочешь сказать, что они с Оккингом ничего не видели, ничего не слышали и просто стояли с разинутыми ртами? Ерунда. Я выяснил, как участвовал в этом деле Оккинг, но еще больше хотел бы знать, какова истинная роль Папы.

— Молчи, отродье шелудивого пса! — Шиит отбросил маску сладкоречивого святоши. — Тебе еще предстоит научиться разговаривать с теми, кто старше и выше тебя! — Затем, так же неожиданно, вернулся прежний смиренный слуга Аллаха. — Ты все еще не пришел в себя после сражения со злодеем. Прости меня за то, что я на миг сорвался, сын мой, именно я должен проявить большее понимание и сочувствие. Все в руках Аллаха, все подвластно воле Его. Итак, о племянник, скоро приедет машина. Фридландер-Бей будет очень доволен.

— Я не успею купить ему маленький подарочек, Хассан.

Он хмыкнул.

— Твой рассказ — лучший подарок. Ступай с миром, Одран.

Я ничего не ответил и убрал телефон. Потом поправил сумку на плече и зашагал к своему бывшему дому. Я встречусь с Папой, а потом спрячусь в пыльном чулане Исхака Джарира. Хорошие новости: из игры выбыл Хан. Именно он высказывал страстное желание убрать меня. Стало быть, второй убийца не жаждет моей смерти. По крайней мере, я очень надеюсь на это.

Появилась машина, и мы добрались до имения Фридландер-Бея. Лакей оставил меня в той же комнате, где я уже дважды ожидал приема. Папа молился.

Наконец, один из Булыжников, охраняющих Папу, сделал мне знак. Я вошел в кабинет. Папа ожидал меня, сидя на антикварном диване.

— Ты снова оказываешь нам великую честь, — произнес он, указав, чтобы я располагался на другом таком же диване напротив. — Прошу, раздели мой скромный обед.

— Ты отец щедрости, о шейх!

Слуги внесли первую перемену блюд; Фридландер-Бей тем временем говорил о разных пустяках. Мы отведали понемногу от каждого яства: все удивительно вкусно приготовлено. Я решил избавиться от училки, подавляющей чувство голода, сразу же осознал, что страшно хочу есть.

Слуги внесли блюдо с мясом ягненка, куриц говядиной, рыбой и гарниром, рисом и овощами. конце трапезы нам предложили несколько сорт сыра и свежие фрукты. Когда тарелки унесли, Па и я раскинулись на диванах, попивая крепкий ко со специями.

— Да будет вечно обильным твой стол, о шейх, произнес я. — Это была лучшая трапеза в моей жиз

Ему явно пришлись по вкусу мои слова.

— Слава Аллаху, я рад, что сумел угодить те Выпьешь еще кофе?

— Да, благодарю, о шейх.

Все слуги, включая даже Говорящих Булыж ков, удалились. Фридландер-Бей налил мне кс сам: почет, который оказывают особо дорогс гостю.

— Теперь ты должен признать, что все мои пла относительно тебя были верными, — сказал негромко.

— Да, о шейх, моя благодарность безгранич

Он отмахнулся.

— Не ты, а мы все, жители города, долж благодарить тебя, о сын мой. Теперь надо пого рить о будущем.

— Прошу прощения, о шейх, но пока мы обеспечили свою безопасность сегодня, рано ст ить планы на будущее. Один из угрожавших і убийц пойман, но второй все еще на свободе. поступим мудро, если постараемся выяснить, ктс и где его логово.

Старец нахмурился и потер щеку.

— О сын мой, лишь ты один веришь в сущес вание второго убийцы. Не вижу, почему чело который сначала был Бондом, а затем Ханом мог стать и палачом, так неслыханно надру шимся над Абдуллой. Ты упоминал о том, чт Хана имелось множество личностных моду. Разве нельзя допустить, что один из них сдела. Бонда-Хана демона, убившего принца Никол

Господи, как мне убедить этих людей?

— О шейх, по твоей теории выходит, что с и тот же человек работал и на коммуно-фашис и на белорусских монархистов. Если так, тс мешал бы самому себе на каждом шагу! Кр всего прочего, экспертиза установила, что неи тный, убивший Тами, Абдуллу и Никки, массивнее, чем Хан. И имел короткие тол пальцы.

По лицу Фридландер-Бея скользнула слабая улы

— Твой анализ событий, о достойный сын весьма интересен, но, увы, страдает ограни ностью. Я сам иногда вынужден поддерживать стороны. Что еще остается делать, если ссор твои возлюбленные друзья?

— Прости меня, о шейх, но мы говорим о с хладнокровных убийств, а не о ссорах. Кроме ни немцев, ни русских нельзя назвать наш возлюбленными друзьями. Их свары не им никакого значения для нас, жителей города.

Папа покачал головой.

— Ограниченное видение, — тихо, словно себя, повторил он. — Когда империи неве рассыпаются, пред миром предстаем мы, об новую силу. Когда два мерзких шайтана, С ненные Штаты и Советский Союз, распали разное время на множество государств-оско. это был дар Аллаха.

— Дар? — я никак не мог понять, при чем Никки, мой модифицированный мозг и нес ные, заброшенные обитатели Будайина.

Брови Фридландер-Бея сошлись в единую ли

неожиданно он стал похож на великого воина пустынь, подобного могучим военачальникам, за многие сотни лет до него поднимавшим гигантские армии на битву. Причем каждый потрясал непобедимым Мечом Пророка.

— Джихад, — прошептал он.

Джихад. Священная война. Один из пяти столпов ислама. В ушах зашумело, кожа на мгновение покрылась мурашками. Теперь, когда бывшие великие державы становились все более и более беспомощными, истерзанные голодом и междоусобицей, настало время ислама завершить завоевание мира, начатое много столетий назад. В глазах Папы сейчас горел огонь безумия, который я видел у Хана.

— Все свершится по воле Аллаха, — сказал я.

Фридландер-Бей шумно вздохнул и одарил меня благосклонной улыбкой. Он не заметил иронии в моем тоне. Папа был гораздо опаснее, чем я когда-либо мог предполагать. В нашем городе он обладал абсолютной властью; если прибавить еще сверхпочтенный возраст и эту идефикс... С ним надо держаться с особой осторожностью.

— Ты очень обяжешь меня, если примешь это, — он протянул мне очередной конвертик. Я взял его.

— Не могу выразить словами, как я благодарен...

— Не ты, а я твой должник, сын мой. Ты хорошо потрудился, а я всегда награждаю тех, кто претворяет в жизнь мои желания.

Попрощавшись, я покинул кабинет Папы и всю дорогу до Будайина размышлял над событиями последних дней.

Уже стемнело: у Френчи, как всегда по понедельникам, собралась порядочная толпа народу. В основном, моряки военного и торгового флота, пришедшие сюда из порта, преодолев пятьдесят миль; пять-шесть туристов мужского пола, которые жаждут развлечений, но обретут нечто совсем иное, и несколько путешествующих парочек, стремящихся услышать как можно больше удивительных, исполненных местного колорита, историй, чтобы дома пересказать их ахающим соседям. Были и бизнесмены из города, которые, скорее всего, знали здешние нравы, но все равно пришли, чтобы выпить и поглазеть на обнаженных девочек.

Помощница Френчи Далия подошла к новому клиенту, волоча по стойке мокрую тряпку. Она пару раз обмахнула место рядом со мной.

— Пиво?

— Джин и бингара со льдом.

Она подозрительно прищурилась.

— Марид? Ты?

— Как тебе нравится мой новый облик?

Она уронила тряпку и молча уставилась на меня. Она явно не узнавала меня без бороды.

— Френчи! — завопила Далия. — Он пришел, Френчи!

Все вокруг обернулись, чтобы посмотреть на меня.

— Марид, — торжественно произнес он. — Я слышал, ты вычислил и уделал парня, который кокнул сестер.

До меня дошло, что я теперь герой квартала.

— А, ну да. Вообще-то, это он меня вычислил и чуть было не уделал. Да, у него это здорово получалось, пока я не рассердился.

Френчи ухмыльнулся.

— Ты единственный, кто не наложил в штаны и выручил всех нас. Даже лучшие люди города плелись за десять шагов позади тебя. Ты спас много жизней, Марид. С этого дня будешь получать бесплатную выпивку в моем заведении и повсюду на Улице. И никаких чаевых. Я поговорю с девочками.

Это единственный жест, на который способен Френчи, и я оценил его.

— Спасибо.

Не успев как следует освоиться с ролью героя, я уже понял, что иногда она может здорово раздражать. Мы немного поговорили. Я попытался убедить Френчи, что на свободе остается второй убийца, но он не хотел об этом слышать. Френчи предпочитал верить, что все опасности позади. В конце концов, какие у меня доказательства? С тех пор как погибла Никки, неизвестный ни разу не использовал сигареты в качестве орудия пытки.

— Что именно ты ищешь? — спросил Френчи.

Я перевел взгляд на сцену, где танцевала Бланка. Это она обнаружила тело Никки.

— У меня есть одна улика; кроме того, я примерно знаю, что ему нравится делать со своими жертвами.

Я рассказал о модике, который нашел в сумочке у Никки, и об ожогах, порезах и кровоподтеках на телах убитых.

Френчи задумался.

— Знаешь, — произнес он медленно, — я помню, кто-то говорил мне о таком клиенте.

— Да ну? Клиент пытался прижечь девочку?

Френчи покачал головой.

— Нет-нет. Девочка рассказывала, что когда она стянула с клиента одежду, то увидела ожоги и шрамы от порезов — точь-в-точь как ты говорил.

— Чей это клиент, Френчи? Мне надо с ней поговорить.

Он напряг память.

— Ага! Вспомнил: Мирабель.

— Мирабель?! — я не верил своим ушам. Это была старуха, восседавшая сейчас в углу у стойки. Она всегда устраивалась там. Возраст дамы — примерно от шестидесяти до восьмидесяти лет; полвека назад, когда она еще обладала нормальным телом и личиком, Мирабель работала танцовщицей. Когда миновала первая молодость, бросила развлекать полупьяную публику и сосредоточилась на тех аспектах индустрии развлечений, которые приносили хрустики гораздо быстрее. Достигнув еще более почтенного возраста, вынуждена была уменьшить запросы, чтобы ее не вытеснила с рынка напористая молодежь. Теперь на голове у Мирабель красовался роскошный ярко-красный нейлоновый парик, сочный и упругий, как искусственные лужайки в европейском квартале города. Мирабель так и не накопила достаточно денег, чтобы модифицировать тело или мозг. По контрасту с окружающими ее великолепными телесами — лучшими, которые можно купить за хрустики, — ее лицо казалось даже более старым и сморщенным, чем на самом деле.

Вот почему в рассказ Френчи верилось с трудом. Как она подцепит клиента, сидя в темном уголке бара?

— Она отвела его к себе домой, — ухмыляясь, сообщил Френчи.

— Да кто согласится пойти с ней?!

— Тот, кому нужны деньги.

— Ах ты, черт! Значит, это она платит?

— Если есть круговорот воды в природе, почему то же самое не может происходить с людьми?

Я поблагодарил Френчи за ценную информацию и сказал, что должен побеседовать с Мирабель. Он засмеялся и отправился к кассе. Я подсел к ветерану древнейшей профессии.

— Привет, Мирабель.

Ей пришлось долго разглядывать мою физиономию. Наконец она радостно воскликнула:

— Марид! Купишь мне выпивку, милый?

— Хорошо.

Я сделал знак Далии, и она сразу поставила перед

престарелой красоткой порцию коктейля. Барменша ухмыльнулась мне; я с обреченным видом пожал плечами.

— Мирабель, — обратился я к своей даме, — Френчи сказал, что ты видела какого-то парня с ожогами и шрамами по всему телу. Ты можешь вспомнить, кто это был?

— Я видела?

— Парень, которого ты отвела к себе домой.

— Когда?

— Не знаю. Если я найду его и хорошенько расспрошу, мы спасем много жизней.

— Правда? А что я за это получу?

— Сотня киамов, если вспомнишь.

Мои слова подействовали, как ведро холодной воды. Она не видела такой суммы со времен бурной юности, а эти годы казались далекими, как древние предания. Мирабель вся напряглась, пытаясь воссоздать облик своего ночного знакомца.

— Ты знаешь, — сказала она наконец, — что-то такое действительно было. Но хоть убей, не могу вспомнить, кто он. Марид, я обязательно вспомню. А награда еще...

— Как только вспомнишь, позвони мне или скажи Френчи.

— А мне не придется с ним делиться?

— Нет.

На сцене появилась Ясмин. Она увидела меня рядом с Мирабель и с презрением отвернулась. Я сказал:

— Спасибо, Мирабель, мне пора.

— Уже уходишь, Марид? — спросила Далия.

— Куча дел.

Я оставил гостеприимный бар.

В самый разгар ликования жителей Будайина, избавившихся с моей помощью от страха перед убийцей, я чувствовал себя более одиноким, чем когда-либо.

19.

— На самом деле ты не хочешь этого.

Вулф восседал на стуле, словно воплощение высокомерия и самодовольства: глаза полузакрыты, губы то выпячиваются, то сжимаются в тонкую линию.

— Ты не хочешь этого, — повторил великий детектив.

— Нет, хочу! — вскричал Одран. — Хочу, чтобы все поскорее закончилось!

— Тем не менее... — Он поднял толстый палец и помахал им. — Ты продолжаешь надеяться на какое-то простое решение проблемы, некий способ, который избавит тебя от опасности быть убитым или, что еще больше пугает тебя, изуродованным. Если бы Никки убили чисто, без изуверской жестокости, ты без колебаний преследовал бы преступника и нашел его. А теперь ситуация, в которой ты оказался, ужасает тебя все больше, и ты желаешь лишь одного: спрятаться от реальности. Подумай сам, где ты сейчас находишься: скорчился в вонючем чулане какого-то феллаха. Фу! — Он осуждающе нахмурился.

Одран почувствовал, что обречен на поражение.

— Ты хочешь сказать, что я избрал неверный путь? Но ведь детектив ты, а не я! Я просто Одран, здешний обитатель, который сидит на горке тряпья рядом с пластиковыми стаканами и прочим мусором. Ты ведь сам постоянно твердишь, что любая спица приведет муравья к центру колеса.

Вулф пожал плечами (то есть чуть приподнял их).

— Да, я действительно так говорю. Но если муравей проползет три четверти пути по оси, прежде чем выбрать спицу, он рискует потерять не просто время, а гораздо более ценную вещь, м‹ друг!

Одран беспомощно развел руками.

— Я приближаюсь к цели своим способом. общем, как умею. Почему бы тебе, о эксцентричн гений, не использовать свои великие способнос и просто объяснить, где мне искать второго убий

Вулф вцепился в ручки стула и медленно подн свое массивное тело. На лице гения дедукции зас ло очень озабоченное выражение. Пора навест орхидеи.

* * *

Вытащив из розетки модик и вставив вместо н свои суперучилки, я обнаружил, что сижу на п чулана, зажав голову между колен. Теперь я сн почувствовал себя непобедимым: исчезли голод, ус лость, жажда, страх, даже гнев. Я сжал губы, приг дил растрепавшиеся волосы, принял героический в Ну-ка, ребята, разойдитесь, это работа для...

Это работа для меня. Да, наверное. Тут уж нич не поделаешь. Я бросил взгляд на часы. Уже ве Тем лучше: все наши местные потрошители и потенциальные жертвы как раз вышли на охоту хотел доказать этой раздувшейся от чванства ж Ниро Вулфу, что настоящие, из плоти и крови, придуманные люди тоже способны шевелить сво примитивными мозгами. А еще хотел прожить о ток жизни без подспудного страха, что через мгн ние меня начнет выворачивать наизнанку. След тельно, надо найти убийцу Никки. Вот и все.

Я вытащил конверт и пересчитал хрустики, вк чая те, что в последнюю встречу мне дал П Пятьдесят семь с лишним тысяч киамов. Я рас тывал найти самое большее пять кусков. Я д сидел, не отрывая глаз от толстой пачки банк Потом убрал деньги, вытащил коробочку с пил ками, проглотил без воды двенадцать паксиу Покинул свое убежище, по пути столкнулся с Д риром и, не проронив ни слова, вышел из его д

Улицы в этом квартале уже были пустынны чем ближе я подходил к Будайину, тем бол встречалось прохожих. Я миновал Южные воро зашагал по Улице. Во рту пересохло, хотя училк идее должны контролировать работу эндокри системы. Хорошо еще, что я не *чувствовал* ст потому что... потому что на самом деле напуга смерти. Мне повстречался Полу-Хадж; он чт произнес, но я просто кивнул и прошел м словно столкнулся с незнакомым человеком. Д но быть, сегодня в городе проходил какой-то с или к нам привели группу туристов, потому что вспоминаются небольшие скопления чужаков, пившихся посреди Улицы, глазеющих на живо ные бары и кафе. Я даже не удосужился обойт просто отталкивал стоявших на пути.

Когда я добрался до магазина Шиита, дверь заперта. Я стоял, тупо уставившись на нее помню, чтобы заведение Хассана когда-нибуд крывали. Если бы такое увидел обычный челов имени Марид Одран, он сообщил бы Оккинг сейчас здесь стояли Одран и его чудо-учи Поэтому я вмазал несколько раз по замку. Нак он не выдержал моего натиска, и я смог войт

Абдул-Хассан, наш юный американец, естес но, не сидел на своем обычном месте, ведь ма пуст. Я быстро пересек комнату, сорвал т прикрывавшую вход на склад. Там тоже нико оказалось. Я почти бегом преодолел неосвеще проход между высокими рядами деревянных ящ с товарами, распахнул массивную стальную дв вышел в темный переулок. Напротив, в (

красовалась еще одна дверь, а за ней — комната, в которой я когда-то выторговывал свободу для Никки (увы, моя подруга недолго наслаждалась ею). Я подошел к последнему препятствию и забарабанил по гулкому железу. Нулевой результат. Я снова принялся отбивать кулаки. В конце концов послышался тонкий голос, сообщивший мне что-то по-английски.

— Хассан! — заорал я.

Новая порция загадочных отрывистых фраз; затем голос пропал, а через несколько секунд его обладатель опять выкрикнул несколько слов на языке неверных. Я поклялся, что, если переживу сегодняшнюю ночь, обязательно куплю пареньку арабскую училку. Потом вытащил конверт с деньгами и стал размахивать им в воздухе, вопя, как пароль: «Хассан! Хассан!».

Дверь немного приоткрылась. Я вынул тысячную банкноту, сунул бумажку в руку американца, дал ему полюбоваться на остальные хрустики и сказал: «Хассан! Хассан!» — дверь с грохотом захлопнулась; мои деньги бесследно исчезли.

Когда дверь снова приоткрылась, я был готов действовать: сразу же вцепился в ее край, потянул изо всех сил, заставив мальчишку в конце концов отпустить ручку. Он, пронзительно вскрикнув, навалился на дверь, но все-таки разжал пальцы. Я распахнул ее и сразу перегнулся пополам: поганец стукнул меня изо всех сил. Он маленького роста, поэтому удар не попал в цель, но все равно было довольно больно, даже несмотря на училки. Я схватил его за рубашку, влепил пару хороших затрещин, стукнул головой о стену и отпустил. Абдул-Хассан свалился, как мешок, на грязную мостовую. Я немного постоял, чтобы отдышаться. Училки работали отлично: сердце билось ровно, как будто я только что отплясывал на вечеринке, а не дрался. Перед тем как отправиться дальше, я нагнулся над мальчишкой и вытащил зажатую в кулаке тысячную банкноту. Как часто говорила моя мамочка, никогда не бросай свои вещи где попало.

На первом этаже — ни души. Я решил запереть за собой стальную дверь, но потом передумал. Возможно, придется быстро сматываться. Прижимаясь к стене, стараясь идти бесшумно, я медленно и осторожно двигался к лестнице возле левой стены, которая вела наверх. Я вытащил коробку с приставками и задумался. Обе мои розетки загружены не полностью; можно нацепить еще три штуки, но я ведь, кажется, обзавелся всем, что пригодится в критической ситуации.

В комнате на втором этаже находилось два человека. В углу, рассеянно улыбаясь и сонно протирая глаза, стоял Хассан. Он выглядел так, словно его отвлекли от некоего приятного времяпрепровождения.

— А, Одран, мой племянник.

— Хассан...

— Тебя впустил мальчик?

— Я дал ему тысячу киамов и избавил от ответственности. Потом избавил и от денег.

Хассан тихонько рассмеялся.

— Как ты знаешь, я привязан к мальчишке, но он американец. — Непонятно, что хотел сказать Шиит: то ли «он американец, значит, тупой», то ли «он американец, этого добра навалом, я всегда могу достать другого».

— Он нам не помешает.

— Очень хорошо, о обладатель многих достоинств, — сказал Хассан. Он опустил глаза на Оккинга, распростертого на полу. Ноги и руки лейтенанта были привязаны нейлоновыми веревками к кольцам, вделанным в стены. Совершенно очевидно, что Хассан так забавлялся и раньше. Причем довольно часто. Спину, ноги, руки и лицо Оккинга покрывали ожоги от сигарет и длинные порезы, из которых сочилась кровь. Не знаю, кричал он или нет, — училки заставили меня сосредоточить все внимание на Хассане. Но одно могу сказать точно — лейтенант был еще жив.

— В конце концов ты все-таки добрался до легавого, — произнес я. — Наверное, ты сейчас жалеешь, что у него нет розетки. Ты ведь любишь использовать свой особый модик, правда?

Хассан поднял брови:

— Да, тут уж ничего не поделаешь... Но зато у тебя две розетки. Я уже предвкушаю удовольствие, которое ты скоро подаришь мне, о сынок. Кстати, должен поблагодарить тебя, племянник, за то, что порекомендовал мне этого полицейского. Я, честно говоря, пребывал в уверенности, что мой сегодняшний гость и вправду тот безмозглый болван, за которого себя выдавал. Но ты постоянно твердил, что он скрывает важную информацию. В конце концов я подумал: не стоит рисковать, а вдруг ты прав?

Я нахмурился, посмотрел на извивающееся тело Оккинга и пообещал себе, что, когда снова стану самим собой, непременно ударюсь в истерику.

— С самого начала, — сказал я спокойно, словно обсуждая стоимость партии пилюль, — я вбил себе в башку, что здесь орудуют два убийцы-модика. Я не мог даже представить себе, что вторым преступником может оказаться старый добрый маньяк. Какой же я болван: ломал голову, пытаясь перехитрить суперсовременного профессионала международного класса, а это был всего-навсего местный старикашка-пакостник! О Аллах, сколько времени потрачено впустую, Хассан! Мне должно быть стыдно брать деньги у Папы за такую паршивую работу!

Естественно, произнося свою речь, я незаметно подбирался все ближе и ближе к нему, разглядывая тело, распростертое на полу, с печалью и укоризной покачивая головой, — в общем, изображая из себя добросердечного, умудренного опытом сержанта полиции, который пытается урезонить слабонервного жлоба, собравшегося прыгнуть с энного этажа небоскреба. Можете поверить мне на слово: это гораздо труднее, чем кажется на первый взгляд.

— Ты больше не получишь от Фридландер-Бея ни киама. — Казалось, Хассан искренне опечален моей судьбой.

— Может быть, да, а может, нет, кто знает?

Я медленно приближался к нему, не отрывая взгляда от пухлых коротких пальцев, сжимающих обычный дешевый кривой арабский нож.

— Каким же я был слепцом! Ты работал на русских.

— Конечно, — раздраженно отрезал Хассан.

— Ты похитил Никки.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Нет, о племянник, ее забрал Абдулла, а не я.

— Но он действовал по твоему приказу.

— По приказу Богатырева.

— Абдулла похитил ее из виллы Сейполта.

Хассан молча кивнул.

— Значит, Никки еще была жива, когда я в первый раз разговаривал с немцем. Она находилась где-то в доме. Сейполт собирался переправить ее к немцам. Потом, когда я пришел к нему, чтобы вырвать правду, он уже стал трупом.

Хассан глядел на меня, то и дело пробуя пальцем лезвие.

— После смерти Богатырева ты убил ее и засунул тело в мешок для мусора. Потом убил Абдуллу и Тами, чтобы защитить себя. Кто заставил Никки написать записку?

— Сейполт, о мой проницательный друг.

— Значит, единственный, кто может раскрыть твою причастность к убийствам — Оккинг.

— Не считая тебя, конечно.

— Да, конечно. Ты отличный актер, Хассан. Ты сумел полностью обдурить меня. Если бы я не нашел случайно твой самодельный модик, — он оскалился, словно зверь, застигнутый врасплох, — если бы не другие улики, которые выдавали связь Сейполта с исчезновением Никки, у меня не оказалось бы ни единой зацепки. Вы с немецким наемником Ханом отлично сработали. Я и не подозревал ничего, пока не сообразил, что все мало-мальски важные сведения шли через тебя. Подумать только, преступник был совсем рядом, требовалось только увидеть его. В конце концов я просто не мог не сообразить. Это ты, твои проклятые короткие, жирные, неуклюжие пальцы...

Я продвигался все ближе и ближе. Нас отделяло всего десять футов. Еще один шаг... В это мгновение Шиит разрядил в меня всю обойму.

В его руке вдруг возник маленький белый пластиковый игломет, целая армада игл пронзила воздух. Последние два заряда вонзились мне в бок чуть пониже левой руки. Я почти не почувствовал их, словно это произошло не со мной. Конечно, я сознавал, что потом будет по-настоящему больно, а какая-то часть рассудка, не подконтрольная училкам, задалась вопросом, отравлены иглы или это просто острые кусочки металла, которые должны разнести тело в клочья. Впрочем, очень скоро я почувствую ответ.

Меня охватило отчаяние. Я совсем забыл про свой парализатор и в любом случае не собирался состязаться в меткости с Шиитом... Уже падая, сумел выхватить черную училку и вогнал ее в розетку.

Как описать свои ощущения? Ты привязан к креслу, и зубной врач дрелью вгрызается в небо; ты чувствуешь, что еще немного и начнется приступ эпилепсии, а он все не начинается, и ты страстно желаешь, чтобы пришли долгожданные муки, потому что вечно находиться на грани еще страшнее. Глаза слепит яркий свет, в уши бьет непереносимо громкий шум, тело словно трут наждаком шайтаны, в нос бьет непередаваемо мерзкая вонь, тошнотворная гадость забила рот... Я был готов умереть, лишь бы избавиться от всего этого.

Готов растерзать любое живое существо, оказавшееся рядом. Я схватил Хассана за руки и вонзил зубы в его горло. В лицо брызнула горячая кровь, помню, я еще подумал, какой у нее замечательный вкус... Хассан дико взвыл от боли и страха; он начал бить меня по голове, но не в силах был оторвать от себя охваченное бессмысленной яростью, отчаянием и паническим ужасом животное, в которое я превратился. Его тело стало извиваться в моих руках, мы вместе свалились на пол. Шииту удалось отползти в сторону. Он вскочил, вставил новую обойму в игломет, нажал на спуск, вгоняя в мое тело заряд за зарядом. Я снова прыгнул, опять вцепился в горло, разрывая зубами плоть, выдавливая пальцами глаза. Теперь кровь заструилась по рукам, теплая кровь врага... Хассан издавал ужасные вопли, но их почти перекрывал мой надсадный животный вой. Черная училка безжалостно терзала меня, словно едкой кислотой разъедала мозги. Даже поединок, высвободивший всю звериную страсть и ненависть, не принес ни капли облегчения, не избавил от бесконечной, монотонной пытки. Я кусал, рвал, грыз окровавленную тушу, которую некогда называли Шиитом.

Я очнулся в госпитале одиннадцать дней спустя, до предела накачанный транквилизаторами. Я у нал, что терзал Хассана, пока жизнь не покину его, и продолжал калечить уже бездыханное тел Хассан сполна заплатил за смерть Никки и остал ных, но по сравнению с тем, что сделал я, в преступления Шиита казались невинными детским играми. Я грыз и рвал труп, пока не превратил е в бесформенную груду мяса и костей, так ч полиции с большим трудом удалось установи личность покойного.

То же самое я сделал с Оккингом.

2

Перед выходом из госпиталя меня напутствов доктор Еникнани, добродетельный турок, котор подписал бумаги о выписке. Мне тоже здоро досталось от Хассана, но, к счастью, я не помн как это произошло. Порезы, ушибы, иглы, засевш в теле, не представляли особой проблемы для ме ков. Доктора просто починили мое бренное тело словно мумию, запеленали с ног до головы.

Подлинную проблему для врачей представля мои мозги. Я совершил и увидел слишком мно жутких вещей, поэтому доктор Еникнани с колле ми боялись, что как только они избавят меня черной училки и приставок, которые блокиру ощущения, в незащищенный рассудок хлынет по информации о происшедшем, и я сразу чокнусь, паук на роликовой доске.

Меня — то есть нас, два трупа и один полутр — нашел мальчишка-американец, и тут же выз легавых. Они доставили меня в госпиталь, а зд никто из высокооплачиваемых, высококвалифи рованных специалистов не пожелал рисковать ре тацией и положением, взяв на себя ответственнос «Как поступим, коллеги? Вытащить обучаю приставки или оставить их? Если вытащим, паци может навсегда потерять рассудок; если остав они все сожгут в его башке».

Первой они вытащили черную училку; осталь оставили, чтобы я пребывал в эмоциональном ва уме. Врачи шаг за шагом, медленно и осторо возвращали меня к полноценной жизни; мог гордостью заявить, что сейчас голова у меня ра тает так же, как прежде, а все училки я держ коробочке на случай, если нахлынет ностальги

На сей раз посетителей вообще не было. Очев но, мои приятели, в отличие от их героическ друга, не страдали потерей памяти. Я воспользо ся вынужденным бездельем, отрастив бород длинные волосы. Наконец во вторник утром док Еникнани решил меня выписать.

— Что вы собираетесь делать теперь?

Я пожал плечами.

— С этого дня я собираюсь посвятить какому-нибудь спокойному маленькому бизн скажем, продаже поддельных древних монет ту там. Хватит с меня. Не хочу никаких забо неприятностей.

Доктор подписал бумаги о выписке; итак, я сн стал самим собой, снова свободен, как птица, и идти, куда пожелаю, хотя идти-то мне в прин некуда.

Я лишился своей квартиры; единственное, ч меня осталось, — сумка с целой кучей дене вызвал такси и отправился к Папе. Уже второй я являлся без предварительной договоренности теперь, по крайней мере, была уважительная пр на: за неименнем Хассана некому позвонить поводу встречи. Лакей узнал меня, более того, обычно невозмутимое лицо на мгновение ож лось. Я стал знаменитостью. Когда политики и

бомбы ласково треплют тебя по плечу, это ровно ничего не значит; но уж если тебя узнает лакей, тогда можно смело предположить, что твое мнение о себе хоть в чем-то справедливо.

Меня даже освободили от процедуры ожидания. В коридоре появился один из Булыжников, молча повернулся и зашагал вперед. Я последовал за ним. Так мы добрались до папиного кабинета, и я подошел к его величественному столу. Фридландер-Бей сразу встал; он так старательно улыбался, что, казалось, кожа вот-вот не выдержит и порвется. Папа поспешил навстречу мне, взял лицо в ладони и поцеловал.

— О сын, возлюбленный сын мой! — вскричал он. У него не хватало слов, чтобы выразить переполнявшую сердце радость.

Зато я был немного растерян. Как следует вести себя в подобной ситуации? Кто я — неприступный супергерой, или «парнишка с нашего двора», который по воле случая стал защитником квартала? По правде говоря, я хотел поскорее получить разбухший от хрустиков конверт, убраться отсюда и навсегда забыть о Папе. Но он сильно затруднял мою задачу: чмокал меня снова и снова.

Наконец даже такой ярый приверженец арабских традиций, как Фридландер-Бей, понял, что пора заканчивать. Он отпустил мою зацелованную физиономию и, словно за стенами крепости, укрылся за своим грандиозным столом, снова став неприступно далеким. Папа долго разглядывал меня, не говоря ни слова. Возникнув как из-под земли, Говорящие Булыжники расположились за моей спиной: один слева, другой справа. Это напоминало наше первое свидание, только сейчас мы находились в роскошном дворце, а не грязном мотеле.

— Ты хорошо поработал, достойный сын мой, — произнес Фридландер-Бей задумчиво. В его голосе слышались неодобрительные нотки.

— Благодаря могуществу Аллаха, твоей мудрости и дару предвидения, я преуспел в своем начинании, — сказал я.

Папа кивнул. Он привык к тому, что его упоминают наравне с Аллахом.

— Прими наш скромный дар в знак благодарности.

Один из Булыжников сунул мне конверт, и я взял его.

— Благодарю тебя, о шейх.

— Благодари не меня, но Аллаха в Его бесконечной щедрости.

— Да, это точно. — Я положил деньги в карман. — Ну что, теперь я могу идти?

— Многие из моих друзей расстались с жизнью, — размышлял вслух Папа, — я потерял также немало доверенных помощников. Следует позаботиться, чтобы в будущем подобное не могло повториться.

— Да, о шейх.

— Мне нужны верные люди, занимающие ключевые посты, друзья, на которых можно положиться. Меня охватывает стыд, когда я вспоминаю, каким доверием облек Хассана. Настало время восстановить разрушенное. Твоя работа еще не закончена, сын мой. Ты должен помочь нам построить новую систему безопасности.

— Я сделаю все, что в моих силах, о шейх. — Мне совсем не нравилось, что разговор принял такое направление. Но я был бессилен что-либо изменить.

— Лейтенант Оккинг умер и отправился в свой рай, иншалла. Его место займет сержант Хаджар, человек, которого я хорошо знаю и могу не опасаться. Я хочу учредить новую важную должность посредника между моими будайинскими друзьями и городской администрацией, который будет наблюдать за действиями властей. На эту должность я избрал тебя.

— Меня, о шейх? — спросил я дрожащим голосом. — Но это невозможно! Не может быть, чтобы ты и вправду выбрал...

Он кивнул.

— Да будет так.

Я почувствовал такую ярость, что забыл обо всем на свете.

Подскочив к нему, я заорал:

— Пошел ты со своими погаными планами! Ты сидишь за этим столом и играешь чужими судьбами, ты спокойно наблюдаешь, как убивают моих друзей, суешь свой «скромный дар» одному, другому, третьему, и тебя ни капли не волнует, что потом станет с людьми, лишь бы денежки не переставая текли в карманы! Ты... Не удивлюсь, если окажется, что за Оккингом, работавшим на немцев, и Хассаном, работавшим на русских, стоял один и тот же человек. Ты!

Губы Фридландер-Бея сжались в тонкую линию, и я сразу заткнулся, сообразив, что совершенно случайно попал в точку.

— Значит, так оно и было, да? — сказал я тихо. — На самом деле, тебя совершенно не беспокоило, что здесь происходит. Ты играл за *обе* стороны, а не стоял в середине, потому что середины не существовало. Был только ты, поганый живой скелет. Да в тебе вообще нет ничего человеческого! Ты не способен любить, ненавидеть, сопереживать. Несмотря на все молитвы и поклоны, ты пуст, как глиняный истукан. В горсти песка больше чувств, чем в тебе!

Самое странное, что Булыжники никак не мешали мне — не оттащили от стола, не превратили лицо в кровавое месиво. Они вообще не двигались с места. Должно быть, Папа знаком приказал им не мешать моему словоизлиянию. Я сделал еще один шаг, и уголки губ Папы чуть приподнялись. Трогательная гримаса-улыбка на морщинистом иссушенном лице старца-патриарха. Я застыл на месте, словно натолкнулся на невидимую стену.

Барака... Особая аура, которая окружает усыпальницы, мечети, святых и праведников. Я не смогу тронуть даже волосок на его бороде, и Папа прекрасно понимал это.

Он неторопливо вытащил из ящика стола какое-то устройство из серого пластика, свободно уместившееся в ладони.

— Ты знаешь, что это такое, сын мой?

— Нет.

— Это часть тебя. — Он нажал на кнопку, и ужас, превративший меня в дикого зверя, заставивший разорвать на клочки Хассана и Оккинга вновь, словно раскаленная лава, затопил мозг...

Я очнулся, лежа на ковре у ног Папы, свернувшись в клубок.

— Прошло всего пятнадцать секунд, — кротко сказал он.

Сжав зубы, я окинул его взглядом.

— Этим ты принудишь меня к послушанию?

Папа опять продемонстрировал свою улыбку-гримасу.

— Нет, сын мой. — Он бросил мне пластиковую коробочку, и я поймал ее на лету. — Возьми. Я хочу добиться любви и доверия, а не страха.

Барака. Я сунул коробочку в карман. Папа кивнул.

— Да будет так, — снова сказал он.

Вот и все. Я превратился в легавого. Говорящие Булыжники молча надвинулись на меня. Чтобы не задохнуться в их каменных объятиях, пришлось отступить. Так, шаг за шагом, они вытеснили меня из кабинета в приемную, из приемной в коридор,

пока наконец я не оказался за дверью дома. Мне даже не дали ничего сказать.

В итоге я, во-первых, стал намного богаче, а во-вторых, оказался под началом бравого Хаджара. Перед этим бледнели самые жуткие кошмары, когда-либо рожденные моим рассудком под воздействием наркотиков...

Каково главное свойство слухов? Правильно, быстрота распространения. Наверное, новости дошли до каждого жителя квартала, еще когда я в счастливом неведении лежал на больничной койке, наслаждаясь общением со своим лучшим другом — соннеином. В «Серебряной ладони» Хейди отказалась меня обслуживать. В кафе «Солас» Жак, Махмуд и Сайед упорно разглядывали пыльный воздух сантиметрах в десяти над моей головой и спорили о том, сколько чеснока нужно класть в приправу. Я заметил, что к Полу-Хаджу по наследству от покойного Хассана перешел американский мальчишка. Надеюсь, парню будет лучше...

В конце концов я отправился к Френчи. Далия положила передо мной салфетку. Она чувствовала себя ужасно неуютно.

— Как дела, Марид?

— Я в порядке. А ты все еще разговариваешь со мной?

— Ну конечно, Марид, мы ведь старые друзья.

Однако она кинула напряженный взгляд в сторону кассы. Я тоже повернул голову. Френчи медленно поднялся со своего стула и вразвалку подошел к нам.

— Я не хочу тебя здесь видеть, Одран, — сказал он мрачно.

— Послушай, Френчи, когда я поймал Хана, ты сказал, что будешь меня обслуживать бесплатно до конца жизни.

— Это было до того как ты разодрал на куски Хассана и Оккинга. И тот, и другой — дерьмо собачье, но то, что ты сделал... — Он отвернулся и сплюнул.

— Но ведь Хассан убил...

Френчи оборвал меня. Повернувшись к Далии, он свирепо прорычал:

— Если еще раз обслужишь этого ублюдка — вылетишь отсюда. Ясно?

— Ага. — Она переводила испуганный взгляд с меня на Френчи.

Он посмотрел на меня.

— Теперь вали отсюда.

— Можно мне поговорить с Ясмин?

— Говори и выметайся, — с этими словами он повернулся ко мне спиной и быстро зашагал прочь, словно спешил убраться подальше от какой-то дурно пахнущей мерзости.

Ясмин сидела за столиком.

— Ясмин, — начал я. — Мне надо...

— Лучше уходи отсюда, Марид, — заявила она ледяным тоном. — Я знаю о том, что ты сделал. И насчет твоей паршивой новой работы. Ты продался Папе. Поступи так любой другой, я бы ни капельки не удивилась, но ты, Марид... Сначала я не могла поверить. Но ведь это правда? Все, что про тебя рассказывают?

— Меня заставила училка, Ясмин! Ты и представить себе не можешь, что она со мной сделала! В конце концов, ты ведь сама хотела, чтобы я вставил розетки...

— А стать легавым тебя тоже заставила училка, да?

— Ясмин...

Аллах Милосердный, неужели это я — человек, который превыше всего ценит собственное достоинство, который ни в чем не нуждается и ничего не ждет от судьбы, одинокий странник, бесстрас[...] созерцающий мерзости жестокого мира, ибо ви[...] столько, что утратил способность ужасаться... Скол[...] лет я тешил себя подобными сказками? И вот я ст[...] здесь, как мальчишка, и умоляю ее...

— Уходи, Марид, или мне придется позв[...] Френчи.

— Можно потом позвонить тебе?

Она поморщилась.

— Не надо, Марид. Нет.

Пришлось уйти. Мне и раньше доводилось ос[...]ваться в одиночестве, но с подобной ситуацие[...] сталкивался впервые. Наверное, такого исхода [...]довало ожидать, и все же мне было гораздо труд[...] пережить это, чем все ужасы, через которые п[...]шлось пройти. Мои друзья — бывшие друзья [...] решили, что проще вычеркнуть имя Марида О[...]на, выбросить его из своей жизни, чем посмот[...] в глаза правде. Они отказывались признаться д[...] себе, что подвергались страшной опасности и ч[...] один прекрасный день смерть снова может по[...]чаться в их дверь. Они упрямо притворялись, [...] мир — средоточие радости и удовольствий, что[...] земле все происходит в соответствии с десятк[...] другим простых правил, которые перечислен[...] мудрой книге. Не надо даже учить их, достато[...] просто сознавать, что они существуют, и душе[...] спокойствие обеспечено. А я как бельмо на г[...] постоянно напоминал, что никаких правил на[...]мом деле нет, и жизнь любого живого суще[...] всегда и всюду подвергается смертельной опас[...]ти. Они не хотели думать об этом и в итоге при[...] к нехитрому компромиссу. Я стал козлом отп[...]ния, местным злодеем; я принял на себя и поче[...] и хулу. Пусть всем займется Одран, пусть О[...] заплатит за все.

О'кей, пусть будет так. Я ворвался к Чири, ск[...] со своего законного места у стойки каког[...] молодого негра. Ко мне сразу подошла пьянен[...] Мирабель.

— А я тебя всюду искала, Марид, — с тр[...] произнесла она.

— Только не сейчас, Мирабель! Я не в наст[...]нии.

Чирига переводила взгляд с меня на негра, к[...]рый напряженно размышлял, стоит затеват[...] мной разборку или нет.

— Джин и бангара? — спросила она нак[...] подняв брови. — Или тэнде?

Мирабель примостилась рядом.

— Ты должен выслушать меня, Марид.

Я посмотрел на Чири: трудный выбор... В к[...] концов заказал водку.

— Я вспомнила, кто это был, — сказала М[...]бель. — Ну, парень, которого я привела [...] домой, весь в шрамах; помнишь, ты искал [...] Абдул-Хассан, мальчишка-американец. Понял [...]лжно быть, Хассан его так изукрасил. Я же ск[...] тебе, что вспомню. Теперь с тебя причитаетс[...] Она тщетно пыталась приосаниться. Преста[...] красотка ужасно гордилась собой.

Я взглянул на Чири; она ответила чуть заме[...] усмешкой.

— Переживем, — сказал я.

— Переживем, — согласилась она.

Негр все еще торчал рядом. Он недоум[...] оглядел нас и вышел из бара. Я сэкономил п[...] целую кучу денег.

Перевел с англий[...]
Рамин ШИД[...]

Терри Биссон

Жми на «Энн»

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СИСТЕМУ «МГНОВЕННЫЕ ДЕНЬГИ»!
1342 ТОЧКИ ПО ВСЕМУ ГОРОДУ
ВСТАВЬТЕ, ПОЖАЛУЙСТА,
ВАШУ СИСТЕМНУЮ КАРТОЧКУ

СПАСИБО
ТЕПЕРЬ ВВЕДИТЕ
ВАШ СИСТЕМНЫЙ НОМЕР

СПАСИБО
ВЫБЕРИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА,
ЖЕЛАЕМУЮ УСЛУГУ:
ВНЕСЕНИЕ НА СЧЕТ
СНЯТИЕ СО СЧЕТА
СОСТОЯНИЕ СЧЕТА
ПОГОДА

— Погода?
— В чем дело, Эмили?
— С каких пор эти штуковины управляют погодой?
— Наверное, сбой в программе... Снимай деньги: уже 6.22, мы опаздываем.

СНЯТИЕ СО СЧЕТА

СПАСИБО
СНЯТИЕ:
С ЧЕКОВОГО СЧЕТА
СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО СЧЕТА
КРЕДИТНОЙ ЛИНИИ
ДРУГОЕ

ЧЕКОВОГО СЧЕТА

СПАСИБО
ВВЕДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА,
ЖЕЛАЕМУЮ СУММУ:
$20
$60
$100
$200

$60

$60 НА КИНО?

— Брюс, иди сюда и посмотри.
— Эмили, сейчас 6.26. Картина начинается в 6.41.
— Откуда машина знает, что мы собираемся в кино?
— О чем ты говоришь? Злишься по поводу денег, Эм? Но я ведь не виноват, что такая же компьютерная дрянь слопала мою карточку.
— Не волнуйся. Я попытаюсь еще раз.

$60

$60 НА КИНО?

— Опять.
— Что опять?
— Брюс, иди сюда и посмотри.
— «60 долларов на кино?». Невероятно!
— Я снимаю деньги еще и на ужин. У мен конце концов, день рождения, хоть мне и приход ся думать обо всем самой. А также самой плати
— Ты разозлилась, потому что машина слоп мою карточку.
— Ничего подобного. Но все-таки: откуда железка знает, что мы собираемся в кино?
— Эмили, уже 6.29. Нажми «Ввод» и пойдем
— Сейчас.

КТО ЭТОТ ПАРЕНЬ С ЧАСАМИ:
ПРИЯТЕЛЬ
МУЖ
РОДСТВЕННИК
ДРУГОЕ

— Брюс!
— Эмили, уже 6.30. Забирай деньги и пойдег
— Теперь машина спрашивает о тебе!
— 6.31!
— Иду!

ДРУГОЕ

— Извините, вы не будете возражать, если я
— Слушай, парень, не видишь, что с этой ма ной проблемы? Если ты так чертовски спеши прогуляйся до следующей.
— Брюс! Почему ты грубишь?
— Да ладно тебе, он уже ушел.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ЭМИЛИ!
ЧТО ПРЕДПОЧИТАЕТЕ:
ВНЕСЕНИЕ НА СЧЕТ
СНЯТИЕ СО СЧЕТА
СОСТОЯНИЕ СЧЕТА
ПОГОДА

— Откуда она знает, что у меня день рожде
— Господи, Эм, да у тебя это на карточке, неб закодировано... Уже 6.34, и ровно через семь нут... что за черт? Погода?!
— А я тебе о чем говорила.
— Но ты ведь не собираешься...
— Почему бы и нет?!

ПОГОДА

СПАСИБО
ВЫБЕРИТЕ ЖЕЛАЕМЫЙ КЛИМАТ.
ПРОХЛАДНО И ПАСМУРНО
ТЕПЛО И ЯСНО
НЕБОЛЬШОЙ СНЕГ
НЕБОЛЬШОЙ ДОЖДЬ

— Ну хватит, Эм. Кончай дурачиться.

НЕБОЛЬШОЙ ДОЖДЬ

— Дождь? В свой день рождения?
— Да, небольшой дождь. Я просто хочу пос реть, сработает ли. Мы же все равно буде кинотеатре.

ПРЕВОСХОДНАЯ ПОГОДА
ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЯ КИНОТЕАТРА
ЧТО ПРЕДПОЧИТАЕТЕ:
ВНЕСЕНИЕ НА СЧЕТ
СНЯТИЕ СО СЧЕТА
СОСТОЯНИЕ СЧЕТА
ПОПКОРН

— Эм, эта машина совсем сдурела!
— Ты удивительно догадлив.
— Сейчас 6.36. Жми на «Снятие» и пошли отс черт подери. Сеанс начинается через пять ми

СНЯТИЕ СО СЧЕТА

СПАСИБО
СНЯТИЕ:
С ЧЕКОВОГО СЧЕТА
СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО СЧЕТА
КРЕДИТНОЙ ЛИНИИ
ДРУГОЕ

— Извините, вы собираетесь пойти на «Дворец грешников»?

— Проклятие! Эмили, ты посмотри, этот зануда вернулся.

— Я только что проходил мимо касс. В газете опечатка. На самом деле сеанс начинается в 6.45. Таким образом, у вас еще девять минут.

— Мне казалось, ты хотел найти другую машину!

— Там очередь. К тому же у меня нет никакого желания мокнуть под дождем.

— Под дождем? Брюс, ты слышишь?

ДРУГОЕ

— Уже 6.37, а ты выбираешь «Другое»?!

— Хочу узнать, на что она еще способна.

СПАСИБО
ВЫБЕРИТЕ НОВЫЙ ИСТОЧНИК:
СЧЕТ ЭНДРЮ
СЧЕТ ЭНН
СЧЕТ БРЮСА

— Кто, черт подери, эти Эндрю и Энн? И как, черт подери, туда попало мое имя?

— Ты же сам говорил, что машина проглотила твою карточку.

— Да, проглотила. Но другая машина!

— Извините, что я опять вмешиваюсь. Энн — это моя невеста. Бывшая.

— Тебе что, больше всех надо?!

— Позвольте представиться: Эндрю. Эндрю Клейборн III. А вашу девушку, должно быть, зовут Эмили? А вас...

— Его зовут Брюс. Не обращайте внимания на его грубости: он иногда становится слегка неотесанным.

— Неотесанным?! Что ты несешь?!

СЧЕТ БРЮСА

— Эй, Эмили, что ты делаешь!

— Кто-то говорил, что хотел бы заплатить за ужин и за кино, но не может из-за проглоченной карточки. Попробую убедиться в этом.

ПОПРОБУЙТЕ, ЭМИЛИ,
ВВЕДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА,
ЖЕЛАЕМУЮ СУММУ:
$20
$60
$100
$200

$60

ИЗВИНИТЕ, ДЕНЕГ НЕ ХВАТАЕТ
ЖЕЛАЕТЕ СНЯТЬ $20?

$20

ИЗВИНИТЕ, ДЕНЕГ НЕ ХВАТАЕТ
ЖЕЛАЕТЕ УЗНАТЬ СОСТОЯНИЕ СЧЕТА?

— Нет!

ДА

СОСТОЯНИЕ СЧЕТА БРЮСА:
$11,78
УДИВЛЕНЫ?

— Удивлена? Я просто в ярости! Какой чудесный день рождения! Да у тебя и на кино-то денег нет, не то что на ужин. А главное — ты солгал!

— Извините, что я опять вмешиваюсь... У вас сегодня день рождения? Представьте, у меня тоже!

— А ты вообще не лезь, Эндрю... или как тебя там зовут!

— Не хами, Брюс. У Эндрю есть полное право пожелать мне счастливого дня рождения.

— Он ничего тебе не желает, он вторгается в мою жизнь!

— Позвольте пожелать вам самого счастливого дня рождения, Эмили!

— Желаю вам того же, Эндрю.

— Да он просто задница!

НЕ РУГАЙТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА!
ЖЕЛАЕТЕ УЗНАТЬ
СОСТОЯНИЕ ДРУГИХ СЧЕТОВ:
СЧЕТ БРЮСА
СЧЕТ ЭМИЛИ
СЧЕТ ЭНДРЮ
СЧЕТ ЭНН

— Энн — ваша подруга?

— Как раз сегодня она окончательно решила расстаться со мной.

— Какой ужас! И это в ваш день рождения? Я вам так сочувствую, Эндрю...

— Оказывается, здесь целых две задницы!

НЕ РУГАЙТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА!
ЭМИЛИ И ЭНДРЮ, ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ
ОПЛАТИТЬ ВАМ
ПОСЕЩЕНИЕ КИНОТЕАТРА
И ПРАЗДНИЧНЫЙ УЖИН

— Сто долларов! Эндрю, взгляните!

— Думаю, вам стоит взять деньги, Эмили.

— Может, перейдем на «ты»?

— Нам бы лучше поспешить. Извините меня, Брюс, старина, время не подскажете?

— 6.42. Задница.

— Если побежим, Эмили, успеем на 6.45. Кстати, как насчет бутылочки вина за ужином?

— Мне нравится «Текс-Мекс».

ВОЗЬМИТЕ ВАШУ КАРТОЧКУ,
ПОЖАЛУЙСТА
НЕ ЗАБУДЬТЕ ЗАКАЗАТЬ
ХОРОШУЮ ЗАКУСКУ

— Задница номер три! Они уходят! Я не могу поверить в это дерьмо.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СИСТЕМУ
«МГНОВЕННЫЕ ДЕНЬГИ»!
1342 ТОЧКИ ПО ВСЕМУ ГОРОДУ
НЕ ПИНАЙТЕ МАШИНУ, ПОЖАЛУЙСТА!

— Иди к черту!

ВСТАВЬТЕ, ПОЖАЛУЙСТА,
ВАШУ СИСТЕМНУЮ КАРТОЧКУ

— Черта с два!

НЕ УПРЯМЬТЕСЬ, БРЮС,
УЖЕ РАСПАЛСЯ ВАШ СОЮЗ

СПАСИБО
ОНА ВЕДЬ НЕ БЫЛА ПРОГЛОЧЕНА,
НЕ ТАК ЛИ?

— Ты знаешь, что не была, дрянь!

НЕ РУГАЙТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА!
ЧТО ПРЕДПОЧИТАЕТЕ:
СОЧУВСТВИЕ
МЕСТЬ
ПОГОДА
ЭНН

— Прошу прощения...

— Девушка, перестаньте барабанить по двери. Я вижу, что идет дождь! Я не собираюсь впускать вас. Здесь банкомат, а не приют для бездомных. У вас должна быть карточка или что-нибудь в этом роде. Что-что?

— Повторяю: заткнись и жми на «Энн»!

Перевел с английского
Александр РОЙФЕ

Второе открытие «Парижа...»

В 1863 г. известный французский книгоиздатель Пьер-Жюль Хетцель написал некоему автору, приславшему ему свою рукопись: «Вы взвалили на себя задачу невыполнимую — и не смогли справиться с нею...
Я очень-очень сожалею, что вынужден это Вам сказать, но опубликовать подобную работу — значило бы нанести непоправимый ущерб Вашему имени... Вы еще не созрели для такой книги и напишете ее снова лет через двадцать... Сегодня никто не поверит Вашим пророчествам; нам они неинтересны...»
«Неким» писателем был не кто иной, как Жюль Верн.
К тому времени уже достаточно известный 35-летний литератор, автор наделавших немало шума «Пяти недель на воздушном шаре», напечатанных, кстати, тем же издателем единственным во всем Париже «почуявшим» достоинство этой необычной работы.
И вот когда имя Жюля Верна у всех на устах, не столь уж, казалось бы, осторожный книжный делец отвергает его роман «Париж в XX веке», полагвя, что чересчур смелая фантазия «не найдет своего читателя»!
Прошел 131 год. И назввние этого забытого научно-фантвстического романа возглввило список французских бестселлеров 1994 годв. На Международной книжной ярмарке во Франкфурте за право на его публикацию в английском переводе разгорелись аукционные бои.
Надо сказать, что этот труд Жюля Верна действительно чуть ли не нв полтора столетия выпал из всеобщего поля зрения. Автор, оскорбленный столь жестокой оценкой, запрятал рукопись в сундук и никогда более публично о ней не вспоминал. И только в 1989 г., когда правнук великого фантаста Жан решил продать его дом в Тулоне и устроил в нем «генеральную уборку», манускрипт явился миру.
С уверенностью можно сказать, что, отвергая роман, издатель Хетцель, несмотря на свой явный издательский талант, ошибся. Конечно, выспренный стиль и преуввличенные черты характеров, присущие героям Жюля Верна, были бы замечены в стране Флобера, Стендаля и Мериме уже тогда. Но и в 1863 г. роман был несомненно хорош, в со временем стал еще лучше. Так что сегодняшний его французский издатель Хашетт явно не прогадал: такие находки нечасто встречаются.
Но вернемся к самой книге.
В ней предсказания Жюля Верна на предстоявший век не ограничиваются одним лишь развитием техники. Хотя автор и предвидел появление автомашины, сложной сети городских подземных железных дорог, гигантских грузовых судов, бороздящих океан, связи при помощи факса, и — о чудо! — Эйфелевой башни, до сооружения которой оставалось еще несколько десятилетий.
Но на самом-то деле в книге речь идет о страданиях молодого человека, живущего в «неправильном» обществе.
Жюль-верновский Париж век спустя — это мир грабительского частного предпринимательства, где уже нет места искусству, где все грамотны, но книг не читают.
Роман открывается церемонией раздачи премий Всеобщей ассоциации образовательного кредита. Это приносящий своим владельцам немалые прибыли университет со 157.342 студентами (и почему это все фантасты, начиная, по крайней мере, с Франсуа Рабле, так любят сверхточную цифирь?) Ассоцивция, как и полвгается при таком положении вещей, состоит из владвльцев акций, совета директоров и обладает знвчительным капиталом.
Студентов там учат глввным обрвзом точным наукам, гуманитарные же, «бесполезные», — в звгоне.
Все же главный герой Мишель Жером Дюфренуа получает награду за стихи, написанные по латыни, что у аудитории вызывает немвлое изумление, в у его семьи — огорчение.
Дядя героя «отлучвет» племянника от гуманитарных штудий и находит ему работу в каком-то банке.
Мишель приступает к грустной жизни в безжалостном мире, где толпа на улице вечно куда-то спешит, обуреваемая «демоном наживы». Что уж совсем нетерпимо для француза — люди потеряли интерес к вкусной пище и глотают куски на ходу. Все одержимы техникой, жизнь рассматривается только с точки зрения ее эффективности.
Герой направляется купить книгу стихов Виктора Гюго (надо сказать, что для француза, в отличие от нас, это прежде всего поэт, а не только автор исторических романов). — «Гюго? — вопрошает продавец. — А что он написал?..»
Из потока информации, круглосуточно поступающей на биржу, выясняется, что могучие леса вырубаются на дрова и на нужды бумажной промышленности.
Парижане живут — страшно помыслить! — в 12-этажных домах. Куда там 6-этажным «чудесам», украсившим улицы французской столицы в дни, когда сочинялся ромвн.
Служебные обязанности Мишел некоторое время состояли в то чтобы переписывать наново классические пьесы в стиле, соответствующем вкусам современной ему публики, вскормленной с ложечки примитивной пищей для ума. Тут автор с немалой точность предвидел плоские телевизионные «сериалы», «мыльные оперы» и комедии, сопровождаемые фальшивыми аплодисментами, заранее записанными на пленк Единственно, от чего получает удовольствие бедный Мишель, так это от общения с друзьям — художниками, артистами — и с молодой женщиной.
Но и это чувство омрачено — автор восстает против эмансипации, называя ее «превращением парижанок в американок». К его неудовольствию, женщины вед деловые разговоры, дурно одеваются и лишены вкуса. Кажется, всем им не меньше 95 лет... Повсюду они работа уровень рождаемости падает и — совсем ужасно — число незаконнорожденных все расте и растет...
В предисловии к только что вышедшему роману знаток творчества Жюля Верна итальянец Пьер Гондоло делл Рива говорит: «Париж в XX веке» опровергает мнение, согласно которому его автор был от природы первоначальн оптимистом, в розовом свете видел будущее и, в чвстности и научный прогресс, а к пессимизму пришел лишь в конце своей жизни. Так это и нет, сказать трудно, ведь пер Жюлем Верном лежали еще г и годы, нв протяжении которы он создавал одно зв другим сочинения, исполненные веры в победу добра над злом.
Помимо прочего, эта «старая-новая» книга свидетельствует, что пророчества, даже упрятанные в сундук, обладак немалой ценностью, а сто ле в общем-то, не такой уж большой срок.

Подгот
Борис СИЛ

Евгений Лукин

Амеба

Тот, кто сидел теперь напротив господина Голядкина, был — ужас господина Голядкина, был — стыд господина Голядкина, был — вчерашний кошмар господина Голядкина, одним словом, был сам господин Голядкин.

Ф.М.Достоевский. «Двойник».

ОДИН

Сиреневая чернильная резинка аккуратным кирпичиком лежала на исцарапанной крышке письменного стола, и Вавочка с удовольствием эту резинку созерцал, потому что была она новенькая, со стеклянными искрами и четкими нестертыми углами.

Налюбовался. Отложил сигарету на стальную линейку и принялся не торопясь, с чувством, освобождать от обертки лезвие безопасной бритвы.

Предстоящая ему работа при всей кажущейся несложности предполагала, однако, огромное терпение и великолепный глазомер. Хищно прищурясь, Вавочка установил лезвие и начал медленно перепиливать резинку вдоль. Малейший перекос все бы испортил, но перекосов он избежал. Резинка развалилась на две абсолютно равные половинки.

Довольный собой Вавочка потянулся к сигарете и обнаружил, что та успела обратиться на треть в цилиндрик серого пепла. Из чего их эти американцы делают? Из пороха, что ли? Бикфордов шнур, а не сигареты...

Одарив Соединенные Штаты презрительной усмешкой, Вавочка затянулся и поразмышлял, сложить ли ему теперь обе части резинки воедино или же перепиливать каждую в отдельности. Поколебавшись, остановился на втором варианте.

Перепилив, прикончил сигарету нежной затяжкой и раздавил огонек на стальной линейке.

В бывшем детском садике стучали молотки и визжали пилы. За окном, выглядывать в которое не хотелось, урчал принадлежащий фонду грузовичок (больше урчать было нечему), тяжкое наследие советской власти. На борту его даже сохранился фрагмент агитки: «НЕ РАБОТАЙ БЕЗ...» Без чего-то там не работай.

Вавочку не тревожили. И лишь когда резинка расчленилась на шестнадцать сиреневых микрокирпичиков, в коридоре громко, как копыта по асфальту, зацокали каблуки. Вавочка усмехнулся и исполненным достоинства мановением руки набросил на плоды своего труда писчий лист. На листе косым летящим почерком шефа было начертано: «Ареал маркетинговых исследований охватывает...» Что именно он (она?) охватывает, шеф, убегая, не дописал. Как всегда.

Тук-тук.

— Не заперто, — сухо известил Вавочка.

Дверь приоткрылась, и в чуланчик заглянуло маленькое миловидное личико, обрамленное крупными чугунного литья завитками. В глазах — предсмертная тоска (все-таки звери эти директора — нашли, кого назначить куратором!).

— А что?.. Нет Сан Саныча?..

Вавочка выдержал секундную паузу. Делал он з мастерски. Глядел с укоризной в упор и отсчитыв про себя: «Раз, и...» — а потом уже отвечал.

— Отсутствует, — выговорил он, как клей поставил.

— А когда будет?.. — совсем уже умирая, спроси личико.

«Раз, и...»

— Завтра.

Личико страдальчески закатило глаза — и ка ло. Вешаться пошла, не иначе... Вконец бабу изве. А не будь такой пластилиновой! Всяк из тебя хочет, то и лепит...

Вавочка хмыкнул и вернулся к прерванному заняти

* * *

Месяца полтора назад (очень вовремя, кста сказать) он встретил старого, круто пошедш вверх приятеля, и тот, даже не поздоровавшис ходу предложил Вавочке место маркетолога новорожденном инвестиционном фонде. Тут выяснилось, что приятель (начальник управле рекламы и маркетинга) сгоряча раздул штат, и теперь ему позарез нужно взять на работу дев человек хоть из-под земли. Вавочка, конечно, б не против, но насчет маркетинга все же риск уточнить. Слово-то он, конечно, слышал, и не но вот что оно означает...

Приятель, широкий, как ларек, встопорщил ус сверкнул лихой цыганской улыбкой. В темн глазах его пела удаль.

— Главное, с супермаркетом не перепутай! изрек он. — Посажу в чуланчике, чтобы никто у нас не оттяпал: будешь сидеть и всем говорить, я на телевидении... или еще где-нибудь. А посмотрим.

Вавочка оторопел и согласился.

Новорожденный фонд, только что въехавши бывший детский садик, поразил Вавочку ч армейским сочетанием железной дисциплин полного бардака. С девяти утра до шести веч Вавочка сидел в чуланчике у свежепрорубленн окна, слушал, как с треском отлипают от стен пл приклеенные обои, и говорил всем, что шеф телевидении. Ситуацию он для себя опреде грубовато, но в целом правильно: А. Фонд наме ободрать вкладчиков. Б. Шеф намерен обод фонд. Но, во-первых, ободрать в соответстви существующим законодательством. То есть п рекламной кампании. А во-вторых, поделить сотрудниками. С Вавочкой, например.

Все это было хорошо, но скучно, господа, ску Охрана выпускала из помещения только по ув нительной. Мысль о том, что шеф, надежно прикрь Вавочкой, пьет сейчас водку с нужными люд увеличивая таким образом свои (а следователь вавочкины) будущие прибыли, как-то не утеш Слишком велик был моральный ущерб. Это что совет директоров в том крыле целыми днями шур в преферанс, а он, значит, будет смирно сиде чуланчике и изображать примерного сотрудн Ну нет! Вавочка молод, но главное он уже уяс Главное в этой жизни — чтобы никто тебя не ле как пластилин. Оглянуться не успеешь — т вылепят... И ведь лепят уже, лепят вовсю!..

И вот однажды затосковавший вконец маркет начал от скуки резать обломком бритвочки ок невший ластик. Искромсал в мелкую крошку выбросил в корзину.

На следующий день пошел к коменданту и стреб с него две чернильные резинки. Одну прибере завтра, а другую принципиально попытался разр на равные кубики. Получилось несуразное чис 241. Вероятно, Вавочка где-то ошибся, и некот кубики, подлежащие разрезанию, остались н резанными.

Для третьей он специально захватил из свежее лезвие в пакетике с непроизнос

иностранной надписью, и уже часам к четырем перед ним на исцарапанной крышке стола лежало 512 (пятьсот двенадцать) абсолютно одинаковых кирпичиков мироздания. На всякий случай он вычислил с помощью калькулятора их должное количество. Получилось 512. Вот так вам!

* * *

Теплый сквозняк и мягкий сумбур уличного шума заполнили помещение. Во дворе что-то с треском передвигали, а может, грузили. «Тарелками?» — с ужасом переспросил откуда-то из глубины коридора девичий голос. Снова зазвучала пила, но уже не в таком ударном темпе, как раньше.

Со стороны могло показаться, что Вавочка придремал на краешке стола. Но нет, он не дремал, он мыслил.

Дело в том, что старшая его сестра, резко свихнувшаяся на медитации и прочем астрале, уехала вчера на Дни радости. Уехала где-то так на недельку, и грех было этим не воспользоваться. Скажем, зазвать в гости Сан Саныча и Леню Антомина, а там уже втроем обговорить втихаря, кому через какую газету доить родимый фонд. Рекламная-то кампания — на носу!..

Осень перетасовала сквозняки — ознобом и дрожью дунуло из растворенного окна. Вавочка передернул плечами, открыл глаза, и востроносое его личико стало вдруг озабоченным.

Несколько дней назад шеф предложил ему скупить на пару хилую фирму с красивым названием «Афедрон» и даже подсказал, у кого занять нужную сумму. Вавочка, конечно, тут же согласился, пошел куда сказано, а у самого подъезда взял вдруг и оробел. Чувствует: знобит вроде. Как сейчас. И предположения разные в голову лезут: а если.., а вдруг... Минут сорок, наверное, стоял во дворе возле скамеечек, курил в тоске, смотрел на двери подъезда. Так и вернулся. Эх...

Вавочка расстроился, закрыл окно, защелкнул оба шпингалета и, видя, что Сан Саныч на этот раз что-то не торопится заглянуть в чуланчик, решил найти шефа сам. Вдруг еще не поздно переиграть насчет «Афедрона»!

* * *

Перед дверью с плакатиком «ТИШЕ! РАБОТАЮТ ЛЮДИ!» Вавочка малость помешкал. Щелкала машинка. Кто бы это там мог щелкать? Леня так быстро не умеет. Значит, либо шеф, либо этот... новенький. Новенького Вавочка сильно не любил.

Наконец потянул дверную ручку, треск машинки оборвался — и надо бы прикрыть дверь, да поздно: они уже увидели его и узнали, зеленоватые насмешливые глаза, вечно лишающие Вавочку душевного равновесия.

Пришлось войти. Сквозняк сложил синеватый пласт дыма пополам и вышвырнул в форточку, а по стенам зашевелились, защуршали образцы рекламной продукции. «Если хотите на первое место, мчитесь за акцией «Росхристинвеста»!» Очередной поединок начался.

Поединки, поединки. Что ни разговор — поединок. Вы поймите: деньги для Вавочки не главное. Главное для Вавочки что? Личностью быть! Чтобы из тебя, как из пластилина, никто ничего не лепил. А деньги... Деньги — средство.

Вавочка прикрыл за собой дверь и небрежной походкой прошествовал к одинокому стулу под алозолотым музейным вымпелом «Победителю социалистического соревнования». Поддернул, язвя изяществом, брюки. Сел. Задача была довольно сложна: выяснить насчет шефа и попутно показать этому выскочке, что в грош его Вавочка не ставит.

— Р-романтика стяжательства! — торжественно возгласил новичок. С этими загадочными словами он выдернул лист, отодвинул машинку и уставился на Вавочку. Маркетолог ответил ему тем же. «Ну, образованный ты, — нарочито лениво мыслил Вавочка, глядя в ехидные зеленые глаза. — Ну, слов до фига выучил. А все же вот Сан Саныч меня в долю звал, а тебя, небось, не позовет...»

— Так, стало быть, осиротели мы, Вава?

Маркетолог обиделся. «Кому Вава, а кому Владимир Васильевич!» — хотел уже отрезать он и вдруг запнулся. Осиротели?

— Ба! — сказал новичок. — Да ты еще, оказывается, ничего не слышал? Насчет «Афедрона»!

Тут его внезапно одолел приступ дурацкого и, на Вавочкин взгляд, совершенно неприличного смеха.

— Хотел бы я знать, какой козел им подкинул название! Влезть в «Афедрон»! — Новичок отсмеялся и продолжил:— Ну ладно. Что Сан Саныч на пару с Леней перекупил фирму — это ты знаешь. Так вот, позавчера обмывают они, стало быть, приобретение, дым коромыслом — и на тебе! Являются.

— Кто? — еле слышно спросил Вавочка.

— Сам знаешь! На фирме-то, оказывается, долг висел! Но обрати внимание: на прежнего хозяина не наезжали ни разу — надо полагать, он им и на фиг был не нужен... Причем все культурно: никаких утюгов, никаких паяльников, с бухгалтером приехали. Сан Саныч за телефон — телефон отрезан. «Ладно, — говорит, — волки позорные, чего надо?» Короче, пришлось ему, по слухам, кое-что подписать. Гасит Сан Саныч с горя еще один стакан коньяка, выглядывает в окошко, а там гости дорогие в машину садятся. И тут ему, видать, обидно стало. Хватает он стопку тарелок из серванта — и с шестого этажа по гостям. Одну за другой! Те залегли сначала, а потом смотрят — тарелки. Обиделись, вернулись, начистили Сан Санычу рыло и увезли. Так что, Вава, мы тут с тобой дурака валяем, а шеф с Леней вторые сутки в теневой экономике сидят...

В ушах недвижного Вавочки стоял ликующе-скорбный вопль. Он глушил все. Губы новичка шевелились, но звука не было.

Ты мудрый, Вавочка! Как вовремя ты остановился перед тем подъездом! Это мало кому дано — остановиться вовремя!..

— И что теперь? — Кажется, это спросил он, Вавочка.

— Теперь мне тащить все это, как я понимаю, на своем горбу. — Новичок брезгливо шевельнул пальцем пару отбитых на машинке листов. — Кстати, и тебе тоже...

* * *

Уже на подходе к чуланчику Вавочка вспомнил, что забыл его запереть, и ускорил шаг. Открыл дверь — и замер в проеме. На краешке письменного стола сидел бочком огромный представительный юноша в темном венгерском костюме и с отчаянием разглядывал левую ладонь, словно пытался определить по линиям руки свою дальнейшую судьбу. И Вавочка с неслышимым миру стоном понял, что на большой розовой ладони управляющего фондом лежат сиреневые микрокирпичики, на которые он расчленил сегодня резинку.

— Что это? — глухо спросил управляющий, поднимая на Вавочку совершенно ошалелый взор.

Вавочка был пришиблен последними новостями и соображал туго.

— Для маркетинговых исследований, — выдавил он наконец.

Управляющий снова уставился на ладонь. Казалось, еще минута — и он сойдет с ума.

Вавочка беспомощно пошевелил руками.

— Сан Саныч-то, — сказал он, жалко кривя рот. — А?

Управляющий побагровел.

— Дурак твой Сан Саныч, — рявкнул он и бросил упругие сиреневые крупинки на стол. — Тарелками по рэкетирам — это ж додуматься надо!..

Крупинки подпрыгнули, разлетелись, некоторые упали на пол. Вавочка с управляющим подобрали их и снова положили на место.

— В общем, так, — сказал управляющий, распрямляясь во весь свой внушительный рост. —

Принимай отдел маркетинга, а этот ваш новенький... Как его, кстати, по отчеству?

Вавочка смущенно пожал плечами. Честно говоря, он и по имени-то его не знал.

— Ладно, завтра в отделе кадров выясним... Так вот: его бросим на рекламу. Костюм есть?

— Есть, — сказал Вавочка.

— С завтрашнего дня на работу только в костюме и с галстуком.

* * *

Вынесенный оползнем событий из бывшего детского садика, ныне украшенного с торца готической надписью «Росхристинвест», новорожденный начальник отдела маркетинга стоял и остолбенело смотрел, как грузятся в подержанные иномарки члены совета директоров. Больше троих в машину не помещалось. Поверх костюмов с безукоризненной родословной все как один понапялили черные кожаные куртки. Комиссары. Белая кость. И хоть бы портфельчик у кого в руках, хоть папочка...

Портфельчик теперь (пока, правда, воображаемый) в руках у самого Вавочки, и нужно еще обмозговать, хорошо это или плохо.

Сбоку от плоского бетонного крылечка, не обращая внимания ни на остолбеневшего рядом Вавочку, ни на грузящихся в машины директоров, сидел на корточках и равнодушно курил «мальборо» начальник охраны. Над ремешком правого шлепанца отчетливо синела татуировка: «ПОСТОЙ КОНВОЙ».

Затуманенным взором Вавочка проводил отъезжающую кавалькаду и побрел к распахнутым решетчатым воротцам. С мыслями ему удалось собраться лишь на проспекте.

* * *

Шли пыльные троллейбусы, по скверикам тянуло сухим дымом, невидимый огонь выгрызал черные дыры в лиственных пригорках, чиркали метлы.

Вот тебе и Сан Саныч... Вот тебе и Сан Саныч... Вот тебе и «Афедрон»...

Сознание прояснилось окончательно, и Вавочка даже остановился. Из него же куклу слепить хотели! А он не дался! Ай да Вавочка!.. Нет, но какое чутье, господа, какое чутье! Ведь на веревке его шеф тянул в этот самый «Афедрон»... А портфельчик не повредит. Портфельчик ему сейчас в самый раз. Рекламная кампания на мази, и, стало быть, пойдут комиссионные уже не Сан Санычу, а Вавочке. Теперь с новичком... С новичком вражду прекратить. Новичок теперь человек полезный: слов много знает и вообще... Главное — что? Главное — директорам мозги запудрить всякими там ареалами. Чтобы красиво и непонятно...

— А я люблю военных, — шалым девичьим голосом грянул вдруг незаметно подкравшийся киоск звукозаписи, — красивых, здоровенных!..

Вавочка не военный, не красивый, да и здоровенным его назвать язык не повернется, так что шансов у него вроде бы маловато. Но песенка не кончилась, господа, песенка не кончилась!

— Еще люблю крутых, — заходится лихая певичка, — и всяких деловых!

Поколебавшись, Вавочка относит себя к деловым, и на душе у него теплеет.

А что, не деловой, что ли? Раз-два — и начальник отдела!

«А я люблю военных...» Он начинает негромко подпевать, но грохочущий киоск удаляется, и напрочь лишенный слуха Вавочка вскоре незаметно переходит на мотив «В траве сидел кузнечик...»

«Представьте себе, представьте себе, красивых, здоровенных... Представьте себе, представьте себе...»

Впереди идут два казака. У одного нагайка на поясе, у другого — за голенищем. Тот, у которого она за голенищем, личность известная. Это старый казак Гербовников из Вавочкиного подъезда.

— Обнаглели! — отрывисто говорит старый казак. — Мало нам армяшек, так еще и эти завели‹ нудисты. Голыми по городу, а?

— Ничо, — примирительно гудит второй. — голой заднице звончей выходит...

Чтобы не портить себе настроения, Аво сворачивает в тихую асфальтовую улочку.

«Представьте себе, представьте себе, и вся деловых...»

Вавочка вновь останавливается. Так ведь у н еще и сестра уехала! На семь дней! Вы подума семь теплых, осенних, слегка запыленных дне Можно позвонить Люське. Эх, жаль, жетона нет. ничего, приобретем на проспекте. А вот к непременно нужно зайти — так это в «Посош Деловой он или не деловой?

* * *

«Посошок» — полуподвальчик. С полукругл витражными окнами, цветным готическим полумра колодезной прохладой, бормочущей музыкой также с брусничкой моченой, корочкой всячес воблой-чехонью-балычком. Но главное, конечн пивом. Разливным. Только что с завода. Наце правда, страшная, но завсегдатаев это не пуг Потому что завсегдатаи «Посошка» — люди со ные. В кожаных куртках.

Бывает, конечно, что забредет туда какой-ни лох, но ужаснется по-быстренькому ценам - исчезнет. И правильно сделает.

Была однажды в «Посошке» и перестрелка, пра без жертв. И все. Больше здесь перестрело предвидится. Не звенеть витражам, не виз посудомойкам. Потому что сидят за массивн столиками и со вкусом разбирают по детал сушеную рыбицу не только те, которые с бицеп да со стволами, но и те, которые с головой.

Вот и уводящие вниз ступени. Вавочка с трев оглядывает свой наряд. Под скромного бизнес он, пожалуй, прокатит. Раньше ему приходи бывать здесь лишь с Сан Санычем да с Лене теперь Вавочка очень надеется, что успел мелькаться в интимном цветном полумраке. В кра случае (если в «Посошке» тесновато) он вы кружку прямо у стойки, но с таким видом, б просто не хочет садиться (насиделся за день!), время поджимает...

Ну что ж, назад дороги нет. Он шеф и насле шефа. Только вот морда радостной быть не дол И Вавочка, спускаясь по ступенькам, преда вполне богоугодным мыслям о попавших в компаньонах. С лицом озабоченным и нем скорбным он подходит к стойке и оглядь полуподвальчик.

Ну вот смотри теперь, высматривай: где он, Саныч?.. Нет Сан Саныча... Сидит Сан Сан теневой экономике... А где Леня Антомин?..

Да вот же он, Леня-то, рядом стоит, у стойк ноги-то у него кривоватые, и морда небрит глаза смотрят, как будто проснулся только что и снова заснуть собирается.

— Лень...

Леня немножко повернул голову и немн глаза. Увидев Вавочку, развернулся полност даже чуть приподнял брови, причем вид у вышел такой, точно встряхнет сейчас Леня бу головой, проснется окончательно и побежит в лет умываться — бросать воду громадными гор в глаза и на волосатую грудь за ворот руба Рявкая, разумеется.

Длилось это впечатление от Лени момен больше. Никуда он, конечно, не побежал, скс ту же физиономию, какую носил ежеднев выразив таким образом отрицательное отноше действительности, отозвался со скрипом:

— Накололся, блин. Пришел в «Ободок», д — пиво. Хрен тебе, а не пиво.

История его была проста. Честно проводи Саныча до машины и уяснив, что сам он рэке

не интересует нисколько, Леня повернулся и пошел пить пиво. Чем и занимался по сей день.

— А спросят, куда делся, что сказать?

— Скажи: от теневиков прячусь.

Что ж, это мудро. Директора поймут. Даже посочувствуют. Сами, что ли, ни разу не прятались?

— Сейчас, — говорит Леня, высмотрев кого-то в нише под витражным окном. — Ты упади где-нибудь, а я сейчас.

Упасть? Вавочка еще раз оглядывает полуподвальчик. Публики в «Посошке» немного. И он скромно выбирает пустующий столик за колонной.

Выходит, комиссионные теперь придется делить на троих... Ладно. Телевидение и «Городские ведомости» Вавочка возьмет себе, а уж всякое там «Собачье дело» (общество защиты животных), «Набат» (патриоты) и прочее — это Лене с новичком. Кроме того, не вечно же сидеть шефу в теневой экономике! Стало быть, денежку надо ковать не мешкая...

— Во блин! — лениво произнесли у него за спиной. — А что это наш столик заняли?

Вавочка обмер и сделал вид, что ничего не слышит. Не дай Бог — ему... Нет, не может быть. Он же выбрал столик за колонной! Самый неудобный столик во всем «Посошке»!..

Ножку массивного табурета, на котором он сидел, легонько пнули, и Вавочка внутренне содрогнулся.

— Не понял, — скрипнул он очень похоже на Леню Антомина.

«Раз, и...» Медленно, со скукой обернулся. Сердчишко колотилось и прыгало. В интимном цветном сумраке глазам его предстали два бугристых от мышц парня с одинаково торчащими, отбитыми в многочисленных драках ушами. Шестерки. И явно бесхозные. Где же Леня?!

— Уступи место дяденькам, — ласково посоветовал тот, что чуть пониже.

Вавочка сделал над собой усилие и отвернулся.

— Тупой? — холодно осведомились сзади.

С соседних столиков на них уже оглядывались с интересом. Ждут, когда двое шестерок начнут лепить Вавочку, как пластилин. Сейчас ведь сгонят! Конец всему: конец репутации, конец карьере... Надо что-то сказать.

— Не понял, — скрипнул Вавочка под Леню Антомина и тут же сообразил с досадой, что он это уже скрипел.

— Сейчас поймешь, — пообещали сзади.

Собрав остатки мужества, он опять обернулся и изо всех сил скучающе поглядел в глаза сначала одному, потом другому. Но это уже была агония.

— Посторонись, — непонятно откуда раздалось хрипловато и равнодушно произнесенное слово.

Шестерок раздвинуло слегка, и между ними возник из прохладного полумрака Леня Антомин. И Вавочка с восторгом осознал, что оба его скрипа, оба его скучающих взгляда и вообще вся его монументальность в этой стычке выглядели со стороны очень даже впечатляюще. Под кого же это он сейчас невзначай прокатил в «Посошке»? Неужто под крутого?

— По паре пива для начала, — сказал, усаживаясь, Леня Антомин выплывшему из сумерек официанту. На остолбеневших у столика шестерок он внимания так вроде бы и не обратил.

— Не, ну... — неразборчиво напомнил о своем существовании тот, что повыше. — Всегда за этим столиком сидели...

Говоря, он печально смотрел на лапы и грудную клетку Лени, наводящие на мысль о ломающихся силомерах, разрываемом листовом железе, и понимал уже, что никакими обложенными жирком мышцами такого не смутишь.

Леня одарил его невыразительным взглядом через плечо, и пластилиновые шестерки, для приличия ворча и пожимая плечами, направились к свободному столику. Леня вопросительно посмотрел на Вавочку. А тот, спокойный, исполненный достоинства, лишь пренебрежительно шевельнул в ответ бровью. Так, дескать, ерунда...

«Представьте себе, представьте себе...»

* * *

На стол с гулким звуком опустились четыре полные кружки, и мрачное лицо Лени Антомина смягчилось и просветлело.

Поразительный он все-таки человек! Ленив, небрит, глаза сонные. Но опасен с виду — сил нет. Все почему-то думают, что Леня бывший десантник: Афган прошел, пол-Тбилиси изрубил саперной лопаткой... А он и оружия-то в руках не держал — служил в стройбате. А накачанный такой, потому что железо в цехе ворочал, пока не уволили.

Директора ему на полном серьезе предлагали начальником охраны идти. Отказался. Такую рожу состроил: хлебнул, дескать, кровушки, хватит... Они его после этого еще больше зауважали.

* * *

Мурлычет, шепчет музыка, не мешая застольным беседам. По-английски, зараза, шепчет. Вплетаются в нее негромкие чисто русские слова:

— Проплата...

— Предоплата...

— Черный нал...

И вот уже зашумело, повело плавненько, словно к ушам по раковине приставили. Равный среди равных сидит Вавочка за столиком в «Посошке», прихлебывает свежее, только что с завода, пиво.

Не оборачиваясь, Вавочка чувствует, как неподалеку на них снова начинают посматривать с интересом. Потом за столик без спроса садится некто с выправкой и в ладной, словно пригнанной, джинсе. Светлые глаза смотрят дерзко и весело.

— Ну, что там, Санек? — интересуется подсевший.

— Держат пока, — нехотя отвечает Леня.

Краем глаза Вавочка видит изумленные лица шестерок за соседним столиком. Кто же это такой к ним подсел? Неужели Порох? «Морду, морду поравнодушней!..» — напоминает себе Вавочка.

— Да, насмешил, — говорит светлоглазый. — И чего его понесло в этот «Афедрон»?

— Он и меня в долю звал, — небрежно, в тон ему роняет Вавочка.

Следует быстрый оценивающий взгляд.

— Насмешил, — без улыбки повторяет подсевший (предположительно, Порох). — Рекламная кампания тоже, значит, накрылась?

— Нет, — говорит Вавочка. — Не накрылась.

Теперь уже не только светлоглазый, но и Леня Антомин пристально всматриваются в его утомленное значительное лицо. Словно видят впервые.

* * *

Огромное, как перед концом света, солнце повисело в слоистой лиловой дымке — и кануло. На город с восточных окраин покатился первым валом наводнения прозрачный фиолетовый сумрак.

Вавочка был счастлив. Шел и вспоминал с удовольствием, как круто обошелся он с шестерками в «Посошке» и как беседовал на равных с самим Порохом... То ли еще будет, господа, то ли еще будет!

Вздрогнули, затлели сиреневым, налились яркобелым несомкнутые стропила света над асфальтами все еще Советского района. Ах, город! Только вечером понимаешь, насколько он огромен, этот живой фосфоресцирующий планктон.

В голове Вавочки победно шумело. Завтра он зазовет в гости Леню с новичком и попробует взять власть в свои руки. А сейчас он придет домой и позвонит Люське. Незачем хате пустовать.

Ну вот и Александровская (бывшая улица Желябова), вот он, внутренний дворик — колодец,

пробивший пятиэтажку до асфальтового дна, вот и подъезд с нашатырным запахом кошачьей мочи. Вавочка хлопнул дверью, поднялся на второй этаж; неторопливо, ощущая себя хозяином недели, квартиры, положения, провернул ключ в замке, вошел.

Молочная матовая лампочка обозначила перед ним коридорчик с вешалкой и тремя дверьми: направо пойдешь — в санузел попадешь, прямо — в кухню, но туда в другой раз, а сейчас ему налево — в большую, почти квадратную комнату, которой суждено быть определенное время его владением.

Вавочка задернул шторы и, не разуваясь, с наслаждением грохнулся на аккуратно застеленную кровать. Свесив кроссовки, долго лежал на спине и мыслил, созерцая потолок. Так звонить Люське или не звонить? Зевнул и решил: а ну ее к черту! Завтра. Светлое янтарное пиво, приятно горча, так и ходило перед глазами. Сны намечались приятные и, возможно, эротические.

* * *

Сновидение пришло странное и недоброе. В черной пустоте перед Вавочкой висела новенькая чернильная резинка размером с небольшой чемодан (вероятно, вынырнула из сегодняшнего утра). Потом она принялась медленно разламываться на равные кирпичики; те, в свою очередь, тоже начали разламываться, и продлись это в таком темпе хоть минуту, перед удивленным Вавочкой неминуемо возникло бы розоватое облачко, слабо хранящее чемоданные очертания. Но казалось, кто-то все время отматывал пленку назад: распад застыл, не прекращая движения, он бесконечно повторял сам себя. Резинка разламывалась, разламывалась и никак не могла разломиться окончательно. И висела она уже, кстати, не в пустоте — в его комнате, а он, Вавочка, стоял перед этим безобразным явлением и ждал с тоской, когда оно кончится.

Потом появились Люська и управляющий фондом. Вавочка испугался и, чтобы отвлечь управляющего, о чем-то его спросил. Управляющий что-то ответил, и Вавочка, не давая опомниться, задал ему еще какой-то вопрос, а сам тем временем старался оттереть плечом, заслонить, отодвинуть куда-нибудь...

Но Люська заметила.

— А это еще что за хренотень?

Вавочка принял недоуменный вид. Он, собственно говоря, совершенно здесь ни при чем. Черт его знает, что это такое. Висит тут, и кто его поймет, откуда взялось! Он сам в первый раз видит. Пришел, а оно — висит.

Сейчас он это уберет. Вавочка стягивает с кровати плед, набрасывает его на резинку, как сеть на воздушный шар, и тянет вниз, но резинка прорывает плед по центру. Дыры в пледе почему-то нет.

— Гляди не рассыпь! — недовольно говорит управляющий. — Это для маркетинговых исследований.

Вавочка бросается на резинку, обхватывает ее пледом, закутывает, увлекает вниз, но резинка вывертывается и вновь всплывает. На помощь ему приходят управляющий фондом и откуда-то взявшийся Сан Саныч, а Люська куда-то исчезает. Втроем они придавливают упругую живую тварь матрасом, уминают и запихивают в какую-то дверцу. Дверца Вавочке не знакома. Не было у них в комнате такой дверцы. Он задвигает ружейный затвор шпингалета и оглядывается.

Так и знал! В дальнем углу удобно, как в кресле, сидит и смотрит на них бессмысленными младенческими глазами кумир сестрицы — старенький Учитель Шри Чинмой. Вот это влипли! Надо как-то выкручиваться... Собственно говоря, ведь ничего такого, правда? Вот это управляющий, а это Сан Саныч... Но Сан Саныч вдруг отсмаркивает напрочь усы, изменяется до неузнаваемости (это уже и не Сан Саныч вовсе, а шестерка из «Посошка») и, изобразив на лице что-то гаденькое, прячется в Вавочку. Управляющий растерянно улыбается и тоже пряче в Вавочку. Тот возмущен. Его подставили! Он намерен отвечать за них за всех! Какой «Афедро Он не имеет отношения к «Афедрону»! Вавo корчится, пытается вытолкнуть из себя этих лов чей, чтобы все поняли, что не он один, что еще бы только спрятались, сейчас он их выпихнет, увидите!..

Да нет же никакого Шри Чинмоя, и угла котором он сидел, как в кресле, тоже нет! Пусто немая вата, серый кошмар бесконечно рвется вок на клочки, а Вавочка все корчится, выталкив. выпихивает... Есть! Тело — как сплошная ссади присохшим бинтом, и вдруг сорвали бинт, обож мгновенной болью, врезаются в кожу рвущие треском плавки...

* * *

Вавочка слетает с кровати, падает на пол, си, широко раскрыв глаза и дрожа всем телом. Каже это уже не сон. Под голыми ягодицами глад крашеные доски пола. Стоп! Почему он голый? кончился, но не кончился ужас. Теперь Вав начинает мерещиться, что звук от его падения пол был каким-то двойным, что некий при раздался и по другую сторону кровати. Возни жуткое ощущение зеркальности: Вавочке каже что вот сейчас там, по ту сторону, кто-то страшной, поразительной точностью повторяет движения. Вот он точно так же поднимается с п отступает к противоположной стене... Вавочке жется даже, что он слышит шаги — такое шлепанье пары босых подошв. Больше это вын невозможно, и он мягко впечатывается лопатка стену и понимает, что удачно влепился ме трюмо и торшером. И тут же напротив, у дв раздается грохот чего-то падающего.

Вавочка находит кисточку торшера и рвет ее в он рвет ее вниз и надеется, надеется, готовит облегченный выдох, он уже начинает облегчен выдох, но выдох срывается, переходит в крик страшно, это невозможно, не надо этого! Напро опираясь на перевернутое кресло, голый чело искаженным лицом шарит рукой по косяку. Э зеркало! Никакой надежды, что это зеркало! напротив, не просто повторяет его движения повторяет его мысль — включить свет, и Вав кричит, с ужасом понимая, что тот, напротив, кричит, и надо замолчать: стены толстые, но слишком громок, но не кричать нельзя, потому это страшно...

ДВА

Дыхание кончилось. Противоестественный, енный крик в унисон оборвался. Вавочка ополз коврик у двери, опираясь спиной о косяк которому все еще тянулась его рука — вверх, и не нашаренному им выключателю. Часы равнод отщелкивали секунды. Тот, напротив, с непод ной, схватившейся, как гипс, гримасой тоже о помаленьку на пол.

Мыслей не было. Мозг болезненно разламы на серые одинаковые кирпичики, и сколько длилось — сказать невозможно, потому что, ст Вавочке хоть на долю градуса повернуть гол часам, как тот, напротив, тут же повторя движение.

Нет, так нельзя! Надо проснуться! Все шло норма пришли к Вавочке Сан Саныч с Люськой, они поговорили о чем-то... Угораздило же его зас А ну проснись!

Взвыло сновидение, заклубилась полупрозр муть. Его подбросило с пола, поставило на н швырнуло на незнакомца. Тот отскочил в и Вавочка оглянулся, ища поддержки, и ма пришел в себя. Это был не сон. Это было утр окном — гулкий двор, и в нем — отзвуки

пробудившегося города. И тем не менее в двух шагах перед Вавочкой стоял и смотрел на него во все глаза голый незнакомец, как две капли воды похожий на самого Вавочку.

— Не понял... — изумленно и отчетливо прозвучало слово во внезапно гулкой и вроде бы даже переставшей болеть голове. — Не понял!..

Вавочка уже разомкнул пересохшие губы, чтобы произнести это вслух, когда заметил, что тот, напротив, тоже раскрыл рот, причем явно с той же целью.

Кожа от ненависти плотно облегла лицо.

— З-заткнись! — выпалили оба одновременно.

Мгновенно сделалось до такой степени противно, что и словами не передашь. Захотелось плюнуть, повернуться и уйти, чтобы не видеть этой рожи. Тот, что напротив, метнулся вправо и, обойдя шарахнувшегося Вавочку, скрылся в проеме. В кухню, значит, ушел.

Некоторое время (секунд пять, не больше) Вавочка пребывал в замешательстве: победа или поражение? С одной стороны, ушел-то он, а не Вавочка, а если с другой: опять же догадался-то уйти не Вавочка, а он... Стоп! А вдруг он на кухне чего-нибудь... Присмотреть надо, немедля присмотреть...

С этим дурацким вертящимся «присмотреть» Вавочка подкрался к дверному проему — и словно в зеркало заглянул. Надо полагать, тому, что в кухне, тоже невзначай подумалось: дескать, а вдруг этот, в комнате, чего-нибудь... Оба плюнули и разлетелись по исходным позициям.

Вавочка сел на пребывающую в беспорядке кровать и начал мыслить. Соображать. Но почему-то не соображалось — не мозг, а злокачественная опухоль какая-то.

Наконец пришла не то чтобы мысль — решение: надо одеться. Пусть он, голый-то, с ним, одетым, поговорит! Хоть какое-то, а преимущество. Вавочка еще только утверждался в этом мудром решении, а тот уже возник на пороге, прошел, насупившись, к платяному шкафу и отворил дверцу.

Вавочку смело с кровати. В мгновенье ока очутился он подле шкафа и с возгласом: «Крутой, что ли?!» — рванул противника за голое плечо. Тот обернулся. Разрываемые противоречием между дать по морде и не получить по морде, они ухватили друг друга за руки.

Уразумев, что верхние конечности пользы не принесут, Вавочка ткнул его коленом в пах, но пинок получился взаимным, и оба в корчах опустились на пол.

Ч-черт!.. Свернуться в калачик, стерпеть, подождать, пока боль рассосется... Нет! Надо подняться! Сейчас Вавочка встанет и... Но было очень больно, так что тот поднялся первым. Вавочка ухватил его за ноги, получил пинок и смирился. Глядел, обливаясь слезами справедливого гнева и обиды, как тот, сохраняя зверское выражение морды, облачается в плавки, затем в тенниску, и наконец в брюки, причем во все Вавочкино! Одевшись, произнес: «Вот так. Понял?» — и умчался на кухню.

Вавочка поднялся на колени, обождал немного, убедился, что боль терпима, и встал наконец на ноги.

«Ну ладно, козел! — исступленно думал он. — Ладно. Мы еще посмотрим! Посмотрим еще, кто кого вылепит! Кто тут из нас пластилиновый...»

Вавочка открыл шкаф. Слезы высохли. Мщение ожидалось страшное и изничтожающее... Стоит ли надевать галстук? Вавочка подумал и надел.

Тут он почувствовал, что на него смотрят, и обернулся. Так оно и было. Подобравшийся к дверному проему самозванец стоял смятенный и раздавленный; стоял и смотрел, не веря и как бы вопрошая безмолвно: да есть ли вообще предел человеческой наглости?

На Вавочке был темный, тщательно отутюженный костюм. Из рукавов выглядывали белоснежные манжеты и посверкивали тридцатикаратовые запонки чистейшей воды стекла. Туфли отсвечивали рояльными бликами. В галстуке мерцала миниатюрная шпага. Лицо начальник отдела маркетинга имел корректное и неприступное.

— З-задолблю! — с некоторым отчаянием сказал самозванец.

Вавочка взглянул на него по возможности дерзко и с любопытством.

— Ну, козел! — выдохнул тот. — Гляди, ответишь!..

«Раз, и...»

— Иди на кухню, — ласково посоветовал Вавочка, замирая и дрожа всем нутром. И как бы невзначай взялся за стул.

Двойник не отрываясь смотрел на ухватившую спинку пятерню, потом перевел взгляд на самого Вавочку. То, что Вавочка прочел в его глазах, утешало. Самозванец откашлялся, вильнул подбородком, потом потребовал неуверенно:

— А ну сними!

Ответная улыбка получилась у Вавочки просто замечательно.

— Ладно! — обронил тот и исчез. Снова появился в проеме — иа сей раз с табуреткой в руке.

— Костюма не пожалею! — предупредил он.

Это была угроза. Поэтому Вавочка несколько затянул паузу, прежде чем ответить:

— Я тоже.

Они простояли так довольно долго, мужественно выдерживая глупость положения. Наконец оккупировавший кухню сел в дверном проеме на табурет, а владелец комнаты, чтобы не повторять его, оперся о спинку стула. Оба глядели друг на друга, и на лицах проступал вызывающий смятение вопрос: «Да что же это, господа, происходит?»

* * *

И вообще — надо было как-то выкручиваться. Вавочка встал, небрежно процедил: «Ну, я пошел», — и, прихватив табурет, удалился с независимым видом на кухню.

За спиной в комнате стукнуло, скрипнуло, и Вавочка резко обернулся. Табурет, как четырехствольная зенитная установка, уставился ножками в пустой коридор.

Видимо, оставшийся в комнате просто поднял перевернутое кресло. В отместку Вавочка открыл холодильник, представил с удовлетворением встревоженную физиономию двойника, несомненно услышавшего щелчок, и громко захлопнул дверцу.

— Откуда ж ты, козел, взялся? — сдавленно и беспомощно спросил он у груды целлофановых пакетов на холодильнике.

И тут же озноб продрал Вавочку вдоль хребта: он наконец-то задал этот вопрос, и деться теперь было некуда.

Объяснение крутилось где-то рядом, но, честно говоря, Вавочка боялся объяснения. Он с радостью признал бы, что вот какая-то сволочь, паскудно похожая на него, надела костюм, торчит сейчас в комнате и корчит из себя Вавочку, и на том бы и остановился. Но мозг уже не признавал никаких опасений и притормаживаний, мозг работал.

Двойники... Двойники... Что-то Вавочка читал о двойниках. Был там у кого-то двойник, поздороваются с ним на улице, а он говорит: нет, мол, это не я... Да, но с самим-то Вавочкой все по-другому! Пришел домой, лег спать... Спалось, правда, плохо, кошмары мучали... Кошмары? И подлая память услужливо предъявила обрывок сна: что-то в себе Вавочка пытался уничтожить (во сне, конечно), что-то неприятное, мерзкое... И он это вытолкнул из себя, вытолкнул...

— ЕГО? — Вавочка вздрогнул от собственного шепота и почувствовал, как стремительно взмокает жаркой знобящей испариной.

Так он, выходит, раздвоился, что ли, во сне?.. Или нет, не раздвоился, а, как это?.. Слово еще такое, специальное... Ну да, правильно: разде... То есть как?! То есть...

Вавочка зажмурился, застонал, будто от нестерпимой боли, и вдруг стремглав кинулся в комнату. А в дверном проеме уже стоял тот, другой, и, тыча в Вавочку пальцем, давился одним и тем же словом: «Ты!.. Ты!.. Ты!..»

Это Вавочка? Это, по-вашему, Вавочка? Да на морду одну взглянуть достаточно... Крысенок! Слюной брызжет! И еще орет чего-то! Что он орет?

— Ты на рожу свою посмотри! Ты! Ты хоть знаешь, кто ты такой?..

Вскоре словарный запас был исчерпан, оба внезапно обессилели и стояли теперь, тяжело дыша и утирая слезы. Обида, жгучая обида катилась к горлу, принимая вид вопроса.

— Почему? — выдавил наконец тот, что в тенниске.

Почему зто случилось с ним? Именно с ним! Почему не с Леней и не с Сан Санычем?

А вокруг уже подпрыгивал и пританцовывал мохнатенький смешок на тонких ножках:

— А вот не надо ничего из себя выталкивать! Ишь! Чистеньким быть захотел! Не понравилось ему в себе что-то, ах-ах! Ну вот и получи, раз выпихнул!..

И тут мелодично булькнул дверной звонок: «Блюм-блям!»

* * *

Оба застыли. Уставились друг на друга с отчаянной сумасшедшей надеждой. Исчезни! Уйди! Придумай хотя бы что-нибудь!

— Блюм-блям!

Теперь они смотрели на дверь. Нужно было пройти по коридорчику, наступить на коврик, повернуть черную пластмассовую шестеренку на плоской металлической коробке замка...

— Блюм... — А вот «блям» у звонка не получился. Вавочка произвел это самое «блям» про себя и начал отпихивать рвущегося к замку двойника в сторону кухни. Вскоре одному удалось оттолкнуть другого, и, очутившись в два прыжка у входной двери, оттолкнувший щелкнул замком. Приоткрыл. Оглянулся. В коридоре уже никого не было. Почувствовал облегчение и распахнул дверь до конца.

На площадке стоял заспанный и небритый Леня Антомин. Просыпаясь на глазах, он заглядывал через вавочкино плечо: не померещилось ли ему чего в конце коридорчика...

— Не уехала? — тихо спросил он и указал глазами на прикрытую дверь кухни.

— Уехала, уехала, — торопливо успокоил Вавочка, и голос у него был хрипловат, точь-в-точь как у самого Лени.

Да что ж это он сделал! Идиота он кусок, а не Вавочка! Сказал бы: не уехала. Рад бы, Леня, мол, так и так, но здесь она, сестра, хотела уехать в тьмутаракань свою, да раздумала. Дни радости отменили, понял? И ушел бы Леня к чертовой матери.

Вавочка с ненавистью взглянул на гостя и тут же, сморщив лицо, схватился за затылок. Гость не понял.

— Голова болит, — пояснил Вавочка. — Ты заходи.

Но Леня не сразу зашел. Еще раз заглянул за Вавочку, затем начал рассматривать его самого, изумляясь поочередно галстуку со шпагой, запонкам, туфлям. Некоторое время боролся с улыбкой, и улыбка победила, сделав на секунду небритого Леню бодрым и обаятельным.

— Ты что? — спросил он чужим, неестественным голосом. — На работу собрался или по дому так ходишь?

Леня был сбит с толку окончательно.

— А чего ты стоишь? — Вавочка решил не дать ему опомниться. — Ты это... Давай, заходи... — И он сделал широкий приглашающий жест.

Леня зашел, покручивая головой.

— Ну ты даешь! Выпил, что ли?

— А, ну да! — ухватился Вавочка. — У ме оставалась там эта... граммулечка...

Понял, Леня? Все просто. Выпил Вавочка, вот чудит. А ты что думал? Все просто, Леня...

«Граммулечка»? Леня смотрел с сомнением. Ч то здесь не так. Если бы Вавочка небрежно объяв что минуту назад прикончил полбутылки «Распу на» одним глотком, не закусывая, это было бь порядке вещей и означало, что Вавочка проглот граммов пятьдесят. Если же он говорит о «граммулеч — то что же зто он? Пробку лизнул, что ли?

— Значит, говоришь, — проскрипел Ле устраиваясь в кресле, нелепо стоящем спинкой дверному проему, — тоже от рэкетиров скрываешь

Вавочка, уже коснувшийся задом растерзанн постели, замер было в этой нелепой позе, понятно, не удержал равновесия и плюхнулся — ноги от пола подпрыгнули.

— Как?!

— Как-как! — Леня явно был настроен мрач юмористически. — На работу не пошел?

— А-а... — с облегчением сказал Вавочка. — Ну д

Далее он, продолжая удивлять Леню, осекс закусил губу, чем-то, видать, осененный. Пла планы летели и лопались мыльными пузырями радужными, непрочными.

А что если сдать двойника рэкетирам?.. Или д не так! Заплатить вьетнамцам — те его в два с уберут!.. Ну да, а вдруг уберут, да не того! Ошибу — и чик! — самого Вавочку... Морды-то одина вые, да и адрес тоже... Нет, ну вот ведь тварь ка — ничего с ним не сделаешь!..

Леня с интересом ожидал, когда хрусталики вочкиных глаз снова наведутся на резкость.

— А эта, твоя, еще не знает? — полюбопытствова

—Какая? — чисто механически переспросил вочка и вздрогнул. Тоненько, мелодично скрипн дверь кухни.

Леня оглянулся. В проеме никого не было. вгляделся в Вавочку и расплылся в понимаю улыбке.

— На кухне, что ли, твоя прячется? — спросил он и радостно (ну как же, раску засмеялся. Потом оборвал смех и вгляделся в Ва ку повнимательней. Тот по-прежнему смотре проем, где уже стоял этот, в тенниске, с ли весьма решительным.

Леня еще раз обернулся и долго тепер поворачивался. На тяжелом его затылке взвихрив водоворотик коротко подстриженных волос. А в тенниске, заискивающе улыбался Лене. Вав даже застонал при виде этой улыбки — такая была жалкая, просящая извинения.

Леня смотрел. Потом вдруг крутнулся к Вав и никакой сонливости не было уже ни в глазах Л широко (и красиво) раскрытых, ни в небр физиономии. Он напоминал теперь историчес бродягу, глухой звериной тропой бежавшего трова Сахалина.

И Вавочка заискивающе улыбнулся ему, г щему сумасшедше, и сам почувствовал, что ул вышла жалкая, просящая извинения. Тогда он улыбку и встретил ужасный взгляд Лени с до ным и, пожалуй, несколько угрожающим ви

* * *

Леня с проворотом слетел с кресла, и оно, громы вернулось в то самое положение, в каком проле всю ночь, а сам Леня, чуть пригнувшись, отступал в сторону окна. Держа обоих в зрения, отвел назад растопыренные пятерни, кал подоконник. Нашел. Взялся широко раскину руками. Приподнял по-звериному верхнюю г

«Убьет!» — панически подумали Вавочки.

— Ты что? — хрипло произнес Леня.

Взгляд обоих Вавочек был жалок.

— Ты что, блин?.. Совсем уже чокнулся?.. Совсем уже идиот, да?.. — Леня говорил что попало, что на язык подвернется, лишь бы выиграть время и прийти в себя, но каждое это случайное слово убивало Вавочку. Обоих Вавочек.

Растерянные лица двойников отчасти вернули Лене присутствие духа. Кошмар обязан быть страшным. Если же кошмар и сам испугался, то какой он к черту кошмар!

— Ну и дурак же ты, прости Господи! — подвел итог Леня, вновь обретая некоторую уверенность. — Видал дураков, но чтобы такое отколоть!..

Он передохнул и оперся задом о подоконник. Глаза всматривались, сравнивали. Лицо хмурилось все больше. Ничего не мог понять Леня. А казалось бы, напрашивающаяся мысль о собственном сумасшествии к Лене, как всегда, и близко не подходила.

Потом на лице его появилось и исчезло выражение досады. Ах, вот оно что!.. Да, крепко провели Леню. Давно он так не попадался. И кто бы мог подумать: Вавочка — и вдруг...

— Близнецы, что ли?

Те переглянулись вопрошающе. А что еще можно придумать? Ничего нельзя больше придумать. Покорно кивнули.

— Хорошо, — оценил прежний Леня. — Умеешь. Чья идея-то была? — и не дожидаясь ответа: — Слышь, надо бы еще кого-нибудь наколоть. Я прямо ошалел сначала. Вот ведь похожи!

Он снова начал всматриваться в их тождественные физиономии. Понятно, что облегчения это занятие ему не принесло. Леня крякнул и отвел глаза.

— Ну ладно. — Не спрашивая разрешения, достал из серванта три рюмки. Вавочки проворно убрали с алтарной тумбочки книжицу и подсвечник.

Леня вынул из глубокого, как пропасть, внутреннего кармана пиджака коньячную бутылку. Вскрыл. Разлил по край. Сел. Вавочки тоже подсели.

— Закуску тащи.

Вавочка в костюме встал, отступил, пятясь, и улетел на кухню. Мгновенно возник с хлебом, ножом и капустой, так что двойник с Леней и словом не успели перекинуться.

Однако Вавочка в тенниске все же парой кивков и взглядов попытался сориентировать, что он — это он сам, а который в костюме — приезжий.

— Ну, за нее! — провозгласил Леня. — За рекламную кампанию.

Опрокинули. Коньяк был явно поддельный и отдавал самогоном. Морщась, закусили. Леня с приговоркой: «Природа пустоты не переносит», — наполнил рюмки по второму разу. Вавочка в тенниске достал пачку, раздал по сигарете, пощелкал зажигалкой. Затянулись.

— Значит, что я предлагаю, — сказал Леня, разглядывая рисунок на тенниске. — Телевидение, хрен с тобой, бери себе, а мне давай «Аргументы и факты». Остальное меня не колышет...

Вавочка в тенниске окаменел лицом и тихонько указал глазами на двойника. Дескать, что же ты о делах-то при постороннем!

Леня только головой покрутил — забавные у близнецов отношения. Хотя ему-то какая разница? Время терпит. Кончится коньяк — пошлем гостя за добавкой, тогда и поговорим. А пока — светская беседа.

— Откуда приехал? — поинтересовался Леня, обращаясь к Вавочке в костюме.

Тому от неожиданности дым попал не в то горло. Леня дружески ахнул его по спине кулаком — не помогло. Вопросительно взглянул на другого.

— Да из этой... Ну ты же говорил еще... — по-подлому обратился владелец тенниски к кашляющему.

— Из этой... Ну, как ее?.. — сдавленным голосом сообщил тот. — Сестра еще туда поехала...

— Понятно, — примирительно сказал Леня.

Рюмки снова наполнились. Бутылка опустела.

— Леонид, — представился Леня, протягивая руку Вавочке в костюме.

— Владимир, — сказал Вавочка.

Леня вытаращил глаза, потом оглянулся на Вавочку в тенниске, потом до него наконец дошло.

— Ну вы козлы! — Леня заржал. — Второй раз, а?.. Извиняюсь! — бросил он насмешливо и протянул руку Вавочке в тенниске. — Леонид.

Тот пожал руку и что-то пробормотал.

— Чего? — не понял Леня.

В один момент провалились куда-то все мужские имена, вертелось только какое-то дурацкое «Арнольд».

Ну улыбнись же, Леня! Засмейся! Скажи: «Ты что? Как звать себя забыл?» Чудак он, Леня! Склеротик! Это у него с детства, понимаешь? Ну улыбнись!

Леня улыбнулся. Нехорошая была улыбка, ненастоящая. Повернулся неспешно к галстуку со шпагой.

— Так когда ты узнал про Сан Саныча?

— Э-э... вчера, — ответил Вавочка. — Я-то думал, он по редакциям побежал...

Леня не дослушал. Леня развернулся всем корпусом к тому, что в тенниске.

— А кто сказал?

— Новичок, — несколько опешив, ответил тот. — Захожу в рекламу, а он...

Леня встал и как-то незаметно оказался в дверях. Именно с таким выражением лица он отступал недавно к подоконнику.

— Куда ты? — Оба вскочили.

Леня пропал. Грохнула с щелчком входная дверь. На алтаре стояли пустая бутылка и три рюмки коньяка.

* * *

Медленно повернулись друг к другу.

Владелец костюма сделал пугающее движение, и присвоивший тенниску отпрыгнул к стене. Понял, что отступать некуда, и сделал ответное пугающее движение, отбросившее противника на прежнее место. Началась изматывающая позиционная борьба. Вавочки тиграми кружили вокруг друг друга по сложным кривым, делали ложные замахи и выпады, шипели, натыкались на кресло, сверлили взглядами, отпрыгивали, произносили время от времени: «Так, значит?» и «Задолблю!»

Потом ухватили каждый по стулу и окончательно пали духом. Выяснение отношений приняло словесную форму. Начал тот, что в костюме.

— В гробу я тебя видел! — сказал он с такой убежденностью, что видение чуть было не возникло, колыхнувшись, в центре комнаты.

— А ты... — с ненавистью и без промедления ответил второй. — Ты вот что: я таким головы откручивал и жаловаться запрещал!

Тут же выяснилось, о чем даже самый последний дурак догадался бы: нельзя своего сопливого носа высовывать из кухни, если в комнате посторонний! Выяснилось также, что только самая наисволочнейшая сволочь может пить коньяк в чужой квартире, а законного хозяина при этом выставлять на кухню. («Это кто хозяин? Это ты, что ли, хозяин? Да знаешь, кто ты такой?..») Не сходя с места, выяснили, кто есть кто и чью одежду присвоил.

И случилась некоторая пауза — аргументы кончились.

Оба внезапно обессилели, почувствовали голод и замолчали. Еще раз с отвращением оглядели друг друга, и присвоивший ковбойку буркнул:

— Ладно. Пошли жрать.

Вавочку передернуло от такой бесцеремонности, но он каким-то чудом сдержался и последовал на кухню за обнаглевшим самозванцем.

Горелка была зажжена, алюминиевая кастрюля значительной емкости установлена. Вавочка достал пачку сигарет, предложил с надменным видом. Двойник бешено посмотрел на него, но сигарету взял. Прикурил, однако, от газа, как бы не заметив протянутой зажигалки. Оба глядели друг на друга, и, казалось, затягивались не дымом,

а ненавистью. Докурили одновременно. Присвоивший тенниску взял отмытую консервную банку для использованных спичек и стал гасить сигарету. Гасил уннзительно долго, и владелец костюма, потеряв терпение, просто выбросил окурок в форточку.

— Ты что делаешь? — заорал на него хозяин тенниски.

Но тут, к счастью, фыркнула кастрюля. Все еще вне себя владелец тенниски разбросал по тарелкам вегетарианскую солянку.

Вышла не еда, а нервотрепка: каждый думал не столько о насыщении, сколько о том, чтобы выглядеть прилично и не походить ни в чем на сидящего напротив. Владелец тенниски хотел обмакнуть хлеб в соль, но так вышло, что двойник его опередил. Вавочка вышел из себя и сказал, что он думает об опередившем. В ответ тот оскалился из костюма и продолжал чавкать. Тогда Вавочка бросил с грохотом ложку на стол. Тот вздрогнул, но довольно быстро овладел собой, н чавканье возобновилось.

— Посмотрел бы ты на себя в зеркало, козел! — тихо произнес Вавочка, и внутренности свело спазмой вчерашнего страха: огромное черное зеркало, и кто-то с поразительной, нечеловеческой точностью повторяет в подробностях все твои движения, эхом отдается шлепанье босых ног.

Тот, что в костюме, тоже прервал еду, в глазах его был такой же страх — вспомнил и он. Оба глядели друг на друга, и глаза их становились попеременно то жалкими, то презрительными. Это зеркало? Это Вавочка? Вот этот крысенок — Вавочка?..

Застыв лицами и не произнеся ни слова, они солянку все же прикончили. Владелец костюма поднялся первым.

— Я разогрел, а ты вымой! — приказал владелец тенниски.

— Облезешь! — бросил не оборачиваясь, уже в дверях, второй.

Владелец тенниски подскочил к нему, ухватил за плечо, рванул.

— Я разогрел, а ты вымой!!

Здесь должна была наконец случиться драка, и она случилась бы непременно, если бы в коридоре медлительным большим пузырем не всплыло и не булькнуло мелодично все то же зловещее: «Блюмблям».

***

Кто-то опять стоял на рогожном прямоугольнике тряпки перед дверью и, ожидая приближающихся из глубины квартиры шагов, без интереса рассматривал вырубленную в стене фразу десятилетней давности «Вавка — шмакодявка», дважды в процессе текущих ремонтов закрашенную серо-зеленой краской и все же еще вполне читаемую. Вот на лице стоящего проступает недовольство, он снова подносит палец к кнопке звонка и...

Серые, как газетный лист, лица Вавочек чуть порозовели, дыхание возобновилось. Тот, что стоял поближе, пошел и поставил кресло. За дверью мог быть Леня. И очень даже просто: купил еще бутылку и вернулся. Это было бы хорошо. Это сразу многое бы распутало.

Который в костюме взялся было за пластмассовую шестеренку, но другой, в тенниске, ухватил его за рукав. Испуганно уставились друг на друга. А если не Леня?

Костюм молча кивнул на дверь кухни. Двойник так же молча помотал головой — моя, мол, очередь открывать. Сделал попытку прорваться, но был отброшен ударом ноги и тыльной части тела. Вавочка в костюме судорожно щелкнул замком, чуть приоткрыл дверь — и тот, который в тенниске, в мгновенье ока прилип к стене.

Вавочка в костюме приоткрыл дверь и просунул голову на площадку.

— Я сейчас! Моментик! — выпалил он наружу и, даже не успев уясннть, кто там, собственно, приш снова оказался лицом к лицу с двойником, придержи прикрытую дверь заведенной за спину рукой. Взг его был красноречив.

Тот понял, что опять придется сидеть на кухне, просто так повернуться и уйти убеждения не поз лили. Не спеша отлепился от стены, заложил р в карманы и, склонив голову набок, приня ехидно разглядывать подлую свою копию, котор делая поочередно то страшные, то жалобные гла вот уже второй раз выкрикивала: «Сейчас, сейча Тапочки только надену...»

Усмехнулся презрительно. Ленивым прогулочн шагом, не вынимая рук из карманов, прошел коридору, остановился, озабоченно соскоблил готком чешуйку краски с выключателя и, отвратител подмигнув своему отутюженному костюмчику, скры в кухне. Вавочка открыл дверь. На площадке ник не было.

* * *

Вавочка стал подкрадываться к окну. Во дв под окном были дровяной стол для домино и скамьи к нему, но если смотреть с середины ком ты, то стол не увидишь. Вавочка сделал еще п шагов — и в следующий миг, не успев даже вых тить руки из карманов, стремительно пригну Чуть в подоконник челюстью не врезался.

— Леня, с-сволочь! — выдохнул он.

На скамье, спиной к столу, лицом к дому, си мрачный Леня Антомин. Сидел, недобро посматри на вавочкино окно, пошевеливая незажжен сигаретой в углу рта, поигрывая спичечным коробк

Вот, значит, какие у нас дела! Все, зна сговорились! Та-ак...

Потрясение остро отдалось в мочевом пуз Прислонился к стене, чуть просев и сжав колени помогло. Хуже стало. Пометался по комнате.

Наконец не выдержал, отставил мешающий таб и взялся за ручку. Если открывать медленно, ск получится долгим. И Вавочка приоткрыл дверь од коротким, но по возможности плавным толчком

Та ответила слабеньким всхлипом. Кожа на тылке шевельнулись от напряжения. Кажется, д ник не услышал. Микроскопическими приставн шажками, сдвигая голову на доли миллиме Вавочка двинулся по коридорчику. Счастье со ствовало ему — двойник затих на кухне.

Далее все произошло столь быстро и нагло, чт даже не сразу в это поверил.

Всхлип кухонной двери, два решительных шаг и подлая рука снаружи щелкнула задвижкой.

Перед Вавочкой вдруг оказалась дверь, а он с на окропленном красно-желтом плиточном совмещенного санузла и тупо на нее смотрел. По толкнул кончиками пальцев. Бесполезно. Запе Опустил крышку. Сел. На лице стыли отчаян обида.

А секундой позже тяжелый удар сотряс возд помещении. Стул отлетел в сторону, а Вавоч комнате почему-то метнулся к окну.

— Открой, козел! — орал двойник. — М набью! Дверь сломаю!

И сломает ведь. Вавочка выскочил в коридор все же взял себя в руки и остановился п сотрясаемой пинками дверью туалета.

«Дырочка...» — вспомнил он. — Гаденыш вн сидит...»

Гаденыш сидел внутри. Вавочка сорвал задв и, рванув дверь, ринулся вовнутрь.

О, это был бросок! Хищный. Обоюдный. видимо, сшибаются в воздухе леопарды, ч упасть на землю пушистым, бурлящим, сви мяукающим клубком. Жаль, конечно, что не раз не развернуть богатого этого сравнения... Ну да с ним. Вернемся в наше серенькое русло.

Вавочки не сшиблись в воздухе, и свирепо мя ющего клубка из них тоже не получилось. Како мгновение всего миллиметр разделял их свир

востренькие носы, но в следующую долю секунды зрачки у Вавочек расширились, оба отпрянули, и тот, что бросился из туалета, крикнул с пугающей дрожью в голосе:

— Ты пойди посмотри, что во дворе делается!

Не дожидаясь ответа, вылетел в кухню, и что-то внутри радостно трепыхнулось: выкрутился! Ах, как удачно выкрутился! Как сбил с толку, а?

Двойник растерялся. Что во дворе? Что еще случилось? Как прикажете реагировать на наглый приглашающий жест? Последовать к окну — значит подчиниться. Не последовать — а вдруг там в самом деле что-нибудь!

И он последовал, но с достоинством. С достоинством, которое в момент улетучилось, стоило Вавочке выглянуть во двор.

Вавочка смотрел во двор. Леня никуда не смотрел — прикуривал.

Потом он поднялся и двинулся к невидимому из окна туннельчику, соединяющему двор с улицей Александровской (бывшая Желябова). Почти уже выйдя из поля зрения, Леня обернулся и посмотрел. Все.

И Вавочка в тенниске, отчетливо сознавая свою неправоту, развернулся к противнику и, не дав ему рта раскрыть, нанес упреждающий удар:

— Добился, да? Вода в заднице не держится, да? Соображать надо, что говоришь!

И, круто повернувшись, ушел в комнату, где остановился и прислушался к радостному трепыханию там, внутри. Вот он его лепит! Как пластилин! Подряд два раза! Ну, молодец...

На кухне двойник моргал и силился хоть что-нибудь понять. А что он такого сказал? Кому? Лене, что ли? А что он Лене сказал?.. Да что ж это делается!

— Ты! — выпалил он, ворвавшись в комнату. Именно выпалил. Так дети, играя в войну, имитируют звук выстрела. — Ты знаешь, кто ты вообще?!

...И возвратилось все на круги своя.

Когда опомнились и взглянули на часы, выяснилось, что нащелкало уже десять минут шестого. Как это? Оба опешили. Куда день девался? Стали припоминать — все сошлось: вскочили часов в одиннадцать (с ума сойти!), часов до двух разбирались, что к чему, потом Леня пришел, да потом еще грызлись сколько... Это все было сегодня? Интересно получается! Значит, только сегодня появился этот... (Покосились друг на друга.) Завтракали с ним... И посуду, наглец, не вымыл... Вспомнив про посуду, Вавочки воспламенились.

Мысли у них давно уже перестали совпадать по времени: в тенниске — тот еще воспламенялся, свирепо оглядывая двор и барабаня пальцами обеих рук по подоконнику, а который в костюме уже летел к нему с агрессивными намерениями.

Стоящий у окна, заслышав смену в ритме шагов двойника, до этого хищным зверем кружившего от двери к торшеру и обратно, обернулся. Оказались лицом к лицу.

— А посуду кто мыть будет?! — заорал тот, что в костюме.

— Ты будешь!

— Я буду?

— Ты будешь!

— Ах ты!..

Но сил на ссору не оказалось. Голоса сели. Минут через пять оба стояли, повернув лица в сторону двора, и без всякого интереса препирались.

— Иди посуду вымой, — сипло и невыразительно требовал один.

— Облезешь, — следовал апатичный ответ.

Двор вечерел. Сквозь стекла, как сквозь бумагу, проникал пронзительный голос теть-Таи из соседней квартиры, владелицы розового пододеяльника, оскверненного малолетними футболистами.

Наконец владелец костюма не выдержал: да черт с ним, пойду поем хотя бы, все равно этому наглецу ничего не докажешь. Почти уже дошел до двери, когда в спину последовало:

— Вымоешь — доложишь.

Пришлось вернуться.

Попрепирались еще минут десять. Потом владелец тенниски потянулся и, вроде бы ни к кому не обращаясь, мудро дал знать, зачем именно он идет на кухню:

— Пожрать пойти, что ли?..

В дверях обернулся:

— А ты куда лезешь?

— Ушибу! — с пеной у рта пообещал тот, что в костюме, и другой дорогу ему не заступил — не решился.

Безобразные эти диалоги длились, почитай, весь ужин вплоть до того момента, когда последний из них, доев и поставив из принципа в стопку четвертую грязную тарелку, вынул из банки забычкованную сигарету, закурил и направился в комнату, окончательно плюнув на то, что в точности повторяет действия ненавистного противника. Вот что может сделать с человеком усталость.

Двойника он застал на полпути от окна к кровати и уже без сигареты. Форточка была открыта. Вот свинья!

Вавочка лишь брезгливо покосился, когда тот шумно грохнулся на постель, соизволив снять только обувь. И на том спасибо.

Вавочка затянулся еще пару раз и в свою очередь направился к форточке. Прицелился и выщелкнул окурок на улицу. Мгновенная розовая царапина легла на прозрачно-фиолетовый сумрак, заливший двор доверху, до самых чердаков.

— Олеж-ка, — взывал откуда-то сверху скрипучий старушечий голос. — Олеж-ка! Вот родители приедут — все расскажу, как ты над бабушкой издевался!..

Внезапно Вавочка сделал еще один шаг и гулко ткнулся лбом в оконное стекло. Справа, со стороны туннельчика, к подъезду приближалась прохожая. И была это Люська.

— Олеж-ка...

Вавочка присел, припал к подоконнику, и грудь его вытолкнула полухрип-полурыдание.

Нет, это уже было слишком!

Лежащий на кровати поднял голову, посмотрел на сгорбленные сотрясающиеся плечи двойника, сообразил: неспроста это — и, как был в носках, очутился у окна.

Не сговариваясь, кинулись в кухню, чтобы рассмотреть лицо (она или не она?), когда подойдет поближе к желтенькой лампочке над подъездом. Люська приближалась. Сейчас она свернет. Сейчас она откроет дверь парадного. Сейчас она поднимется на второй этаж. Сейчас (блюм-блям!) сыграет звонок — и что делать?..

Не свернула. Миновала подъезд. Алые туфли на мощных угольно-черных каблуках. Не было у Люськи таких каблуков. Иначе об этом уже все знали бы. Сумерки обманули. Не Люська.

И тут словно что-то хрустнуло в Вавочках. Тот, что в костюме, бросился в комнату, где упал ничком на кровать и заплакал, захлебываясь, ударяя кулаком в подушку и слыша из кухни рыдания двойника.

В сумеречную колодезно-зябкую комнату забредали через форточку перекликающиеся голоса. Родители выуживали со двора зарвавшихся отпрысков. Было слышно, как в проволочной клетке для волейболистов все мечется, оглашая двор дребезжаще-тяжелыми ударами, растворенный сумерками футбольный мяч. Видимо, играли уже вслепую.

Вместе со слезами вышли последние силы. Из кухни, хлюпая носом, пришел двойник и слабо попытался спихнуть Вавочку на пол. Это ему не удалось, но на диван он все же не пошел и, потеснив-таки Вавочку, пристроился вторым на кровати. Бог знает, кто из них догадался встать и закрыть форточку, но в комнате стало теплее — и сон пришел.

* * *

— А я люблю военных, красивых, здоровенных!.. — грянул во все динамики маленький, не больше спичечного коробка, киоск звукозаписи.

Отсюда, с карниза, несанкционированный базарчик у киоска выглядел цветной шевелящейся кляксой. Наяву там такой толпы никогда не бывало, да и быть не могло. Клякса расплывалась, меняла очертания, выпускала короткие отростки, распадалась внезапно на несколько самостоятельных клякс, и они лениво шевелились, словно неуклюже пританцовывая под отчаянную однодневку.

Так толпа торгующих выглядела сверху.

Карниз тем временем незаметно снизился, и показалось вдруг, что спрыгнуть туда, в толпу, — пара пустяков!.. Вавочка язвительно усмехнулся. Делов-то! Оттолкнулся легонько, пушинкой этакой слетел — и он уже там...

Но тут что-то изменилось, и Вавочка вскоре понял: музыка останавливалась. Лихой голосок певицы сменился басовитой позевотой; мелодичный грохот замедлялся рывками, распадался на звуки; распадались уже и сами звуки. Вавочку словно окунули в гулкие океанские глубины. Из неимоверной бездны звучно всплывали неспешные огромные пузыри. Потрескивало, поскрипывало...

Толпа внизу тоже остановилась, недоумевая. А потом торгующие, как по команде, раздраженно запрокинули головы. Вавочка обмер. Все обращенные к нему лица были его многократно повторенным лицом.

Он поспешно отступил от края карниза и почувствовал, что отступает по вертикали. Вскоре лопатки его уперлись в потолок (откуда потолок? Это ведь улица!), а снизу на него смотрели глаза, крошечные и многочисленные, как лягушачья икра.

Он окаменел. Он просматривался насквозь. Единственная надежда, что на таком расстоянии его не очень-то и разглядишь. Но глаз было слишком много, и они любопытствовали. Им очень хотелось понять, что это за существо такое неправдоподобное вцепилось там раскинутыми лапками в потолок.

— Ох, ну ни фига себе! — произнес кто-то гулко.

Потолок слегка надавил на спину и начал снижаться, безжалостно выдавая его на потеху толпе. Вблизи не укроешься. Они все поймут! Все разглядят! Вавочка корчился, старался освободиться — бесполезно.

— А сами-то! — отчаянно закричал он тогда. — Сами-то не такие, что ли?

Он рванулся и сел раньше, чем успел открыть глаза. Полыхнул торшер. Комната. И совсем рядом — оскаленное, с вытаращенными глазами его собственное лицо. Некоторое время оба сидели неподвижно, вздрагивая от уколов испарины.

— Надо что-то делать, — обессиленно проговорил один.

Второй промолчал.

И возникла некая определенность. Надо что-то делать. Надо, во-первых, выспаться, а завтра... Завтра надо что-то делать. Так дальше нельзя.

Оба почему-то уже знали, что кошмаров сегодня больше не будет.

И кошмаров, действительно, не было. Не было вообще ничего зрительного. Сон состоял из звуков. Нечленораздельные и гулкие, они чуть тревожили, но не более того. Намекали малость, подражая то хмыканью Лени Антомина, то мелодичному бульканью дверного звонка. Сон мелькнул.

* * *

Поворочались, потолкались, приоткрыли глаза и увидели, что это утро. Хорошее осеннее утро, и воздух за окном, видимо, сух, прохладен и пахнет листвой.

Сели на кровати, пожевали смякшими за ночь губами.

— Ты знаешь что, — сипло начал Вавочка в мятом костюме. — Ты уезжай куда-нибудь. Я тебе денег д

— Каких денег? — нехорошим голосом осве мился Вавочка в мятой тенниске.

— Деревянных, — снагличал Вавочка.

— Деревя-анных!.. — хрипловато передраз Вавочка. — Я тебя сейчас, деревянного, ушибу. (твои?

— А чьи? Твои, что ли?

— Мои!

Они сидели спинами друг к другу, опустив н каждый по свою сторону кровати.

— Придумал! — презрительно хмыкнул тот, в тенниске. — Со своими же деньгами и паспорта!

— Паспорт я тебе отдам, — хмуро сказал вто|

Вавочка развернулся, уперся ладонями в ском ную постель, уставился в затылок двойника.

— А ты сам что же? — сказал он. — С проезд жить будешь?

— Скажу, потерял. Новый выдадут.

Тот, что в тенниске, задумался. Один лиш крыши, другой — документов. Это уже отдал походило на справедливость. С одной то: поправкой.

— Хорошо, — решил владелец тенниски Только, слышь, паспорт потеряю я, а ты уедеі

Услышанное им сопение было явно отрицательн

— Деловой! Значит, я уеду, а редакции шелуı ты будешь?..

— Да поделюсь я с тобой, — буркнул двой

— Ты — со мной? А может, это я с т поделюсь?

— Ну, поделись!

— Хм... — сказал Вавочка и снова задум: Может, вправду поделиться? Жалко, ох, жал Комиссионные, можно сказать, с неба свалили

— «Аргументы и факты», — выговорил он н нец. — Хватит?

— «Аргументы?..» — не веря, переспросил д ник. — А телевидение, значит, себе?

Как ни странно, очередного взрыва страсте последовало. Оба вдруг примолкли, затаились, то, видать, прикидывая и обмозговывая. М одинаковые, почерк — тоже... Какая разница составит договор? Главное — кто потом д получит...

В задумчивом молчании проследовали на ку где, даже ни разу не поругавшись, поставили каст на огонь.

Хотелось курить, но сигареты кончились вчера. Так и сидели, поглядывая друг на др строя, надо полагать, весьма похожие планы. ем по разным редакциям бегать не стоит — наве засекут, да тут еще Леня в курсе. Стало быть

Солянку по тарелкам на этот раз разливал который в костюме.

— Так кто пойдет-то? — спросил его тот, тенниске.

— Я пойду. — Ответ был весел, нагл, катего и обмозгован заранее.

Но вот следующий ход, как хотите, был гени

— Ну иди, — хмыкнул владелец тенни принял двумя руками полную тарелку.

Владелец костюма застыл на пару секунд. Ю с половником. Статуя. Он-то готовился к ярос спору до хрипоты — и вдруг такое дело...

— А ты что? Не пойдешь? — переспросил всякий случай.

— Не-а, — сказал двойник и с удовольс погрузил ложку в дымящуюся солянку.

Вавочка всполошился. Что у него на уме? вит из квартиры, а сам... Что сам? Что он в может тут натворить в вавочкино отсутствие? ему просто неохота по редакциям бегать' блефует он нагло, вот что! Хотя...

— Ладно, — буркнул наконец Вавочка, в вая в тарелку остатки солянки. — Пожр увидим.

Уже в раковине под щелкающим каплями краном громоздились четыре грязные тарелки с кастрюлей в придачу, а сами Вавочки, не прерывая раздумий, встали из-за стола, когда владелец костюма нанес наконец рассчитанный удар:

— Ну, раз ты не хочешь, я пойду.

— Чо?!

— Вот так! — гордо ответил тот и прошествовал в комнату, так что второму пришлось унизительно бежать за ним, выкрикивая:

— Это я сказал, не пойду? Это ты сказал, не пойдешь!

«Раз, и...»

— Ты-то? — интриган обернулся и окинул его презрительным взглядом. — Да ты там такого налепишь — не расхлебаешь потом. Что я, тебя не знаю?

Вавочка задохнулся.

А тот нагло сказал: «Ну я пошел», — и в самом деле направился к двери.

Вавочка догнал его, преградил дорогу и сунул руку в карман с таким отрешенным видом, что противник, хотя и знал отлично содержимое правого кармана, испуганно моргнул.

Из кармана была извлечена новенькая монета в пятьдесят рублей и установлена на сгибе готового к щелчку большого пальца.

— Решка! — выпалили они одновременно.

Фальстарт. Взвившийся в воздух пятак был пойман на лету и водворен в исходную позицию.

— Решка! — упрямо повторили оба.

— Да пошел ты к черту!

— Решка! — Снова хором.

— На, бери свою решку, крыса недоношенная!

Через некоторое время договорились, и кувыркающийся пятак упал на вавочкину ладонь. Решка! И Вавочка с силой шлепнул монету на обнаженный (рукава он по-шулерски вздернул) сгиб левой руки.

— Это ты как бросаешь? Это кто так бросает? — завопил двойник. — А ну перебрось!

И тут Вавочка вспомнил, что решку-то он загадывал! Решку — понимаете? — а никак не орла.

— Ладно, — сказал он. — Не разоряйся.

И вновь метнул монету. Тот было дернулся — тоже, видать, сообразил, что к чему, да поздно.

Орел! И Вавочка спешно обронил пятак на пол.

— Да ты что? — окончательно озверел двойник. — Снова давай!

И осекся. Монета легла на пол орлом вверх, но Вавочка ее уже подобрал.

— Дай сюда! — потребовал двойник. — Я брошу.

Пятак моментально исчез в кармане. Помолчали успокаиваясь.

— Знаешь, что, — сказал наконец один из них. — Где карты?

* * *

Карты нашлись, да вот не сообразили, что покер — игра затяжная. Им бы по-умному — в дурачка один расклад и без реванша, но как-то это обоим показалось... несолидно, что ли... Начальник отдела маркетинга — и вдруг в дурачка! Играли на спички, с переменным успехом и довольно долго. Часы остановились в половине шестого утра.

Когда владелец костюма королевским флешем против тройки в очередной раз выравнял положение, противник вскочил и выразился непристойно. Затем вскочившего осенило.

— Слушай! — сказал он, пораженный, как ему это раньше в голову не пришло. — Ты что ж, прямо так и пойдешь? По редакциям!

— А чего? — с туповатой подозрительностью спросил владелец мятого костюма, тревожно себя оглядывая. Ах, вот он о чем!.. Да, действительно... Мятая тенниска — это нормально: замотался человек по делам, забегался. А вот мятый костюм — нет. Мятый костюм — это весь имидж насмарку. Подумают, под забором ночевал, у кабака...

— Нельзя тебе так идти, — проникновенно сказал владелец тенниски, глядя ему прямо в глаза.

— Поглажу, — буркнул Вавочка.

— А время? — напомнил тот.

Ну надо же! Вавочка насупился, подошел к зеркалу и недружелюбно себя оглядел. Как будто три дня жевали, на четвертый выплюнули... Опустил голову и уставился в раздумье на алтарную тумбочку, где располагались свеча, книжица, три пустые, клейкие изнутри, рюмки, ключ от входной двери...

— Ладно, — решил он вдруг. — Топай, пока я не передумал.

Обрадованный владелец тенниски сбросил шлепанцы и побежал в коридор обуваться.

— Все будет в ажуре, — сдавленно пообещал он оттуда, вправляя пятку в туфлю. — Ты на меня надейся.

— С телевидением давай завтра, — не терпящим возражений голосом продолжал Вавочка. — Сегодня не надо. Ты сегодня, главное, «Городские ведомости» раскрути. Будут предлагать десять процентов — не соглашайся. Шеф о пятнадцати договаривался. А в фонде скажи: простудился, ангина, мол, врача вызывал...

Ему теперь даже нравилось, что тот вроде бы не сам идет, а вроде бы Вавочка его посылает.

— Денег возьми. Пожрать купишь. И сигарет.

Из коридорчика рысью вернулся двойник.

— Все будет в ажуре, — приподнято повторил он. — Только так!

И протянул руку к тумбочке — за ключом.

Ключа на тумбочке не было.

Тогда он посмотрел на Вавочку, наблюдавшего за ним с непроницаемым лицом, и все понял.

— Так будет лучше, — сдержанно сообщил тот. — Позвонишь — открою.

Спорить двойник не стал — слишком был доволен, что настоял на своем. Кроме того, разговор мог вернуться в исходную точку и там увязнуть.

Владелец же костюма вошел во вкус: пока провожал до двери, дал еще с пяток наставлений, растолковывая все как малому ребенку, короче, настроение подпортил капитально. Тот аж плюнул, прежде чем сбежать по лестнице.

* * *

На промежуточной площадке его ожидал неприятный сюрприз в виде невысокой двухобхватной женщины с прутиком в руке, на котором болтался тетрадный листок. Это была Раечка из домоуправления, и она шла проверять вентиляцию.

Увидев Вавочку, остановилась, и ее чуть запрокинутое лицо (Вавочка стоял площадкой выше) засветилось неподдельной радостью.

— Ну вот, — сказала она совершенно счастливым голосом. — И ведь Бог знает чего наговорят! И крик, говорят, какой-то был, и человек пропал... А он — вот он... Так что за крик-то?

Раечка из домоуправления неистребимо любила людей и не могла пройти спокойно, чтобы не помочь им разобраться в их запутанных отношениях. Несмотря на подкрадывающееся пятидесятилетие и девяносто с лишним килограммов живого веса, она добиралась со своим прутиком до самых верхних этажей, под предлогом проверки вентиляции проникала в квартиры, лезла в душу без мыла и разводила руками чужие беды, за что впоследствии много страдала.

— Не знаю, — тоскливо ответил Вавочка и попытался найти просвет, чтобы проскользнуть мимо нее на улицу. Но просвета, можно сказать, не было — Раечка перла вверх по лестнице, как бегемот.

— А где сейчас работаешь? — поинтересовалась она, одолевая последние ступеньки.

— «Росхристинвест», — обреченно отозвался Вавочка. — Начальник отдела.

— О-о, — удивилась она. — Ты смотри! Молодец! А Маша давно уехала?

Вавочка ответил, что позавчера.

— Уф, — сказала Раечка, ступая на площадку. — Дай отдышаться. Так вот ходишь весь день по лестницам да по лестницам... Ну, пошли вентиляцию проверим.

Пока одолевали пролет до вавочкиной двери, она успела расспросить о порядках в фонде, о номинальной цене акции, о том, как это Машу угораздило заняться всякой медитацией, и не собирается ли Вавочка жениться.

Вавочка же соображал панически, что с ней теперь делать. Хотя дверь так и так нечем открыть...

Он порылся в кармане, в другом, изобразил на лице тревогу, поднял на Раечку трагические глаза и сообщил:

— Кажется, ключ дома оставил.

Раечка охнула, а он как бы с досады ткнул в дверь кулаком.

— Во дела! — сказал он. — Как же я теперь в квартиру попаду? Я ж без ключа теперь в нее никак не попаду.

Тут он спохватился, не слишком ли радостно он все это ей сообщает, с ненавистью сказал: «У, зараза!» — и снова наказал дверь ударом.

Дверь приоткрылась, и на площадку высунулся двойник.

— Чего орешь? — вполголоса накинулся он на Вавочку. — Договорились же, без ключа идешь!

Секунду спустя он заметил Раечку и остолбенел. Раечка же приоткрыла рот и стремительно стала бледнеть, причем не постепенно, как обычно бледнеют, а так сказать, поэтапно, в три приема: бледная — еще бледнее — совсем белая.

«Сейчас завизжит», — мелькнуло у Вавочек.

Но из перехваченного ужасом горла Раечки вырвался лишь слабенький звук, передать который на бумаге решительно невозможно. Она взглянула на одного, на другого, присела и вдруг с проворством, какого в ней и заподозрить было нельзя, обвалом загремела по лестнице. На промежуточной площадке ухватилась обеими руками за перила; ее развернуло лицом к Вавочкам, и они еще секунду видели вытаращенные раечкины глаза и беззвучно орущий рот.

Потом сообразили, что стоят на лестничной клетке, что в воздухе замирает дрожь от грохота двери подъезда, а над ступенями порхает тетрадный листок.

— Ты что?! — заорал Вавочка на двойника, когда они влетели в коридорчик и защелкнули замок. — Соображаешь, что делаешь? Ты зачем открыл?

— А какого черта стучать было?

Прислушались к тишине за дверью. Потом один из них начал хихикать.

— Ты чего? — не понял другой.

— Так ей же, слышь, — запинаясь на смешках, выговорил тот. — Ей же не поверит никто. Скажут, чокнутая. В дурдом отправят.

Теперь смеялись оба, первый и последний раз чувствуя себя союзниками.

— Смотри не нарвись, — посоветовал, выпроваживая двойника, тот, что в костюме. — А то совсем с ума стряхнется.

Как далеко убежала Раечка — сказать трудно. Во всяком случае, во дворе ее видно не было.

* * *

Только пройдя полквартала, Вавочка остановился и, честное слово, чуть не заплакал. Господи, улица...

И тут — словно заморозка кончилась. Вавочка вспомнил начальственный тон двойника, ожгло стыдом. Крысенок! Он что же, думает, с пластилиновым дело имеет? Вавочка ему кто? Шестерка? В «Городские ведомости», говоришь... А вот не пойдет Вавочка в «Городские ведомости». Из принципа не пойдет.

Телевидение... Какое, к черту, телевидение? Какая, блин, рекламная кампания? Да провались она пропадом со всеми процентами! Надо что-то делать. Сестра приедет через несколько дней. Надо что-то дела

Короче так: никаких сегодня редакций. Сейча завернет в «Посошок», сядет там за столик, вы пива и все хорошенько обдумает. Надо чт делать.

* * *

Ну вот и уводящие вниз ступени. Омытый н ным полумраком, Вавочка входит, оглядывает п подвальчик, кивает кому-то полузнакомому озадаченно кивает в ответ) и скромно присажива за столик у колонны. Уставший бизнесмен заск выпить пивка между двумя удачными сделкам

— Пару кружек и пачку «мальборо», — расслабл говорит он возникшему из цветных сумерек официа

Сейчас он отмякнет, почувствует себя уверен поразмыслит... И Вавочка, как в теплую мыль пену, погружается в ласковое бормотание глушенной музыки, сквозь которую простуг обрывки разговоров.

На стол с приятным гулким звуком опускаı две полные кружки. Вавочка отпускает офици благосклонным кивком, отхлебывает, задум вскрывает пачку сигарет. А руки, между про дрожат. Надо что-то делать. Надо что-то дела Запугать бы его, гада, чтобы сбежал к лешему

Кем? Кем запугать? Не собой же!..

Крутые ребята сидят за соседними столик Появись у кого двойник — дня бы не про Сунули бы в контейнер — да в реку...

— У вас тут свободно?

Кажется, это ему.

— Конечно, конечно, — отзывается Вавочк

Приглушенно громыхают отодвигаемые тяж табуреты, и за вавочкин стол садятся двое.

...Может, просто на пушку его взять? Ска так, мол, и так, абзац тебе, вьетнамцев нанял.

— А что же вы сегодня без охраны?

Вавочка вскидывает глаза и видит, что за ст ком сидят давешние шестерки, пару дней назад было не согнавшие его с табурета. На сек Вавочку охватывает неприятное предчувствие шестерки на этот раз миролюбивы и смотрят тельно. Видно, тогдашняя вавочкина беседа с са Порохом сильно их впечатлила.

— Охрана сегодня отдыхает, — мигом сорие ровавшись, изрекает Вавочка.

Шестерки кивают. Лица понимающие, серье

— Спецназ? — с почтением осведомляется с видимо, имея в виду Леню Антомина, « прокативш выходит, под Вавочкиного телохранителя.

— Афган, — говорит Вавочка.

— Ну и что ж он? — как-то ревниво, чуть л обиженно спрашивает второй. — Дерется, что лучше других?

И Вавочка внезапно ощущает долгожданный пр уверенности. Двойник? Разберется он`с двойни Не может не разобраться. Зря, что ли, так веж. с ним эти два качка с оббитыми ушами!

— Главное, меньше, — весьма удачно отпеч вает Вавочка.

— А-а... — уважительно тянет спросивший. — конечно, опыт...

Гулко опускаются на стол полные кружки. Бор музыка. Вьется разноцветный дымок.

— Вы ведь из «Росхристинвеста»? — почтите спрашивают Вавочку.

«Раз, и...»

— Начальник отдела маркетинга.

Шестерки вопросительно переглядываются. кетинг? Слово-то они, конечно, слышали, и не

— Мы вот чего, — говорит один. — Может там в охрану люди требуются?

Вавочка несколько ошарашен. Но и польще

— Поговорить, конечно, можно, — уклон обнадеживает он. — Но вы учтите: начал охраны сам с «новостройки», так что он бо своих ребят подбирает.

Шестерки обиженно, по-собачьи морщат лб

— «Новостройка»... Вольтанулись уже с этой «новостройкой»! — жалобно говорит один. — Как будто в других районах не люди живут! Ну что я, придушить, что ли, никого не смогу, если потребуется?

В доказательство говорящий растопыривает обе пятерни. Вавочка завороженно смотрит на короткие мощные пальцы с корявыми суставами, и глаза его вдруг стекленеют. А ведь придушит!.. Запросто придушит. И Вавочка даже знает, кого... А что? Взять и сказать: хотите в охрану? Так вот вам, ребята, испытание. Пойдете по такому-то адресу — и...

— Охрана... — медленно говорит Вавочка и при звуках собственного голоса волосы его встают дыбом. — Бывает, что и охрана никакая не поможет...

Шестеркам становится слегка не по себе. У Вавочки мертвое лицо, и они чувствуют, что фраза насчет охраны не случайна. Кто знает, может, завтра под окнами этого самого «Росхристинвеста» начнут рваться легковушки с динамитом...

— Есть проблемы? — понизив голос, спрашивает один. Повеяло идиотизмом американского видика. Голова персонажа катится по склону, а напарник, видя такое дело, интересуется с тревогой: «Есть проблемы?»

Вавочка залпом приканчивает кружку, смотрит на собеседников и понимает, что больше с надрывом говорить не следует. Крутые так себя не ведут.

— Предшественник мой, Сан Саныч, — ворчливо поясняет он. — Три дня как увезли. Жив ли, нет ли... Вот вам и охрана.

— А... а Порох?

Вавочка безнадежно усмехается.

— А что Порох? У Пороха своих забот хватает.

Где вы видите здесь маркетолога Вавочку? Нет его здесь. Нету. За столиком сидит один из авторитетов, на которых ссылаются, которыми пугают. Вот он не торопясь закуривает, прищуривается, глядя на собеседников. Его слушают. Ему внимают.

Есть, говорят, у глухарей одно нехорошее свойство: начинают токовать и ничего уже вокруг не слышат и не видят.

А было на что поглядеть.

В дверях полуподвальчика, возле той колонны, что у входа, никем еще, к счастью, не замеченный, стоял другой Вавочка (в мятом костюме) и с ужасом, не веря, смотрел на свою подлую копию.

* * *

Убедившись (через окно в кухне), что самозванец ушел в сторону арки, Вавочка вернулся к картам и просмотрел сочетания. Оказалось, что в ближайшее время противник его был бы, скорее всего, разнесен в пух и прах. Расстроился и начал ходить по комнате.

Тревога холодными быстрыми пальчиками пробежала вдоль позвоночника. Нельзя было выпускать двойника из квартиры! Бог его знает, чем он там сейчас занимается...

Рванулся к двери. Остановился. Выйти на улицу означало подставиться, но и дома он тоже оставаться не мог. Ему уже вовсю мерещились тихие внимательные вьетнамцы. Тревога гоняла его по квартире, как гоняют шваброй мышонка, и Вавочка не выдержал. Вышел на площадку. Нежно надавив на дверь, защелкнул язычок замка, испуганно проверил, в кармане ли ключ, и беззвучно сбежал по ступеням. Побыстрее миновал двор, нырнул в арку, ведущую на бывшую улицу Желябова, и пошел, пошел сквозь паутинчатую тень редких акаций, повторяя все петли и скидки двойника.

Остальное известно.

Он стоял, омытый цветным сумраком, возле четырехгранной колонны у входа и с ужасом смотрел на столик, за которым царил он сам.

Это вместо того чтобы раскрутить «Ведомости»! Вместо того чтобы составить договор!..

Да и не в этом даже дело! Двойник не знал, что за ним наблюдают, и Вавочка, можно сказать, впервые видел себя со стороны. Это он, он сам сидел там за столиком и неумело морочил голову двум бесхозным шестеркам.

Небольшая компания, входя, бесцеремонно отодвинула его в сторонку. Он выждал и снова выглянул из-за колонны.

Это — лучшие минуты в его жизни? Его вершина? Нет! Да нет же! Нет! Нет! Он крупнее, он способен, знаете, на что? Вот, например...

Примера не было. Не было уже и полуподвальчика, и проклятого столика — он шел по улице, страшно перекривив лицо. Он не заметил кивка попавшегося навстречу самого Пороха, он ничего уже не замечал.

Придя домой, первым делом вымыл посуду.

* * *

Войдя в «Посошок», Порох, как всегда, приостановился, давая глазам привыкнуть к сумраку. Не то чтобы он чего-либо боялся — так, привычка.

Далее левая бровь его начала изумленно вздыматься, и Порох медленно направился к одному любопытному столику.

Шестерки обомлели, и Вавочка понял, что сзади кто-то стоит и смотрит. Обернулся.

— И давно ты здесь? — забыв поздороваться, спросил Порох.

— Да как... — Вавочка растерялся. — Часа два уже.

— Часа два? — с недоумением повторил Порох.

— А что? — Вавочка оглянулся на собеседников, как бы предлагая подтвердить: ну, сидит человек в «Посошке» два часа подряд — и что тут такого невероятного?

Шестерки истово закивали. И Порох понял, что стоять он здесь может еще долго, но умнее от этого не станет. Пожал плечами, повернулся и ушел в сумрак.

— Чего это он? — озадаченно спросили Вавочку.

Неспроста, ох, неспроста подходил сейчас Порох к их столику. Неужели все-таки двойник имел наглость выйти на улицу? Домой, немедленно домой... Как Вавочка вообще мог оставить его одного в квартире!

Он вскочил, направился к официанту, на ходу доставая бумажник. И даже не успел сказать шестеркам, что на днях ему, возможно, потребуются их услуги...

Едва не переходя на бег, добрался Вавочка до бывшей улицы Желябова и, задохнувшись, остановился у ведущего во двор туннельчика. Все. Отсрочка кончилась. Квартира придвинулась вплотную.

Отвращение, страх и злоба, подпирая горло, поднимались, как ил со дна, — безвыходная, удушающая муть.

«Зеркало, — вспомнил Вавочка. — Зеркало...» И почувствовал, как отвращение обратилось на него самого. Гаденыш сидел внутри. И в тот же момент Вавочку сотрясло что-то вроде кашля. При условии, что можно кашлять всем телом. Сухая, выворачивающая наизнанку рвота — вот что это было такое.

Взвыв от страха, ослепнув от боли, понимая уже, что происходит, он выталкивал... нет, он уже отталкивал от себя все то, что в редкие минуты самобичевания ему хотелось в себе уничтожить. Брюки, тенниска — все трещало, расползалось по швам, туфли схватили ступни, как клещами, почти кроша сцепления мелких косточек...

ТРИ

Через минуту все было кончено. Два голых, в обрывках одежды, человека, причиняя друг другу нестерпимую боль, остервенело рвали увязшую в лопнувшей туфле ногу. Вырвали. Отлетели каждый к своей стене туннельчика. Всхлипывая, снова кинулись навстречу и начали то звонко, то глухо осыпать

друг друга слабыми от избытка чувств ударами.

Потом был женский визг. Опомнились. Схватили по обрывку одежды. Прикрываясь, метнулись к подъезду, а визг, приводя в отчаяние, колол, буравил перепонки — хоть падай и катайся, зажав уши, по асфальту. Добежали. Увязли в проеме. Рванулись. Грохнула дверь подъезда. Проаплодировали босыми подошвами по гладким холодным ступеням.

«Блюм...» — и даже не сообразили, что нужно перестать давить на кнопку, отнять палец, чтобы звонок сыграл «блям».

Дверь открылась. Их встретило знакомое востроносое лицо, маячившее над черным отутюженным костюмом — строгое, решительное и какое-то даже отрешенное. Однако уже в следующий миг оно утратило аскетическое выражение: щеки посерели и как бы чуть оползли.

— Сво-ло-чи! — изумленно выговорил открывший — и заплакал.

Втолкнули, вбили в глубь коридорчика, захлопнули входную. Привалились на секунду к двери голыми лопатками — и вдруг, не сговариваясь, кинулись за двойником.

Они настигли его уже в комнате и, свалив, начали было избиение, но тут один случайно задел другого, после чего голые Вавочки вновь передрались между собой, а тот, что в костюме, тихо отполз к кровати и, повторяя плачуще: «Сволочи! Сволочи!..» — сумасшедшими глазами смотрел на происходящее безобразие.

И вдруг, замерев, словно изображая живую картину, все трое прислушались. В подъезде хлопали и открывались двери.

— Кто кричал? Где?

— Кого задавили? Раечку?

— Какую Раечку?

— Какой ужас! Прямо во дворе?

— Раечка, дорогая, ну что ты! Что случилось?

— Блюм-блям!

В дверь звонили, стучали с угрозами и, кажется, плачем. Голые Вавочки, как суслики в норе, исчезли под кроватью, а одетый вскочил, тремя пинками забил туда же обрывки одежды, брошенные голыми во время драки, и бросился в переднюю.

Открыл. Людским напором его отбросило от двери, и в коридорчик вломились рыдающая Раечка, старый казак Гербовников, соседи и среди них теть-Тая, возмущенно повторяющая, раздувая чудовищную грудную клетку: «Какие подлецы! Какие под-лецы!»

— Кто? — живо повернулся к ней сухонький стремительный казак.

Теть-Тая оторопела и задумалась.

Тогда он так же стремительно повернулся к Вавочке.

— Глумишься? — зловеще спросил он. — Думаешь, раз демократия, так все тебе можно? А?! Еще кто-нибудь видел? — бросил он через плечо. — Ну-дист! Я те покажу нудиста!

Гербовников был в майке, штанах с лампасами, но из смятого в гармошку голенища исправно торчала рукоять нагайки.

— Да в чем дело-то? — осведомился басом теть-Таин муж.

— Объясни, Раечка!

Раечка рыдала.

— Они... Они... Вот он... Вдвоем...

Жильцы, заранее обмирая, ждали продолжения. Вавочка испуганно крутил головой.

— Голым по двору бегал, — сухо сообщил старый казак Гербовников.

— Кошмар! — ахнули у него за спиной.

— А! Говорила я вам? Говорила? Ходят! Ходят голые по городу! Общество у них такое, зарегистрированное!

— Зарегистрированное? — взвился старый казак, и нагайка волшебным образом перепрыгнула из сапога в руку. — Доберемся и до тех, кто регистрировал! Ты думаешь, казачий круг будет стоять и смотреть, как ты нагишом выплясываешь? Кто с тобой второй был? Раечка, кто с ним был второй?

— Он... Он... — Раечка, всхлипывая, тыкала Вавочку пальцем. — Он...

— С ним ясно! Второй кто?

— Да я из дому весь день не выходил! — вдруг отчаянно закричал Вавочка. — Я дома сидел весь день! Вот тут! Чего вам надо? Я во двор не выходил даже!

Вышла заминка. Теперь жильцы не знали, на кого негодовать.

— А когда он бегал-то? — пробасил теть-Таин муж.

— Да только что!

— А кто видел?

— Раечка видела!

— Голый? — с сомнением повторил теть-Таин муж. — Только что?

— Голый? — яростно подхватил Вавочка. — Это голый? Это голый? Это?..

Говоря, он совал в лица рукава пиджака, поддергивал брюки, чтобы предъявить носки; хватался за галстук, выпячивая шпагу; тыкал пальцами в запонки.

Все смешались окончательно. Гербовников моргал.

— Вот дура-то, прости Господи, — негромко подвел итог теть-Таин муж и вышел.

— Раечка, — позвал Гербовников. — А ты не обознлась?

— Нiэт! — успокоившаяся было Раечка снова заревела.

— Ну, может быть, один был одетый, а другой голый? — с надеждой спросил старый казак.

— Да он же! Он же и был второй!.. Он и был... сказала сквозь всхлипы Раечка.

— Ладно. Допустим. А первый тогда кто? — Старого казака, видимо, начала уже раздражать раечкина тупость.

Вместо ответа последовало хлюпанье, из которого выплыло:

— ...и утром тогда...

— Что утром? — ухватился Гербовников, пытаясь вытрясти из пострадавшей хоть что-нибудь внятное.

— Он... постучал... А он ему открыл...

— Ничего не понимаю. Кто открыл?

— О-он...

— А постучал кто?

— То-оже он... — Раечку вновь сотрясли рыдания.

Теть-Тая с восторженным лицом подбиралась к центру событий.

— Раечка! — позвала она сладенько и фальшиво. — Раечка! Сейчас мы все уладим. Все будет в порядке, Раечка. Пойдем со мной, пойдем, золотая моя, пойдем. Кого надо накажут, а ты, главное, не волнуйся...

Приговаривая таким образом, она бережно взяла нетвердо стоящую на ногах Раечку и вывела на площадку. В дверях обернулась и сделала страшные глаза.

И тут Вавочка раскричался. Он кричал о том, что это издевательство, что он подаст в суд на Гербовникова, который ворвался в частную квартиру, да еще и вооруженный (вот она, нагайка-то! Вот! Все видели!), что если верить каждому психу — то вообще повеситься и не жить!..

Вернувшийся на крики теть-Таин муж мрачно пробасил, что он бы на вавочкином месте этого так не оставил, что он еще пять лет назад заметил, что Раечка не в себе, просто случая не было поделиться.

Остальные убежали суетиться вокруг Раечки.

Тогда старый казак Гербовников сунул нагайку за голенище и в свою очередь закричал, что на него нельзя в суд, что казачий круг этого не допустит, во всяком деле бывают промашки, и вообще, кто знал, что Раечка вдруг возьмет и рехнется!

Потом крякнул, примирительно потрепал Вавочку

ку по плечу, сказал зачем-то: «Спаси Христос», — и ушел вслед за теть-Таиным мужем.

* * *

Вавочка захлопнул за ними дверь, доплелся до кровати, сел. Глупость он сегодня утром совершил невероятную, вот что! Надо было не раздумывая хватать паспорт и рвать из этой квартиры, из этого города... Из этой страны, прах ее побери! Но кто ж тогда знал, что все так обернется, что ничего еще не кончилось...

Рядом с его ногой из-под кровати чутко, осторожно, как щупик улитки, высунулась голова, с другой стороны — другая. Пытливо взглянули, вывернув шеи, на сидящего. Вылезли, сели рядом, уставив пустые глаза в сторону вечереющего окна.

А может, и сейчас не поздно, а? Так, мол, и так, хорошие мои, взял я паспорт, а вы давайте...

Диковато переглянулись и поняли, что нечего и надеяться.

Голым стало холодно, они встали, направились к шкафу, открыли и принялись сперва вяло, а потом шумно делить оставшееся барахло. Не поделив, обернулись к третьему.

...После некоторого сопротивления раздеваемого троица прияла следующий вид:

первый — брюки от выходного костюма, носки, белая рубашка с запонками;

второй — выходные туфли, линялые короткие джинсы из нижнего ящика и защитного цвета рубашка от парадного мундира, что висел в гардеробе при всех неправедно добытых перед дембелем регалиях;

третий — сандалии на босу ногу, армейские брюки, майка и поверх нее пиджак от выходного костюма, из кармана которого торчал скомканный галстук.

И все трое молчали. Молчали с того самого момента, когда захлопнулась дверь за старым казаком Гербовниковым.

Нехорошее это было молчание. Стало, к примеру, заметно, что комната перестала быть гулкой: гасила, укорачивала звуки, будь то всхлип, кашель или писк деревянной кровати, когда кто-либо из них вскакивал, словно собираясь бежать, и, уразумев, что бежать, собственно, некуда, брел, скажем, к креслу — присесть на подлокотник.

Вечерело быстро. Откуда-то взявшиеся тучи, словно комком пакли, заткнули прямоугольный колодец двора; три его видимые стены стремительно становились клетчатыми от вспыхивающих желтых окон.

Тот, что сидел на кровати, встал, но так и не решился, куда переместиться. Тогда он повернул к тем двум бледное, в слезах лицо и срывающимся голосом бросил:

— К черту! Я ложусь спать! — И перешел на крик, будто кто-то мог ему запретить это: — Слышите? К черту! Все к черту! Я ложусь спать, пропади оно все пропадом!

Он упал на кровать и уткнулся лицом в подушку. Это был тот, что оставался днем в квартире.

Стоящий поближе подошел и поставил колено на край кровати.

— А ну двинься, — произнес он сквозь зубы. — Двинься, говорю! Разорался тут!..

Лицо его задрожало, рот растянулся.

— Двинься! — закричал он плача. — Сволочи! Все сволочи! Все до единого!

А третий вдруг язвительно сложил губы — ему выпал миниатюрный выигрыш: лучше спать одному на диване, чем вдвоем на кровати. Ему до того понравилось, как четко у него оформилась в голове эта мысль, что он даже засмеялся.

Лежащие (оба ничком) подняли головы.

— В морду дам... — сквозь всхлипы пригрозил кто-то из них.

Третий мечтательно возвышался над темнеющим в полумраке диваном и думал о том, что хорошо бы повторить этот случай с кроватью, только в более крупном масштабе: пусть они погрызутся из-за комиссионных, из-за первенства, из-за чего угодно, а ему взять бы паспорт и уехать, уйти бы даже хоть пешком, без денег, куда угодно, но уйти.

Он прерывисто вздохнул, принес из стенного шкафчика постель, разложил, расправил и, раздевшись, полез под одеяло. Диван провалился под ним.

Не спалось. Усталость была страшная, но не спалось. На кровати возились, хлюпали носами, сипло чертыхались — видимо, делили одеяло.

И тут Вавочку обдало со спины такой волной озноба, что он сел, как подброшенный. Диван под ним запел, заскулил, перекликаясь всеми пружинами. Вавочке показалось, что кожа на лице исчезла, что малейшее дуновение, случись оно, обожжет его либо огнем, либо стужей.

Те, на кровати, были вдвоем, и они могли договориться. О чем? Да о чем угодно! Правда, он не слышал ни слова, тишина была ровной, но они *могли*! Они могли, вот в чем дело!

«Да нет, — попытался успокоить он сам себя. — Ничего они не сделают. И что они вообще могут сделать?»

И со спины пришла вторая волна озноба.

«УБИТЬ», — возникло простое и короткое, как бы крупным шрифтом оттиснутое в мозгу слово.

Вавочка сбросил ноги на пол и принялся одеваться. Выигрыш с кроватью обернулся крупной ошибкой, непростительной глупостью. Чему он радовался, дурак? Надо было самому туда третьим, а не на диван...

Вавочку трясло. На кровати заворочались, заворчали. Он вслушался.

«Нет, — решил он с облегчением. — Не успели еще... Ничего они не успели».

А если они не успели, то... Вавочка замер. Самому... Никого не нанимая...

Да, видимо, из всех троих решение пришло первым к нему.

«Убрать, устранить физически, — с замиранием повторил он про себя читанные в каком-то детективе слова. — Устранить физически».

Слово «убить» он не мог теперь выговорить даже мысленно. Память его бессознательно перебирала все имеющиеся в доме колющие и режущие предметы. Потом он представил кровь на одеяле, и ему чуть не сделалось дурно... Утюг. Он им гладил сегодня костюм. Если обмотать полотенцем...

Вавочка не мог больше оставаться наедине с такими мыслями. Нужна была какая-нибудь зацепка, неувязка, чтобы все эти планы оказались невыполнимыми. Он искал ее, искал довод против того, что творилось в его голове и толкало на страшное.

Второй проснется! Да-да! Второй проснется обязательно. Первого он ударит, а второй проснется, второго он не успеет...

«Ну и что? — возражал ему кто-то пугающе-жестокий в нем самом. — Проснется, а я объясню, что вдвоем лучше, чем втроем».

— А труп? — быстро спросил Вавочка — и выдохнул с облегчением. Вот она, неувязка! Ничего нельзя, ясно?..

Вновь волна озноба. Ну да, а если в реку? Если привязать что-нибудь, чтоб не выплыл?..

«Нет, — возразил он поспешно. — Ночь-то ночь, а менты все равно на набережной дежурят. И на проспекте тоже...»

Возражение было неубедительным.

Кровать между тем давно уже попискивала, потом кто-то встал, шагнул нетвердо. Полыхнул малиновый торшер. В глазах ухватившегося за кисточку был ужас. Как и в глазах сидящего на кровати.

— Вы почему не спите? — дрогнувшим голосом спросил тот, кто включил свет. И еще раз — уже истерически: — Вы почему не спите?!

* * *

Торшер выключить побоялись. Тот, кто вскочил с кровати, устроился в кресле, подобрав под себя

ноги. Остальные двое посидели немного и прилегли. Истерический крик: «Вы почему не спите?!» — неожиданным образом многое прояснил.

Можно было уже не надеяться ни на вьетнамцев, ни на шестерок из «Посошка» — вообще ни на кого не надеяться, кроме себя; а сестра должна приехать через несколько дней, которые с каждой минутой убывают; а их теперь двое, а он против них один.

Все это возникло единым клубком мыслей, причем совершенно неподвижным: мысли не изменялись, просто с каждой минутой становились все яснее и беспощаднее.

Трое задремывали и просыпались. Стоило кому-нибудь вздрогнуть и открыть глаза, как то же самое происходило и с остальными двумя, так что проснувшийся первым не то что предпринять — решиться ни на что не успевал.

Но мысли только притворялись, что застыли; в них как бы смещалось ударение: теперь главным было не то, что сестра приедет, а то, что нельзя больше выносить даже не присутствие — существование этих двух.

Как только это было осознано, мысли сорвались, полетели, тесня, выталкивая одна другую.

Даже если уехать — с паспортом, без паспорта ли — разве забудешь, что они есть, что они живут, копируя, издеваясь каждым прожитым ими мгновением! Уехать, да? А эти три дня — их как, простить?!

Страх нарастал, но вместе с ним росла нестерпимая потребность уничтожить, развязать, разрубить, одним рывком вернуться к прежней жизни. Неустойчивое равновесие могло нарушиться ежесекундно. Достаточно было незначительного толчка, мельчайшего события, чтобы три человека в замкнутом пространстве комнаты, сойдя с ума, бросились с нечленораздельным воем друг на друга. Или же, напротив, метнулись каждый в свой угол, втираясь от ужаса в стену.

Небо в незадернутом окне стало сероватым, по окнам слезило.

Лежащий на кровати медленно поднялся. Сунул ноги в шлепанцы. Сделал пару неуверенных шагов в сторону передней. Остановился. Потом сорвался с места и решительной ускоряющейся походкой вышел в коридорчик. Дверь хлопнула с щелчком, со звоном.

Звон еще стоял в воздухе, а второй уже прильнул к стеклу, высматривая. Убедившись, что двойник вышел во двор и не караулит у подъезда, бросился за ним.

Теперь уже к стеклу прилип третий — тот, который раньше сидел в кресле. Куда девался первый, он не видел, а второй (это точно был второй; на первом — белая рубашка)... Так вот, второй пробежал к туннельчику на улице Желябова.

В третий раз сработал замок входной двери. Квартира опустела.

* * *

Асфальт во дворе был мокрый, но без луж; видимо, моросило всю ночь — слегка и без перерывов. Вавочка даже оторопел, выскочив на плоское бетонное крыльцо подъезда, настолько непохожа была эта знобящая морось на прозрачную теплынь предыдущих дней. Спешно вздернул воротник, застегнул пиджак на все пуговицы, сжал в горсть лацканы. Бабье лето кончилось. Дожди ударили на четыре дня раньше срока.

Может, за плащом сбегать? Но дверь он прихлопнул, а ключ — в кармане выходных брюк, а брюки не на нем, брюки на том, который выскочил первым. Ничего! Мы этот ключик еще возвратим, он еще к нам вернется.

Взбодрив себя такой мыслью, Вавочка втянул голову в воротник по самые уши и побежал, шлепая по мокрому асфальту. Ко второму выходу со двора побежал, потому что возле туннельчика на улице Желябова его могли ожидать.

— Ждите-ждите, — бормотал он, хлюпая скользкими, норовящими вывернуться из-под ступни сандалиями. — Как же! Дождетесь вы там!

На улице было чуть посветлее, но все равно тускло до непроглядности. Рассвет не спешил.

Вавочка обежал квартал и остановился, дрожа и задыхаясь. Улица Желябова была безлюдно-серой. Трусцой приблизился к арке и осторожно заглянул вовнутрь. Там было пусто и почти что сухо. Может вернулись? Прошел по туннельчику, выглянул в двор и на всякий случай отпрянул. Никого. Серы лапы деревьев, метнувшаяся из-под грибка кошка – и никого. Окна четыре светят прозрачно-желтым прямоугольниками. Зажглось еще одно.

Неужели вернулись? Выждали, когда он скроется, вернулись, а теперь дежурят в подъезде. Они ж знают, что долго в такой сырости не проторчиш

В панике Вавочка снова выскочил на улиц Смутное пятнышко белой рубашки метнулось вда леке за угол. Так! Значит, не сообразили. Добежа до угла. Но рубашка исчезла, испарилась — . углом был пустой мокрый переулок. Под ногами - серо-желтая кашица от осыпавшихся акаций.

Вавочка почувствовал отчаяние. Если противни попросту испугался, сбежал, решил раствориться городе — это абзац! Это двойной полуабзац! Это - жить и бояться, жить и не знать ни минуты поко жить и ждать, что вот-вот где-нибудь объявятся... ключ?

Тут его озарило, что все это еще можно проверит и Вавочка спрятался за угол. И точно: через мину вдали замаячила белая рубашка, исчезла, появила снова, переместилась на середину улицы. Вавоч почувствовал спиной чей-то взгляд и мигом обернул Александровская (бывшая Желябова) была пуст Казалась пустой. Теперь он точно знал: здесь он Никуда не денутся. Уже не скрываясь, вышел центр перекрестка и двинулся, сгорбившись и сту зубами, к повороту, где улица впадала в проспе

Трое кружили мокрыми дворами и переулкам стараясь не попасться друг другу на глаза и потерять из виду; высматривали, прятались, мая ли посреди дороги, чтобы выманить. Маневрирова становилось все труднее — появились ранние прохож из-за угла вывернулся, мигая пронзительно-син фонарем, яичный «жигуленок» с голубой полос Вавочка тревожно проводил его взглядом. «Жигу нок» равнодушно прокатил по улице и канул угол. Зато встречная лоснящаяся иномарка п тормозила и, вильнув, прижала белую рубашку стене.

Из откинувшейся дверцы возник стройный св логлазый Порох.

— Давно раздели? — спросил он быстро и как по-страшному невыразительно. Пока выговарив глаза его проверили улицу в обе стороны.

— Н-не... — У Вавочки зуб на зуб не попадал. Я ключ обронил.

На секунду, всего на секунду, Порох пристал взглянул Вавочке в лицо.

— Да не раздевали меня! Я дверь з-захлопнул в ужасе вскричал Вавочка. — А ключ у сестры.. з-за ключом иду...

— Чего там? — спросили из машины.

— Да знакомый один, — сказал Порох.

— Раздели, что ли?

— Да нет. Ключ, говорит, потерял.

Слышно было, как шепчет двигатель иномарк дребезжат Вавочкины зубы.

— Может, подбросить? — спросил Порох.

— Да тут рядом! — прижал руки к груди Вавс — У сестры ключ!..

— Как знаешь, — сказал Порох, и дверца за захлопнулась.

* * *

С маниакальным упорством окатывая водой и того мокрые тротуары, шли проспектом полив ные машины. И трое ранних прохожих, неожида легко и странно одетых, поняли наконец, что, х

они того или не хотят, приближаются к старой набережной, где через реку перекинут деревянный мост в заречную рощу.

Не таясь и не обращая внимания на диковатые оглядки редких встречных, Вавочка шел к мосту, за которым должно было решиться все...

Вот и лестница кончилась. Под ногами зазвучали сырые доски. Скоро их снимут, и будут всю зиму торчать изо льда черные сваи, половину которых снесет весной в ледоход.

Набухшее дерево моста звучит под ногами, а тип в защитного цвета армейской рубашке уже на той стороне. Через несколько минут к лестнице, широкому каменному спуску, выбежит, задыхаясь, третий и успокоится, увидев на том конце моста белое пятно рубашки.

Мокрые доски звучат под ногами. Все остальные возможности остались на том берегу. Впереди пустая роща, сырая, слякотная, с намокшими обрывками старых газет. За мостом пятачок с заколоченными на днях аттракционами, мокрыми качелями, стреноженными цепью и замком.

Куда, однако, делся первый? В дебри он сразу не полезет, это ясно. Значит, рядом где-нибудь, на пятачке. Вавочка, оскальзываясь на словно смазанных изнутри сандалиях, свернул в широкий проход между ярким киоском «Мальборо» и фанерным бруском тира. Навстречу ему шел Вавочка в белой, прилипшей к телу рубашке с запонками; шлепанцы от налипшей грязи, как картофелины. Вздрогнули, остановились.

На свою беду защитного цвета рубашка показалась и тут же метнулась за угол тира. Молча заключив союз, рванулись за ним.

Зверя подняли и погнали. Словно примериваясь, ударил дождь и прекратился, и туфли скользили по отполированной им земле, а впереди заметались кустарники без просвета, и пришлось продираться, и был скользкий склон, а сзади уже набегали, тяжело дыша, и был момент, когда, потеряв преследователей, Вавочка в отчаянии чуть ли не окликал их... А потом он заметил, что не его гонят, а он вместе с тем, в белой рубашке, гонит третьего, что роща кончилась и что бегут они в степь — взгорбленную, серую, мокрую, со смутной полосой леса на горизонте.

Отупев от усталости и отчаяния, они бухали ногами по чмокающей глине, а где-то впереди перемещался, подгадывая место и время, небольшой котлованчик. То ли вырытый экскаватором, то ли вынутый взрывом Бог знает с какой целью — верно, строительство было задумано, да вышла, видать, какая-то промашка, так и свернули, не разворачивая, ограничившись этой вот ямой метров десять диаметром и метра два глубиной с отлогими оползающими краями и россыпью обломков на дне.

Котлованчик так неожиданно подвернулся им под ноги, что сделать ничего уже было нельзя. Первый закричал по-страшному, видя, что земля дальше обрывается, но свернуть не смог — тяжелые, словно чужие, ноги вынесли его на самую кромку, откуда он и загремел с криком. Поднялся, побежал, ушибая ноги о камни, к противоположному краю ямы, попробовал выбежать наверх с разгона, но съехал на дно вместе с оползнем.

Тогда он ухватил каждой рукой по тяжелому обломку, повернулся навстречу преследователям, которые с торжествующе-злобным воплем попрыгали сдуру за ним. Он пригнулся, оскалился, страшен стал.

Те чуть расступились, тоже подобрали по паре камней, надвинулись было на третьего и вдруг шарахнулись друг от друга подальше — каждому показалось, что летит уже в висок тяжелый ребристый камень.

Были когда-то союзники, да кончились. Здесь, в котловане, каждый был за себя и против остальных. Некоторое время они переступали, ища позицию повыгодней, пока не поняли, что можно без конца водить такой хоровод; куда ни перейди — остальные перейдут тоже.

И еще поняли они: вылезти наверх — пара пустяков, но в том-то все и дело, что выберется только один. Стоит кому-то не выдержать и побежать на четвереньках по склону, как в спину ему глухо ударятся два камня, а потом еще два — с хрустом, без промаха, насмерть.

Краем глаза они заметили, как потемнело со стороны города; дождь пристреливался к роще, бродил по степи вокруг котлованчика, в котором стояли, дрожа от сырости, три существа, оскаленные, сутулые. Стояли, время от времени нечленораздельно рыча и перехватывая поудобнее обломки камня. И понимали уже, что это конец, что дальше ничего не будет: никто сюда не придет и никто не побежит, а ударит дождь, и прекратится и снова ударит, а они будут стоять, сжимая мокрые камни, стоять, не спуская друг с друга глаз, стоять, пока не умрут от холода и страха!

Леонид
Тишков

ДАБЛОИДЫ НЕ УМЕЮТ СМЕЯТЬСЯ. ЗАТО УМЕЕМ МЫ

ЭКСПЕРИМЕНТ

Произведение Е. Лукина можно отнести к нередкому в последнее время в отечественной литературе жанру — «повесть без героя». Кажется, само время выталкивает на поверхность вавочек, предлагая им ублюдочно-ироничную роль безликих «хозяев жизни». Время десятками и сотнями плодит все новых вавочек, «лепит их, как пластилин», хотя сами они того не замечают. Близкий символ — «даблоид», двойник присутствует в творчестве художника Л. Тишкова, известного нашим читателям, скорее всего, по иллюстрациям к поэме Л. Кэрролла «Охота на Снарка» (перевод Г. Кружкова). Надо сказать, что художник, врач по образованию, заинтересовался «даблоидностью» сознания раньше писателя и уже довольно давно исследует этот феномен, как сам его понимает...

Карикатуры действительно начались лет в 18, то есть лет двадцать назад. Самое время для «черного юмора». Безотчетно, бессознательно рисовал я тогда человека в самых острых ситуациях: то он теряет какие-то органы и члены, то вешается. Но это не имело отношения к объективному телу, а служило выражением идеи... Говорят, иногда я вроде как патологоанатом. Но, скажем, художник Энгр рисовал красивые женские тела, как бы гладя их кистью. Однако красива не только кожа, человек устроен весь «красиво». Мочевой пузырь или печень могут стать категорией эстетической. XX век, вернее, его искусство, преуспели в поисках прекрасного, отвоевывая для человека все новые эстетические области. Хотя на выставках современных художников, на первый взгляд, многое шокирует, пугает, отвращает. «Это некрасиво. Другое дело — Ренуар или Петров-Водкин». Но вспомним, что тот и другой были страшно гонимы в свое время. Критики писали о «пятнах разложения», видимых на теле ренуаровских женщин. Но за ним пришли художники, которые вообще занимались разложением тела на составляющие (кубизм) или изображающие, скажем, ранее эстетически не приемлемое, вроде выделений тела (сюрреализм). Не будем ничего отвергать в человеке, словно что-то его касающееся может быть выброшено из сознания. Художники только напоминают о красоте всего.

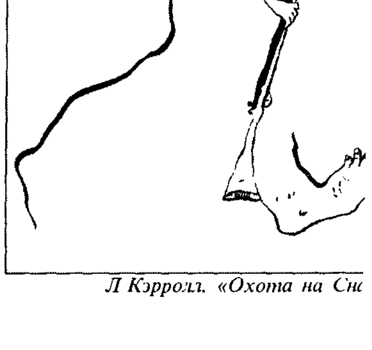
— Вы упомянули свой «анатомический проект». Похоже, что любовь к анатомии заводит порой далеко художника Тишкова (как «поэта далеко заводит речь»). Имею в виду тему физического тела России, которую разрабатываете и словесно, если судить по лекции, прочитанной вами недавно в Северо-западном университете Чикаго.

— В самом деле существует тело России, его как бы делят пополам Уральские горы. Об Урале, где я родился, нужно говорить отдельно. Это удивительное место, заповедник для мифографа, вернее, сон мифографа, в котором возможно все. Камни и горы Урала, пещеры и леса полны тайн и чудес. Но вот тело России... Заметили, что Волга-матушка, а Амур-батюшка? Рождается своеобразная культурология, которая на первый взгляд может показаться бредом. Россия — андрогин, с активным, азиатским, мужским началом. Женское, европейское, начало в ней более пассивно. Что же Урал? Да это своего рода пищеварительный тракт, где легко обнаружим и «пищевод» (Верхнеуралье), и «кишечник» (Урал Северный), и даже печень — две очень симметричные горы у моего родног
городка Нижние Серги. Процесс пи
щеварения в конце концов заверша
ется известно чем — острова Ново
Земли и есть это завершение. Та
хоронят радиоактивные и прочи
вредные отходы. Словом, фекали
Предлагаю, посмотрев на карту, о
ределить, каким важным органом сл
жит Камчатка и на что похожи Курил
ские острова.

Урал — шов, соединяющий Евро
и Азию. И в самом деле, неподале
от моего городка стоит деревянн
столбик, на котором две стрелки: «Е
ропа» и «Азия». Часто я собирал гр
бы рядом, легко переходя из Европ
в Азию и обратно. Между прочим, э
граница двух великих частей свет
двух культур. Само это место сдел
ло меня мифографом. Надо бы
только слушать и смотреть.

**— Однако если все прекрасно в те
человека, то же нельзя сказать о е
душе. В ней намешано столько всег
Впрочем, как врач, знакомый проф
сионально с психоанализом, вы э
хорошо знаете. Как художник — ище
формы выражения и, кажется, прео
ления этого несовершенства. Разве
для того помогли, как папа Карло,
диться на свет своим «чуркам», «с
макам», «водолазам» и «живущи
хоботе»? Но сегодня есть смысл всп
нить одно из ваших первых создан
подобного ряда — весьма ныне зна
нитого (судя по экспонированию на
ставках во многих странах мира) Д
лоида. Вот вижу на вашем рабоч
столе несколько его изображений: с
па с растопыренной пятерней, от ко
рой тянется отросток — туловище,
туловище — да еще с маленькой
ловкой. Что это?**

— Символ человека. Приду
Даблоида 15 лет назад, я не пр
полагал, каким количеством комм
тариев обрастет это создание
самых разных жанрах. Неожида
точным оказался комментарий,
рожденный ошибкой переводчика
выставке моих акварелей в Пар
Даблоид был назван Дьяволом. Э
кий скверный двойник человека. К
дый из нас имеет своего Дабло
как некий знак заблуждений, з

Л Кэррол. «Охота на Сн

неправильной жизни. Иногда он может так разрастись, что человек согнется или станет вовсе невидимым из-за собственного Даблоида.

— Наверное, герой Лукина имеет сразу нескольких своих двойников, поскольку его Даблоид обладает свойством амебы делиться бесконечно? Вавочка, видимо, опасался Даблоида, сидящего до поры до времени тихо и незаметно. Когда он методично резал ластик на мелкие кусочки, казался похожим на человека без свойств.

— Можно строить разные гипотезы о причинах, по которым человек увлечен разрезанием резинки. Жест этот скрывает проблему глубокую. Возможно, здесь некий автоматизм, дающий выход внутренней агрессивности Театр абсурда показывал героев, совершающих непонятные поступки и жесты, которые на самом деле служили для них средством психотерапевтическим. В театре французского писателя и режиссера Арто был персонаж, который бил по деревянной колоде ножом. Так всем открывалась агрессивность героя, а сам он как бы освобождался от нее.

Она, личность, существует, но до поры до времени невидима, прозрачна. И как вообще определяемы свойства человеческой личности?

— Возможно, прежде всего поступками, проявлением, выходом наружу того, что заложено и сформировано в человеке?

— Он может совершать научные открытия или открывать сеть ресторанов Макдоналдса. Но достаточно ли только этого для оценки человека? Не так плохо, если он просто родился, жил, не сошел с ума, никого не убил, ничего не украл и умер в определенный природой срок. Есть немало достаточно ярких личностей, путь которых усыпан...

— Трупами?

— Не только ими. Скажем мягче, разными неприятными поступками. Возможно, быть человеком без свойств, чем яркой личностью, иногда для всей нашей жизни полезнее Даблоид как раз и есть продукт такой личности, личность «накачала» своего двойника-дьявола собственным сознанием. Начиталась разных книг, занялась политикой... Сейчас сознание людей чрезвычайно даблоидно. Многие из них стали придатком собственной политической борьбы, словно созданы для того, чтобы кого-то громить и побеждать. А кто враги-то, ради уничтожения которых все поставлено на карту? Потеряны понятия о том, что существует просто жизнь, есть обычная нравственность, доброта, жалость. Мне хотелось бы видеть всех друзьями, как моей собаке Лакки. Она каждого пришедшего в дом встречает, радостно помахивая хвостом. Словом, побаиваюсь особенно ярких «индивидуальностей».

— Но ведь в своем творчестве вы проявляете индивидуальность.

— Конечно, это и есть спасение. Именно индивидуальность я и стараюсь «закоротить» (как сказал бы электромонтер) на искусстве.

— Однако не является ли оно тоже Даблоидом? Своего рода двойником жизни? Или знаком памяти об утраченной нами гармонии жизни, которая все более приобретает условные формы?

— Но такую жизнь придумали мы, люди. Что касается искусства, оно сейчас значительно продвинулось в наступлении на общество. И продолжает наступать быстрым и широким фронтом. Для модернистского искусства время благоприятно: не надо жить в бедности и умереть безвестным, чтобы художника признали гением. Все чаще признание приходит в цивилизованном обществе достаточно быстро. За теми, кто творит искусство, стоит когорта критиков, журналы, выставочные залы — затеряться трудно.

Все мы, наше бытие — звенья удивительного процесса, давно завязанной цепи под названием Человек и Жизнь. Как врач знаю, что строение человеческого тела не менялось тысячелетиями, и рисунки Леонардо да Винчи могут служить иллюстрациями современного учебника анатомии. Все, что окружает нас, все рожденное цивилизацией, — постройка многочисленных предыдущих поколений. Интересно, что придумает человек после компьютера, прообраз которого существовал еще в Древнем Египте? Филогенез, онтогенез — все стадии возникновения жизни, ее развития заложены в каждом. Как можно бунтовать против самих себя? Наши Даблоиды «заслужены» нами.

Периодически раздаются призывы: снова пасти коров, отказаться от электричества. Зачем же так? Все наши возможности — физические и на уровне сознания — должны сойтись с реалиями современной цивилизации. Можно ли жить без искусства, философии? Открытий физики? Психоанализа? Человеку, чтобы осуществиться в полной мере, требуется весь «корпус» цивилизации, которая на самом деле прекрасна. Как от природы прекрасно тело человека. Надо сдерживаться, чтобы сохранить баланс. Просто разрушить — случится катастрофа. Баланс цивилизации в целом, как и Земли, придется восстанавливать, как это делается в заповедниках. И экология сознания человека должна сочетаться с экологией общей.

— Но средний человек — без свойств или с оными — не всегда отягощен подобным знанием, к тому же нередко обезбожен.

— Не могу судить насчет обезбоженности. Если так, вернуть Бога невозможно, поскольку он не существует. Но если Бог вообще есть, человек уже не обезбожен. Реальный парадокс, его нельзя опровергнуть. Другое дело, что человек может жить без религии, которая является формой проведения божественной идеи в обществе. Но *ритуальная* сторона религии, по сути, одна из разновидностей даблоидизации сознания. Как всякого партийного сознания: пришел в церковь — получил установку. Готовую, которую должен выполнять. За ходом выполнения присматривают, напоминая о «долге» ритуальными знаками, личинами, образами. Сейчас мы свидетели противостояния и прямых войн мусульман и христиан. Думаю, что человек может прийти к пониманию духовности, чистоты существования в мире, взяв лучшее не только из религии, но из всего того, что наработано цивилизацией.

— Вы сказали об экологии сознания, но может ли человек защититься от террора среды (психологического, ра-

«Очень тяжелый чемодан, но в нем вещи живущего в хоботе»

зумеется), общества, активно навязывающих клише, догмы, табу?

— Это трудная работа, но человек должен сам оберегать и перестраивать свое сознание. Многое из происходящего вокруг на самом деле еще имеет отношение к «детству человечества». Чтобы страна Россия «играла», подобно маленькому ребенку, тратятся гигантские деньги. В качестве игрушек — флаги, гербы, армейские отличия, культовые здания, памятники. Неплохо бы человеку понять, что лучше посидеть на скамейке в парке, посмотреть, как прекрасно дерево, чем ехать и глазеть на новый памятник полководцу.

Этими общенациональными Даблоидами засорено сознание каждого. Раз ничего нельзя сделать с такими Даблоидами, надо попробовать изменить свое личное отношение к ним.

— А если случится, что человек проживет целую жизнь, так и не достигнув состояния взрослости? Иногда такая мысль приходит в голову при виде чересчур социально активных пожилых людей, марширующих под флагами левой-правой оппозиции. Только что в одной из передач по ТВ две юные участницы (до 20 лет) признались в прямом эфире, что хотели бы вернуться в 70-е годы. Тогда государство держало всех нас в малых детях «скованными одной целью». Не страшно ли это?

— Мы остались без Даблоида, который породили, к которому привыкли. Отобрали — руки пока пустые, и все хватаются за что-то. Вот это бы, вот это! Все мы сейчас лакомый кусочек для тех, кто готов заполнить вакуум новой идеологией. Идет борьба за власть над человеком, его сознанием — ради нее собирают целые стадионы разные пропоаедники. Нам остается самим почувствовать, где власть как бы хорошая, где плохая. Но на самом деле всякая власть нехороша. Даже власть отца. Раановесие должно наступить внутри нас; если не хотим и не можем этого, не помогут никакие психоаналитики, проповедники, гуру. Это свойство человека, когда он начинает понимать жизнь, обретает самого себя, — быть одному.

— Однако согласитесь, вы ведь тоже претендуете на миссионерскую роль. Вам очень хочется подтолкнуть человека к тому, чтобы он засмеялся над дурацки торчащей статуей. Призвание культуры — наставление, растолкование, воспитание. Другое дело, что', приближаясь к ее дарам, человек выберет: откровения Франциска Асизского, сентенции Монтеня или чьи-то хулиганские стишки. Не пытаетесь ли вы помочь обрести состояние, когда выбор возможен?

— Пожалуй, так. Но не больше. Власть страшна тем, что асегда использует людей в своих целях. Не просто смешон и нелеп памятник полководцу. Труд скольких людей за всей этой суетой: отливка, перевозка, установка. Большой труд и немалые деньги. Выходит, что все памятники, сколько их строилось, из моих, ваших косточек тоже. Не хочу я этого, чтобы из моих-то косточек.

Я бы поддержал кого угодно, кто предложил бы истратить асе деньги на посадку деревьев — по одному на каждого погибшего на войне солдата. Можно было бы следить, как деревья примутся, станут расти. Получилась бы большая общая забота, которая всегда людей объединяет. Деревьям можно было бы дать имена погибших.

Сознание тех, кто правит нами, насквозь даблоидно. Они строят снова мраморные дворцы, заставляя слуг драить полы, чтобы по ним прошелся очередной заезжий премьер-министр или президент. Нынешние правители — те же жрецы, использующие тотемы, наряжающиеся в пышные одежды, они вещают от имени «божества», приводя в трепет, ужас простых сограждан. Власть — всегда террор. Поэтому есть идея соорудить в центре города, который этого захочет, памятник Даблоиду. Чтобы, взглянув на него, человек мог опомниться, вернуться к незамороченному сознанию. Смех помогает иногда это сдепать.

Поэтому делаю выставки, езжу, говорю. Кто-нибудь посмотрит, услышит. И улыбнется И, аозможно, решит больше не ходить в колонне под каким-либо лозунгом.

— Художник «призывает к разрушению храма»? Помните, что за это полагалось в Древнай Иудее?

— Да, хорошо бы не только изгнать из храма торговцев, но и разрушить его. Думаю, что в будущем мы будем смелее разрушать старые клише, не заменяя их новыми. Пока же практически все в государстве работает на то, чтобы эти новые клише создать.

— Нередко Даблоид красного цве Это как предупреждение: туда лучі не ходить, так?

— Мы не должны пускать в св сознание наязываемое извне, п волять делать себя заложниками р ных, часто чужих, проблем. Мне н вится учение Кришнамурти, котор призывал к постоянной работе соз ния, наблюдению за собой как бь стороны. Этакий чадящий самог хоанализ. Только чистое созна позволит нам увидеть, как непов римы сплетения облаков, изяц лист, чудесно наше тело и вооб жизнь — удивительно радостно увлекательнейшее занятие. Это новная идея, которая занимает м в этой жизни. Всего остального б И в черном юношеском юморе б поиски поэзии. Заумь? Она помо понять бессмысленность смысла торый всегда нас порабощает. Ч век — центр Вселенной, мерило го. Зачем ему тот точный мет «точного» сплава, который леж палате мер и весов?

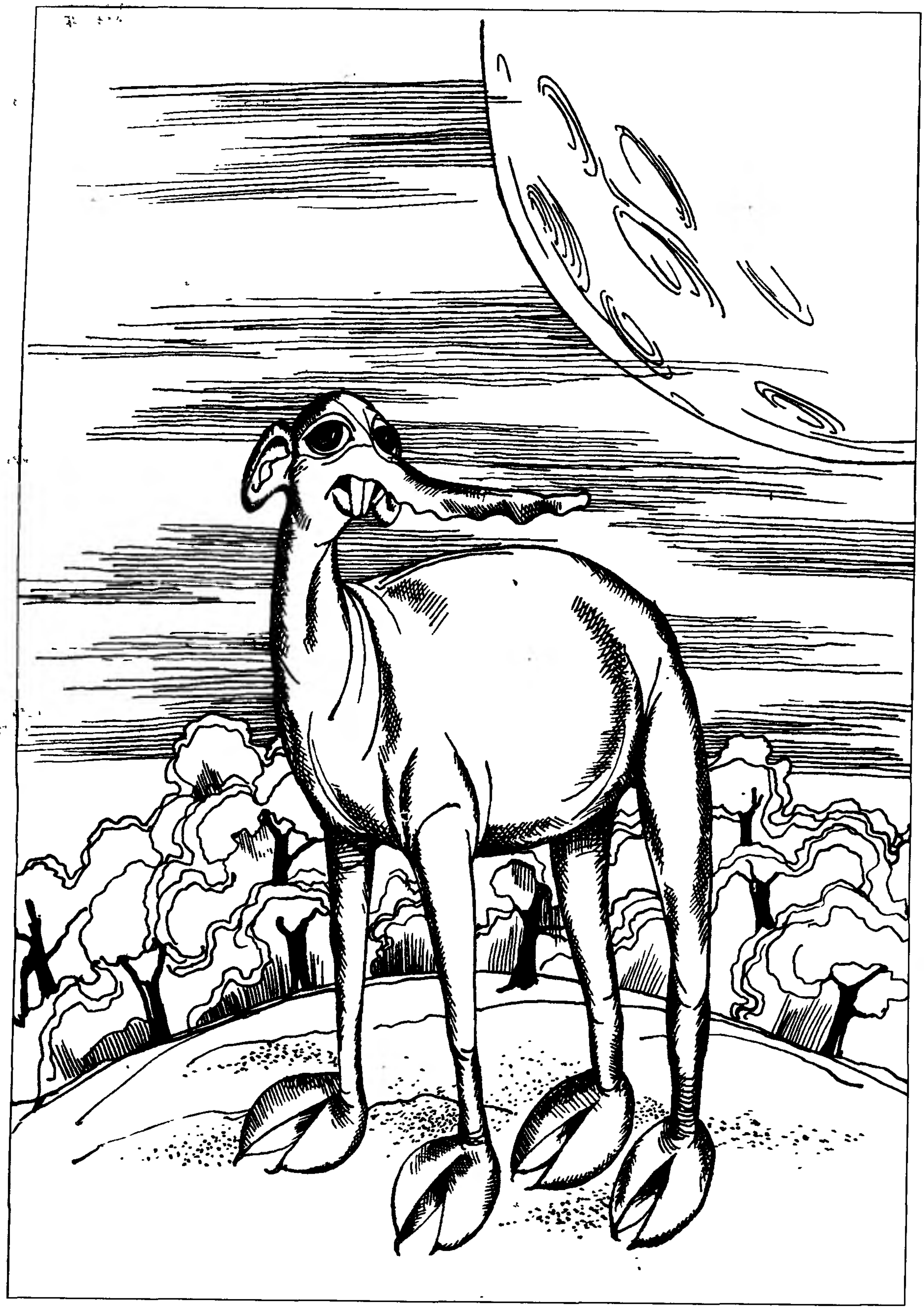
Искусство расшатывает пон смысла, идеологии. Результат придет в конце концов. Идеолс законы не понадобятся челов осознавшему, что он — мерило го. Футурология могла бы заня портретом будущего Человека торый поймет, что он асе уже з еаал, надо подумать о другом. А мы готовы наделять своих пото тем же первобытным мышлен заставляя захватывать все н планеты, порабощать галак Может быть, новый век ока переломным?

В Новосибирске нашелся чел который готов финансировать с жение памятника Даблоиду. В демгородке всегда было дост но людей, ценивших юмор. Нс демгородок — не весь Новосиб

Бесед

Наталия САФРОН

Жак Стернберг

Завоеватели

История, что уже неоднократно замечено, есть вечное повторение. И это правда.

Начиная с XXII века она значительно расширила сферу своего проявления, сохранив качество мифа, подверженного законам земного тяготения. Все, что свершалось в бесконечном пространстве на протяжении нескольких веков Космической Эры, уже происходило на Земле в средние века. Словно история имела в своем распоряжении небольшое количество элементарных блоков, из которых строила свои легенды: войны, завоевания, перемирия, революции... Снова никому не нужная очередная война, и затем столь же бесполезное очередное перемирие.

И все было именно так, за исключением того, что Земля уже давно превратилась в метрополию Вселенной. Человек, овладев своей родной планетой, успешно покорил множество чужих. Но ему так и не удалось достичь счастья, о котором столь много говорилось начиная с сотворения мира.

К титулу сына Божьего человек добавил звание космического титана, потом прозвище звездного короля, однако оставался все тем же легко уязвимым существом, с продолжительностью жизни меньшей, чем у какой-нибудь черепахи. И даже вписав не одну славную страницу в золотую книгу свершений, он так и не смог продлить срок, отпущенный ему природой. Можно даже сказать, что он довольно небрежно сократил продолжительность своей жизни, сделав гибель из-за несчастного случая еще более вероятной.

Ведомый инстинктом, человек много веков назад превратился в исследователя и воина. Можно утверждать: из всех бесчисленных рас, населяющих бесконечную Вселенную, человек оказался... нет, не то чтобы самым отважным, но, несомненно, самым хитроумным, самым алчным и самым воинственным разумным существом. Ни одна раса не смогла не только победить его, но даже сколько-нибудь замедлить его победное шествие. Получилось так, что Земля мало-помалу присоединила к своим владениям саму бесконечность, подчинила себе звездные системы и целые галактики. Уже много веков подряд в космическом пространстве благодаря неудержимому стремлению землян к обладанию проливалась кровь. И само пространство стало для человека не просто гигантской площадкой для упражнений и игры в абсолют, но и полем битвы, а заодно и бескрайним военным кладбищем. Для каждого обитателя космоса, будь он кошмарным чудовищем, разумной личинкой или живым пузырьком газа, слово «землянин» значило «убийца», а определение «земной» имело т же смысл, что и понятие «неумолимый». В любо мире, куда доносилась весть о неминуемом появлен: в ближайшем будущем землян, поднималась стра ная паника. Нашествие землян несло разгром, смер мучения, а затем и безжалостную колонизацию.] покоренной планете все обращалось на службу чел веку: земли, воды, растения, продукты производст даже отбросы. Завоеватель ничем не брезговал, мгн венно улавливая возможность практического прим нения чего угодно. Разумеется человек не работ сам; он заставлял других добывать, перевозить, об батывать то, что жаждал присвоить. Появление зе лян означало вечное рабство, каторжный труд (малейшей передышки и без какой-либо компенсац И так происходило главным образом потому — : обязательно нужно уточнить, — что само поня «работа» было мифом, имеющим хождение только Земле. Нигде за ее пределами во всем бесконечн космосе никто и никогда не знал того, что на Зем называлось работой. Ни одно разумное сущест отсталое или высокоцивилизованное, в воздухе и под землей, никогда не испытывало потребно накапливать ценности, добиваться видного поло ния в обществе или просто зарабатывать себе жизнь, поскольку ее все равно приходилось теря

2125 год оказался весьма важной датой, пожал самой примечательной в истории человечества этом году произошло событие, давшее начало бес нечной цепочке завоеваний. Земляне наконец выр лись за пределы своей планеты: большими сила они высадились на планете П-1: когда-то этот называли Марсом. Вначале обитатели нового м привели землян в ужас. Но после первого же сра ния люди поняли, что без особого труда овлад этой планетой. Дело в том, что громадные обитат П-1, или пуструлы, как их стали называть, мгнове погибали при малейшем контакте с любым метал ческим предметом. С помощью обыкновенной бу ки можно было устроить настоящее побоище. Им но так и повели себя люди. Охота на пуструлов ст на П-1 столь же популярной, как утиная на Зе Всего через год немногих уцелевших абориген П-1 пришлось разместить в резервациях.

Короче говоря, планета П-1 была покорена каких-либо потерь для землян; этот первый у укрепил уверенность человечества в своих си кажется, теперь бы оно поверило, что спосо перемещаться в межзвездном пространстве без п щи ракет, словно некий галактический коршун..

Не теряя времени, на П-1 отправились ты колонистов для извлечения из ее недр соли — е ственного природного сырья этой планеты. З штурмовые отряды устремились дальше, к пла П-2 (в те времена, как и сегодня, к нумера относились с большим уважением: она основан правилах арифметики, которые, несмотря на гресс, не претерпели существенных изменений).

Завоевать планету П-2, мир высоких темпера оказалось еще проще. Достаточно было брызну туземцев, получивших название «пастры», обы холодной водой, как они тут же погибали. Убий на П-2 было таким легким делом, что даже у наиб свирепых бойцов пропал к нему всякий интере тому же завоевание оказалось не только бесслав но и бесполезным, поскольку на этой планет удалось обнаружить ничего полезного для чело Пришлось превратить П-2 в зону отдыха для л телей погреть кости. Эта планета, получившая г кое название «Огненный берег», на протяжении гих лет была самым модным местом отдых многочисленные туристические агентства неп зарабатывали, вовсю эксплуатируя курорт.

И так, продвигаясь от планеты к планете, от о звездной системы к другой, от галактики к галак земляне заслужили славу самых смертоносных с

ний Вселенной. Оставляя за собой не только радиомаяки и братские могилы, но и соответствующие привычные чиновничьи структуры, они мало-помалу очеловечивали Вселенную.

И хотя не всегда победы доставались так же легко, как на П-1 или на П-2, человеческая кровь никогда не лилась потоками. Так что совсем немного памятников погибшим при завоевании Вселенной было воздвигнуто на земле. Ирония судьбы: убивать, как правило, было настолько легко, что смертоносное оружие, которое совершенствовалось в течение столетий, просто не находило применения. Можно было прекрасно обойтись и без него, сражаясь с помощью подручных средств. Например, мыльными пузырями удалось завоевать П-56, сигаретный дым обратил в паническое бегство эльгов с П-75; любое громко произнесенное слово сеяло панику среди ортигов на П-83; использовав ароматические воскурения, человечество добилось полной капитуляции фарагров, несмотря на их ядовитые шипы. Экономные земляне старались убивать, избегая лишних расходов и превращая этот процесс в банальную, чуть ли не канцелярскую работу.

Вот таким образом, строка за строкой, писалась всемирная история. Довольно однообразная история, надо сказать.

К 2647 году Земля имела несколько сотен колоний, протекторатов и оккупированных территорий с концлагерями, полузаброшенными тюрьмами и поселениями ссыльных. Большинство покоренных миров были крупными промышленными или коммерческими центрами и Земля жирела, эксплуатируя их.

А жажда становилась все сильнее.

Человек же сознательно закрывал глаза на то, чего ему не хотелось видеть. Отправляясь в пространство за миллиарды километров от своей родины, он не задумывался о том, что при этом приближался отнюдь не к Богу, местонахождение которого все еще оставалось неизвестным, а к своей могиле. Конкистадорам космоса редко удавалось преодолеть рубеж сорокалетнего возраста — такова была плата за путешествие по бесконечной дороге.

И вот в 2735 году было принято решение завоевать планету П-473, получившую название Мож и находившуюся к северо-западу от перекрестка Млечного Пути и Национальной трассы 002. Планета Мож, согласно донесениям разведчиков, обладала в изобилии сырьем, полностью израсходованным на Земле еще в незапамятные времена. Крайне редко встречалось оно и на других планетах. Речь идет о древесине. Чтобы исключить малейшую возможность неудачи, было решено послать на П-473 самую крупную армию, которая когда-либо покидала Землю. Как раз наступил большой праздник — столетний юбилей командующего, спасшего в Болотной Галактике дивизию землян, попавших в коварную засаду, устроенную космическими пиявками. Имя этого генерала было присвоено армии, направлявшейся на завоевание П-473. Потом по тревоге был поднят целый батальон кардиналов для благословения десяти миллионов солдат, уже напяливших на себя космические скафандры. Даже сам папа отвлекся на время от своих благочестивых размышлений, чтобы пролететь на бреющем полете над армией вторжения и осенить святейшим знамением.

На заре дня, объявленного национальным праздником, с разных точек земной поверхности в небо устремились бесчисленные корабли, чтобы соединиться в единую эскадру в определенной точке между двумя бесконечностями. Могучая армада пробила облачный покров, пронизала стратосферу и с оглушительным грохотом, сопровождавшим ее старт, устремилась в ледяное молчание космического пространства.

При виде этой чудовищной тучи стальных шмелей, несущихся в черноте космоса, можно было подумать, что предстоит штурм смертельно опасной планеты. На деле же все хорошо знали, что вряд ли можно было найти более безобидную планету, чем П-473. Мастры, обитатели Мож, как это подтверждали все полученные сообщения, были исключительно миролюбивыми существами, хорошо приспособленными к жизни на своей планете, покрытой дремучими лесами, тенистыми рощами, густыми непроходимыми зарослями. Своим обликом они удивительно напоминали бобров, когда-то распространенных на Земле. Все их стремления и навыки подчинялись одной цели: грызть и строить дома из столь обильной на планете древесины. Примитивные и совершенно безобидные создания не имели никакого представления о таких категориях, как недоверие, ненависть, не знали убийства: будучи единственными живыми существами своего мира, они никогда не враждовали друг с другом.

У мастров, передвигавшихся на высоких тонких ногах, были большие лапы без суставов, похожие на инструменты плотника, бочкообразное коренастое туловище и маленькая головка циклопа с меланхоличным взглядом красивых оленьих глаз, длинные резцы грызуна и вытянутый пилообразный нос, с помощью которого мастры искусно валили деревья. Разумеется, они были исключительно травоядными существами, и вся их цивилизация медленно вращалась вокруг служившего осью культа дерева, единственного дара, полученного ими от природы.

Операция была задумана как грандиозный спектакль. На протяжении всего полета на кораблях звучали приказы и распоряжения командования, гремели военные гимны и речи, полные трескучих фраз и праведного гнева. Организаторам пропагандистской кампании пришлось разыграть в звуке и цвете трагическую историю дерева: от его былого процветания на Земле, до полного исчезновения. При этом особенно подчеркивалось значение дерева для человеческой цивилизации. Каждому участнику экспедиции доходчиво объясняли, как важно спасти будущее земной культуры, завоевав леса на Може. Каждого бойца постарались убедить в том, что эти мерзкие мастры готовы защищать свою территорию до последней капли крови и что вторжение на их планету — ответственнейшая миссия.

Мастры даже не успели по-настоящему испугаться и попрятаться по своим деревянным домам, как на них обрушилась великая армада. Молнии, которые земляне принесли с собой, буквально испепелили несчастных обитателей П-473. Через час после начала высадки земляне стали абсолютными хозяевами мира, где была уничтожена разумная жизнь. Поверхность планеты была усеяна трупами мастров, валявшихся между дымящихся воронок. Но у людей хватало техники, чтобы вырыть гигантские братские могилы, заполнить их телами убитых и снова закопать. Во время вторжения армия Земли потеряла всего одного бойца (это был офицер, который, не выдержав адского грохота атаки, скончался от инфаркта).

Насытившись пальбой, удовлетворенные великолепной победой земляне занялись выгрузкой доставленных на П-473 строительных конструкций. Быстро заложили фундамент будущего космического центра с гигантским космопортом, предназначенным исключительно для вывозки древесины.

Когда сгустились сумерки, усталые, но преисполненные чувством выполненного долга, завоеватели начали устраиваться на ночлег.

Никто из заснувших десяти миллионов землян так никогда и не проснулся, не пережил эту первую ночь.

Да, они завоевали планету Мож. Но герои-победители не имели представления об одной детали: на этой планете смерть была заразной.

Перевел с французского
Игорь НАЙДЕНКОВ

РЕЗУЛЬТАТ

Борис
Горзев

ГЕНЕТИКА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Мрачноватый и не новый в фантастике вариант историософии как бесконечного развития во времени концепции войны Жак Стенберг как бы поверяет алгеброй. Война не только аморальна, но и лишена, в конце концов, логического основания. Этот вывод вполне совпадает с положениями популяционной генетики. Логичны, с точки зрения выживания вида, кооперация и взаимная помощь. Об этом размышляет ученый-писатель.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ДАРВИНА

Существует расхожее представление о дарвиновской теории естественного отбора: основное условие эволюции — борьба за существование. Это условие переносилось и на эволюционное развитие человечества, откуда следовал определенный вывод. Человек от природы эгоистичен, его основные инстинкты — самосохранение и стремление к личной выгоде. Тогда как можно объяснить нередко проявляемые людьми жертвенность, милосердие, самоотвержение, готовность рисковать собственной жизнью ради других? Откуда в человеке этот естественный альтруизм?

Считалось, что все прекрасные качества и этические начала приобретаются человеком в ходе индивидуального развития, и решающая роль здесь принадлежит воздействию среды, воспитанию, религии. Внимательное чтение классических работ того же Дарвина уверенность в этом колеблет. Более того, от нее не остается и следа при знакомстве с трудами ряда отечественных исследователей века минувшего и нынешнего.

Но вернемся к Дарвину. Вводя в науку понятие борьбы за существование, ученый подчеркивал, что трактовать его следует «в широком и переносном (метафорическом) смысле, то есть включая сюда зависимость одного живого существа от других, а также — что гораздо важнее — не только жизнь самого индивидуума, но и возможность для него оставить по себе потомство» («Происхождение видов»). Да, идея о борьбе за существование универсальна, но каким оружием она ведется и кто в ней побеждает? Говоря о борьбе «метафорической», Дарвин подразумевает не агрессию друг против друга внутри вида, а конкуренцию межвидовую, точнее — вживание в среду, которое позволит существовать и оставлять потомство. Он уточнял эту мысль в последующем своем труде «Происхождение человека», говоря о том, что процветать и оставить наибольшее потомство смогут сообщества, «которые содержат наибольшее количество сочувствующих друг другу членов». Не случайно Дарвин, обычно приводящий множество доказательств и примеров в пользу того или иного положения своего труда, фактически не находит ни одного примера в подтверждение борьбы между особями одного вида. Она принимается как аксиома.

Добро и Зло, существующие извечно рядом, — великие философские категории. Но с точки зрения биологии, эволюционной генетики, оценок «хорошо» или «плохо» (не может. Есть понятие нормы, а тации, того, что, как говорят уче проходит сквозь сито отбора. А ск отбор могут проходить и закрепл ся разные признаки, которые отн мы к категориям и Добра, и Зла. Т агрессивность, хищность — она лжна была закрепиться в проц отбора, иначе на ранних этапах люции человечество просто не жило бы. Но с тех давних вр начинаются и ассоциация, взаи помощь еще допервобытных н предков. Значит, складываются чатки этики. На определенном э эволюции «понято», что семье выживешь, это не проходило от Так формируется стадо, в кот складывается своя, весьма жес иерархия власти, отношений. Н пища, которую не добудешь бе зической силы, «клыков и ког Но, оказывается, выжить невоз но и без взаимопомощи, сочувс заботы о потомстве. Добро и перемешиваются в человеке. мечательный отечественный уч нашего времени, с позиций эво онной генетики рассматрива этику, Владимир Павлович Эф сон сформулирует этот парадок люции. Самый жестокий, без ственный и аморальный механи всех существовавших на зем естественный отбор — породил хранил инстинкты величайшей ственной силы.

К сожалению, с учением Да случилось то же, что со многим гими, столь же великими учен которые объясняли человека более что эволюционизм — на многом описательная, это не матика или физика. Отсюда пр для субъективизма последоват которые могут идею огрубит вовсе исказить, приспосаблива собственную концепцию.

Нечто подобное случилось и нием Дарвина. Его последоате были склонны к тонкому, «мета ческому» пониманию идеи бор существование, напротив, онв возведена в принцип, закон все логии, которому, следователь лжен подчиниться и человек. О признанных представителей э ционной теории Гексли упод животный мир природы арене аторов. Ясно, чем заканчивают добные сражения.

ВОССТАНАВЛИВАЯ ПРИОРИ

Первым признал взаимную п законом природы и главным ром эволюции русский посл тель Дарвина, известный зо свое время декан Петербургско верситета, профессор К.Ф. Ке Эту идею он сформулировал которую произнес на съезде р естествоиспытателей в 188 Закончил ученый такими сл «...не отрицаю борьбы за сущ вание, но только утверждаю, ч грессивному развитию... чело тва не столько содействует вз

борьба, сколько взаимная помощь...» Для своего времени мысль эта была революционной, однако речь, напечатанная только на русском языке, осталась не известна мировой науке. Тем более что через несколько месяцев после ее произнесения ученый скончался.

Идея была подхвачена русскими естествоиспытателями Н.А. Северцовым и прежде всего Петром Алексеевичем Кропоткиным, который довел идею до уровня концепции, теории. Основы ее изложены в труде Кропоткина «Взаимная помощь как фактор эволюции», увидевшем свет в 1907 году. На этот раз «поправка к теории Дарвина», сделанная русским ученым, была замечена в мире, работа переведена на несколько языков, а Кропоткин был избран членом Британской научной ассоциации за выдающиеся географическое и другие открытия. Взаимная помощь провозглашена законом природы, что доказывается автором на большом материале, в том числе и касающемся «общественной жизни млекопитающих» (выражение Кропоткина). Вывод таков: лучшие условия для прогрессивного подбора создаются устранением состязания, путем взаимной поддержки; естественный отбор постоянно «выискивает» пути, помогающие этого состязания (битвы гладиаторов, по Гексли) избежать. Сохраняются те виды, которые умеют это сделать.

Не война всех против всех и вся, а объединение, кооперация, взаимопомощь. Этому учит природа, и ее голосу вняли все животные, «которые достигли наивысшего положения в своих соответственных классах». В практике взаимной помощи, которая несомненно присутствует и на самых зачатках эволюции, лежит происхождение этики.

Ученый сформулировал свою теорию на рубеже веков, в еще догенетическую эпоху и не мог претендовать на создание принципиально нового учения об эволюции. Впрочем, единого такого учения не существует и поныне. Споры вокруг эволюционной теории ведутся второе столетие. Порой беспредметно, поскольку она не может быть экспериментально подтверждена или опровергнута. Все остается на уровне гипотез, которые формируют общие представления о развитии биологии.

Труды Кропоткина казались коекому архаикой и даже усматривалась в них ересь, поскольку взгляды ученого не соответствовали господствующей теории эволюции. Однако к идеям его снова проявляется интерес. Очень напоминает концепцию Кропоткина теория эволюции, с которой выступил японский ученый К. Иманиши. Пару десятилетий назад о роли альтруизма в развитии человеческого общества размышлял В.П. Эфроимсон, безусловно, хорошо знакомый с трудами Кропоткина. Положения статьи Эфроимсона, увидевшей впервые свет в 1971 году (в значительно цензурированной редакции), разделили некоторые отечественные генетики: Б.Л. Астауров, Д.К. Беляев, М.Д. Голубовский.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЭТИКИ — СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Понадобилось более двух десятилетий, чтобы взгляды выдающегося отечественного ученого (разумеется, как водится в отечестве, — посмертно, В.П. Эфроимсон умер в 1989 году) стали достоянием гласности. Только что вышел его труд «Генетика этики и эстетики», на основании которого и написана та статья 1971 года, а два года назад журнал «Химия и жизнь» опубликовал впервые ее текст без цензурных переделок и купюр, такой, каким он ходил в свое время в самиздате, вызывая восторг научной молодежи. Стоит упомянуть социальный контекст, в котором работа создавалась. Еще сильны в биологии позиции «лысенковщины», еще рискованно касаться таких тем, как генетика поведения человека, его психических свойств. В массовом сознании господствует представление о ведущей роли самого «гуманного» социалистического общества в деле воспитания человека, формирования его психики. А тут ученый говорит, что альтруизм, жажда знаний, противление злу столь же биологичны, как и другие генетические признаки человека.

Этика была представлена как продукт естественного отбора человека. Этические нормы передаются из поколения в поколение, и меньшая или большая восприимчивость к ним — наследственна, она и поддерживалась отбором. Передача принципов этики — это связь времен, которая для Гамлета, например, прерывается смертью, вернее, убийством отца. Автор показывает, как «отбор повел человечество по пути создания эмоционального комплекса совести» (под совестью он предлагает понимать всю группу эмоций, которая побуждает человека совершать поступки, лично ему не выгодные и даже опасные, но приносящие пользу другим людям). Оказывается, в процессе естественного отбора, по мере превращения человека в животное социальное, развивались эмоции человечности, доброты, рыцарское отношение к женщинам, старикам, жажда познания. Разумеется, первичный альтруистический импульс может быть слаб, и человек, нацеленный на нечто противоположное, легко его преодолевает (и общество помогает ему в этом), но импульс есть, следовательно, отбор работал не зря.

Правомочен тезис: культура как средство выживания, поскольку она служит одним из компонентов системы адаптации человеческого вида к среде. Есть конкуренция, есть доли зла в каждом, но есть и любовь к ближнему. Нагорная проповедь Христа — «да светит свет ваш пред людьми» — возникла не на пустом месте. Человечество было уже подготовлено к ее восприятию, и императивы Ветхого Завета: «не убий», «не укради», «не возжелай...» и т.д. уступили место более совершенному нравственному закону: «блаженны милостивы, ибо они помилованы будут». Однако и установления древних, и Нагорная проповедь имели целью одно — предложить человечеству еще один способ выживания. Недаром христианство закрепилось в культуре, остается в веках. Его постулаты были нужны для выживания вида. Генетики называют это «культуральным наследованием». Вроде бы родители вкладывают нечто в своего ребенка, но это нечто имеет генетический базис. Жизнь и биология — вещи жесткие. Сохраняются только признаки восприятия полезных для выживания вида норм поведения.

В природе господствует примат вида, и ей безразлична судьба индивидуума. Есть вид, на сохранение которого (или на несохранение) и действует природа. Человечеству надо было пройти колоссальную духовную эволюцию, чтобы понять ценность единичной жизни. Для этого потребовалось чуть ли не сто тысяч лет — кажется, столько, сколько человек существует.

Он получил от природы в дар превосходный мозг, интеллект — мощнейший аппарат для выживания вида. Представим только себе, в какую пропасть мог зайти с его помощью человек, не имея этических подпорок. Человечество живет и развивается путем проб и ошибок. Неудачно? Начинаем исправлять. Идет не просто процесс на элементарном уровне, идет приспособление, чтобы выжить. На определенном этапе требовалась система запретов («не убий» и т.п.), которая, пройдя длительную историческую фазу, кстати, не утратила своего значения до сих пор. Но началась и другая фаза: *человек имеет право.* Декларация прав человека, другие законоуложения, кодексы, институции, эти права закрепляющие, — это тоже составные системы выживания. Эволюционный вектор привел к идее ценности не только вида, но и индивидуума. Это огромное завоевание, не будь которого, человечество могло быть истреблено, самоуничтожено в нескончаемой войне всех против всех. Вспомним войны, которые велись по 30, 100 лет всего лишь несколько веков назад.

Значит ли это, что человек будет привержен только добру? Нет, поскольку в нем намешано всякого. И в пределах одного вида возможны тоже крайние варианты: блаженные и злодеи. Между ними — ошеломляющее разнообразие людей, типов личности. Вот здесь и важно горнило отбора, действующего на уровне культуры. В обществе, например, есть профессиональные ниши «отбора». Скажем, люди с предопределенностью творить добро идут в религию. Математика, философия, психиатрия привлекает лиц шизоидного склада. Всякий тип личности может найти свою нишу и реализовать потенции в социально приемлемых рамках.

Интересные исследования провели американские психологи, выявляя с помощью специальных тестов возможную склонность людей к асоциальным действиям, их врожденную агрессивность. Оказалось, что таковых больше всего среди полицейских и... педагогов. Может быть, результаты всякого рода тестирований далеко не абсолютны, особенно спорным выглядит второй вариант «врожденного агрессора». Хотя, если видеть своего рода «агрессию» в желании властвовать над умами других, видеть психологическую зависимость кого-то, подавлять своим авторитетом, результаты тестов не покажутся ошеломляющими.

В свое время В.П. Эфроимсон подвергся особенно большим нападкам как раз за размышления на тему генетики преступности. Речь идет, как заметил ученый, не о противопоставлении социальных факторов наследственности, а об отклонении от нормального генотипа, которым преступность в значительной мере порождается. Есть набор синдромов, аномалий наследственной конституции, дефектов хромосомного аппарата, оказывающих властное влияние на формирование личности, которые создают, так сказать, группу риска. Реализация тенденции зависит от социальных условий.

Ученый анализирует данные ряда исследователей разных стран о частоте преступности второго близнеца (при преступности первого) среди пар однояйцевых и двуяйцевых близнецов. Первые имеют идентичные генотипы, вторые отличаются примерно на половину генов. Так вот, среди однояйцевых близнецов (в случае преступности одного) становятся преступниками две трети «напарников». Этот показатель много ниже (примерно четверть случаев) при неполном генотипическом сходстве близнецов двуяйцевых.

Разумеется, не все люди из группы риска становятся преступниками, особенно если общество не толкнет их на этот путь. Но ученый предлагает задуматься и над тем, что вкладывает общество в понятие «преступник». И здесь, замечает автор, напрашивается вопрос: что общего между профессиональными преступниками, нередко тупыми, примитивными, с их легко удовлетворяемыми страстями, и иными властителями, повелителями народов, завоевателями, партийными боссами, всеми теми, кто оказывается на вершине социальной лестницы?

Нечто общее есть, считает Эфроимсон: это *бессовестность*. А разница в деяниях определяется возможностями, которые у правителей значительно богаче. Масштабы их преступлений могут охватывать сотни тысяч и миллионы человек, тогда как бытовой преступник убивает или грабит единицы. Нередко решающим фактором социального успеха личности оказывается именно бессовестность, хотя и энергия, целеустремленность, наконец талант роль тоже играют. Можно надеяться, что естественный отбор и отбор социальный начнут когда-нибудь совпадать. И главным фактором социального отбора станут не честолюбие, жажда власти, жестокость и та самая бессовестность, а готовность к «взаимной помощи», которая и помогла некогда животным достичь «наивысшего положения в соответственных классах».

А не слишком ли много бед принесли человечеству «бессовестные»? Убрали из популяции самых нравственных, способных, честных? Если смотреть на происходящее глазами биолога, генетика, эволюциониста, ответ может звучать оптимистически. Все частоты генотипов, характерных для популяции, должны восс новиться — для этого потребуется более двух поколений (в генеті одно равняется примерно 25 года При нормальной, разумеется, с то зрения биолога, ситуации, без вой и геноцида. Требуется лишь *ест твенный*, а не искусственный отб когда все люди имеют равные шан на воспроизведение, рождение и в питание потомства.

Природа одарила каждого из многочисленными способностя мощным и проницательным разум Попробуем с ее помощью различ добро и зло, понимать их и устр ляться к первому.

«Отбор естественный и социальный шли в далеко несовпадаю направлениях, если не сказать — противоположных. Нередко главн факторами социального отбора были честолюбие, властолюбие, жес кость, беспринципность.

Социальный отбор лишь в слабой степени шел по признакам энер одаренности и нередко, как, например, свидетельствуют биогра миллиардеров, шел и на способность к хищничеству.

Истребление Наполеоном пленных в Яффе оправдывали необх мостью. Но его этическая сущность раскрывается посылкой им в пе послетермидорианской безработицы прошения о принятии на рус службу. Тем не менее корсиканец позднее взывал к патриотизму фра зов столь же успешно, как австриец Шикльгрубер — к патриоти немцев.

Обжора в состоянии съесть несколько обедов; даже Распутин, п шах или султан имели все же ограниченное число любовниц, и только из страстей ненасытна — властолюбие. Оно победило самого Наполе Именно властолюбие породило наибольшее число преступлений. Эйх убийца шести миллионов, как выяснилось на суде, не был антисеми однако величайшей гордостью его жизни было то, что он, лейтен однажды как равный участвовал в заседании среди одних лишь генер

Существование импульса человечности вынуждает подбирать иде гические мотивы для его нарушителей и постоянно подкупать окру щих чинами, должностями, деньгами. Попрание норм человечн быстро расслаивает нарушителей по иерархической лестнице соот ственно степени их готовности преступать рамки кодекса этиче норм...

...Опричники и янычары давно продемонстрировали и плоды напра но-солдафонского воспитания, и если признать всемогущество им «воспитания», то попытка Гитлера вырастить такую молодежь, которой содрогнется мир, уже не покажется безумной. Однако в вступает групповой отбор: опричнина оказалась прологом к смут времени, янычаров пришлось уничтожить как величайшую угрозу ственному государству...

...Избавившись и от религиозных догм, и от веры в вождей и руко телей, которые знают все лучше других, все же нелегко жить по см ощущаемым законам этики, в условности которых человечество долго и упорно убеждали со всех сторон. Слишком долго проповедов классовость, временность, условность законов этики, их субъек ность... Эволюционно-генетический анализ показывает, что... естес ный отбор связал все человечество единым органом — совестью.

Это чувство всегда во все времена стремились извратить, пода захватчики и тираны. Это естественное, природное чувство сов можно временно заглушить у части или у многих. Тот, кто его л легко накупит единомышленников. Он может захватить влас создать могучую систему массового обмана и дезинформации. Но на, которая это допустит, обрекается на деградацию.

Секрет прост. К бессовестной власти быстро присасываются бес тные исполнители, и начинается цепной процесс... Полстолетия в инквизиции сбросили Испанию в такую пропасть, из которой она не выбраться несколько столетий...

Безгранично возросшие возможности массового насилия и дезинф ции заставляют противопоставить им осознанный общечелове щит совести и отношение к добру и злу как основоположным катего не допускающим софизмов».

В.П. Эфроимсон. «Генетика эт

PERSONALIA ● PERSONALIA

ПРИСТ, Кристофер (PRIEST, Christopher)

Английский писатель, родился в 1943 г. Писать начал рано, причем для нефантастических произведений использовал различные псевдонимы. Первая НФ-публикация — рассказ «Бег» («Impulse», 1966 г.). Многие из его ранних новелл вышли в сборнике «Мир в реальном времени» (1974 г.). Первый роман Кристофера Приста — «Постижение» (1970 г.). Это мрачный взгляд на будущее практически уничтоженного мира, где главный герой, перемещаясь во времени, пытается изменить ход событий. Роман, затрагивающий изрядное количество проблем, вышел довольно эклектичным, однако следующий, «Фуга для темнеющего острова» (1972 г.), получил весьма лестные отзывы критиков. В нем описываются социальные и политические проблемы Англии в недалеком будущем, которая подвергалась нашествию полчищ беженцев из Африки, где разразилась ядерная война. Далее последовали романы «Опрокинутый мир» (1974г.) и «Машина пространства» (1976 г.). Начиная со «Снов Вессекса» (1979 г.), где души нескольких десятков людей переносятся при помощи компьютера в виртуальный мир, Кристофер Прист начинает уделять все больше внимания психологическим аспектам прозы. Такие произведения, как «Утверждение» (1981 г.) и «Колдовство» (1984 г.) считаются вершинами его творчества. Знаменитый английский писатель Джон Фаулз назвал Приста «одним из наиболее одаренных и поэтичных писателей-фантастов».

ЭФФИНДЖЕР, Джордж (EFFINGER, George)

Американский писатель Джордж Алек Эффинджер родился в 1947 г. Некоторое время посещал семинар-школу фантастов «Светоч» в Пенсильвании, где общался как с маститыми писателями (Т. Диш, X. Эллисон, Д. Найт, У. Ле Гуин), так и с начинающими. Три рассказа Эффинджера вошли в антологию произведений участникоа семинара («Clarion», 1971 г.). Первый опубликованный рассказ появился в журнале «Fantastic» (1971 г.). Ранние работы часто публиковал под различными псевдонимами. Рано утвердился как автор стилистически отточенных новелл сюрреалистического плана, став регулярным автором в антологиях «Orbit» (издатель Д. Найт) и «New Dimensions» (издатель Р. Сильверберг), а также во многих журналах. Выпустил пять сборников рассказов, в основном написанных в 70-е годы. В 80-х перешел к большой форме, однако именно тогда рассказ Д. А. Эффинджера «Котенок Шредингера» (1988 г.) завоевал «золотой дубль» — премии «Хьюго» и «Небьюла». Первый роман Эффинджера «Что для меня значит энтропия» (1972 г.) — многоплановая «космическая опера» — получил высокую оценку Старджона и Сильверберга и номинировался на «Небьюлу». Последующие романы подтвердили мнение об Эффинджере как о любителе удивлять читателей; кроме того, выяснилась его склонность к детальной разработке общественных и философских основ создаваемых им миров. Роман «Когда под ногами бездна», выпущенный в 1987 г. (Мариду Одрану посвящены еще две книги), по мнению критиков, лучшее произеедение одаренного писателя. «Это прорыв... Вот на что способен киберпанк, когда он вылезает из пеленок», — сказал об этой книге Орсон Скотт Кард.

БИССОН, Терри (BISSON, Terry)

Американский писатель, родился в 1942 г., вырос и долгое время жил е Кентукки (подобно Хогбенам у Г.Каттнера), а ныне живет в Нью-Йорке. Литературный дебют Терри Биссона — весьма необычный роман в жанре героической фэнтези «Wyrldmaker» (1981 г.), написанный живо, с изрядной долей юмора. Со следующего романа, «Говорящий» (1986 г.), на Биссона всерьез обратила внимание критика. Написанная одновременно в стиле Саймака и Муркока, с добрым юмором, эта книга заслужила очень хорошие отзывы и была в числе финальных претендентов на Всемирную премию по фэнтези. «Восхитительная книга без каких-либо изъянов», — отозвался о ней Дж. А. Эффинджер, а М. Муркок назвал Биссона человеком со свежим воображением. Третий роман, «Огонь на горе» (1988 г.), повествует об ином варианте истории США после гражданской войны Севера и Юга, а четвертый — «Путешествие на Красную Планету» (1990 г.) — об экспедиции на Марс в XXI в. космического корабля «Мери Поппинс». До 1990 г. Биссон не писал рассказов, а вышедшая в 1990 г. новелла «Медведи открывают огонь» внезапно завоевала «Хьюго», «Небьюлу» и мемориальную премию Т. Старджона, подтвердив мнение о Т. Биссоне как о чрезвычайно интересном авторе.

ЛУКИН, Евгений Юрьевич

Родился в 1950 г., закончил Волгоградский пединститут. Фантастику начал писать в соавторстве с женой, Л. Лукиной. Их произведения публиковались во многих журналах и альманахе «Искатель», неизменно вызывая интерес читателей. У Лукиных вышло две книги: сборники рассказов «Когда отступают ангелы» 1990 г. и «Пятеро в лодке, не считая Седьмых» (1991 г.). Их произведения переводились на немецкий, французский, греческий и ряд других языков. Лукины — лауреаты премии «Еврокона». В последнее время Евгений Лукин работает без соавтора. О стиле писателя дает представление его ответ на вопрос о том, как он расценивает включение его в состав жюри литературной премии «Странник». Е. Лукин ответил: «Литературных заслуг за собой не числю. В жюри вошел за крупную взятку».

СТЕРНБЕРГ, Жак (STERNBERG, Jacques)

Известный французский художник и писатель, работал в жанре мистики и фантастики. Родился в 1923 г. в г.Анвере (Бельгия). С детства его главными увлечениями стали фантастика и математика. Однако специальностей будущий писатель освоил множество: за 8 лет он сменил 29 рабочих мест. Владение многими профессиями довел до совершенства: фоторaботы, выполненные для обложек журнала «Фиксьон», знатоки сравнивали с произведениями Макса Эрнста. Некоторое время состоял в редколлегии журнала «Странное». Писать начал в 50-е годы. Известность заслужили такие его романы, как «Вина» (1954 г.), «Выход — в глубинах космоса» (1956 г.), «Меж двух неопределенных миров» (1958 г.). Опубликовал несколько сборников «странных» рассказов — «Геометрия в невозможном» (1953 г.) и «Геометрия в ужасе» (1955 г.), а также большое количество отдельных новелл в периодических изданиях. Для творчества Стернберга характерно слияние жесткости сатиры с буйной игрой воображения, сюрреализма ситуаций с их философской оценкой, математики с черным юмором.

Подготовил
Андрей ЖЕВЛАКОВ

ЕСЛИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Пирс Энтони
ВАР МАСТЕР ПАЛИЦЫ

Сэмюэл Дилэни
НОЧЬ И ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ ДЖО ДИКОСТАНЦО

Дэвид Александер, Хейфорд Пайрс
ЛУЧШИЙ ИЗ ЛУЧШИХ

Конкурс «БАНК ИДЕЙ»

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ
73118, 39801, 32305